

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Переход государственных сельскохозяйственных предприятий в иную форму собственности не влияет на жилищные права граждан, вселившихся и проживавших в домах таких предприятий до их реорганизации, в том числе на право бесплатной приватизации жилья

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 24 апреля 2018 г. № 33-КГ18-1*

(Извлечение)

В. обратилась в суд с иском к акционерному обществу (далее — АО) о признании в порядке приватизации права собственности на жилой дом, ссылаясь на то, что спорное жилое помещение было предоставлено ее семье государственным сельскохозяйственным предприятием “Раздолье” в 1986 году на условиях социального найма, в нем она была зарегистрирована и проживала на момент рассмотрения требований. Истец полагала, что реорганизация предприятия, правопреемником которого стал ответчик, не повлияла на объем ее жилищных прав, включая право на приватизацию в порядке, установленном Законом РФ от 4 июля 1991 г. № 1541-1 “О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации” (далее — Закон о приватизации).

Удовлетворяя иски требования и признавая за истцом право собственности на спорный дом, суд первой инстанции исходил из того, что В. занимала его на условиях договора социального найма, ранее в приватизации не участвовала, иные лица, проживавшие в доме, не возражали против его приватизации истцом; регистрация

права собственности на дом за ответчиком в силу положений ст. 18 Закона о приватизации не влияла на право истца приватизировать спорный дом.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая В. в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что при реорганизации колхозов и совхозов дальнейшая принадлежность жилого фонда данных организаций должна была быть определена одним из следующих способов: жилищный фонд должен быть передан в собственность соответствующих местных органов власти; передан (продан) гражданам, занимающим в жилом фонде помещения в установленном законом порядке (договоры приватизации жилья колхозы и совхозы могли заключать с гражданами до реорганизации и в момент реорганизации, однако такая возможность утрачивается гражданами с момента регистрации нового реорганизованного юридического лица); должен быть включен в уставный капитал реорганизуемого колхоза или совхоза; оставлен на балансе организации, созданной в результате реорганизации (указанный жилой фонд приватизации не подлежит, поскольку не может быть отнесен ни к объектам государственной или муниципальной собственности, ни к объектам, находящимся в собственности общественных организаций, применительно к которым Закон о приватизации носит рекомендательный характер).

По мнению суда апелляционной инстанции, приватизация спорного жилья была возможна исключительно в порядке решения вопроса об отчуждении основных фондов, что являлось компетенцией общего собрания членов общества, так как собственник вправе самостоятельно принимать решение о передаче гражданам в собст-

венность занимаемых жилых помещений, устанавливая для этого соответствующие условия и порядок. На момент разрешения спора истец проживала в доме, собственником которого являлось АО, в связи с чем приобрести право собственности на спорный жилой дом истец могла только с согласия ответчика.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 24 апреля 2018 г. сочла выводы суда апелляционной инстанции ошибочными по следующим основаниям.

Согласно ст. 2 Закона о приватизации граждан Российской Федерации, имеющие право пользования жилыми помещениями государственного или муниципального жилищного фонда на условиях социального найма, вправе приобрести их на условиях, предусмотренных данным Законом, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, в общую собственность либо в ведение органов местного самоуправления поселения в установленном порядке с сохранением всех жилищных прав граждан, в том числе права на приватизацию жилых помещений.

В соответствии со ст. 18 Закона о приватизации (в ред. Закона РФ от 23 декабря 1992 г. № 4199-1) при переходе государственных или муниципальных предприятий, учреждений в иную форму собственности либо при их ликвидации жилищный фонд, находящийся в полном хозяйственном ведении предприятий или оперативном управлении учреждений, должен быть передан в полное хозяйственное ведение или оперативное управление правопреемников этих предприятий, учреждений (если они определены), иных юридических лиц либо в ведение органов местного самоуправления в установленном порядке с сохранением всех жилищных прав граждан, в том числе права на приватизацию жилья.

В п. 5 постановления Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. № 86 “О порядке реорганизации колхозов и совхозов” и п. 6 Положения о реорганизации колхозов, совхозов и приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий, утвержденного постановлением Правительства РФ от 4 сентября 1992 г. № 708 (действовавших в период реорганизации совхозов и государственных сельскохозяйственных предприятий), предусматривалась возможность передачи объектов социальной сферы и инженерной инфраструктуры, жилого фонда, внутрихозяйственных дорог колхозов и совхозов и других объектов в муниципальную собственность.

Пунктом 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 августа 1993 г. № 8 “О некоторых вопросах применения судами Закона РФ “О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации” (в редакции от 2 июля 2009 г.) разъяснено, что, решая вопрос о правомерности отказа в приватизации жилого помещения, находящегося в ведомственном жилищном фонде, необходимо учитывать, что в соответствии со ст. 18 Закона РФ “О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации” (в ред. Закона РФ от 23 декабря 1992 г.

№ 4199-1) переход государственных и муниципальных предприятий в иную форму собственности либо их ликвидация не влияют на жилищные права граждан, проживающих в домах таких предприятий и учреждений, в том числе и на право бесплатной приватизации жилья.

В связи с этим факт включения объектов жилищного фонда в состав приватизируемого имущества государственного и муниципального предприятия не должен ограничивать жилищные права граждан, вселившихся и проживавших в данных жилых помещениях до приватизации, в том числе и право бесплатной передачи жилья в собственность граждан на основании ст. 2 Закона о приватизации.

Каких-либо ограничений при приватизации жилых помещений в домах, принадлежащих государственному сельскохозяйственному предприятиям, закон не устанавливает.

Наоборот, в силу ст. 4 Закона о приватизации не подлежат приватизации жилые помещения, находящиеся в аварийном состоянии, в общежитиях, в домах закрытых военных городков, а также служебные жилые помещения, за исключением жилищного фонда совхозов и других сельскохозяйственных предприятий, к ним приравненных, и находящийся в сельской местности жилищный фонд стационарных учреждений социальной защиты населения.

Судом было установлено, что спорный жилой дом ранее принадлежал государственному сельскохозяйственному предприятию — племенному заводу “Раздолье”, был построен до приватизации данного предприятия, предоставлен истцу и членам ее семьи в предусмотренном законом порядке в 1986 году, которые на момент рассмотрения спора проживали в жилом помещении на условиях социального найма. То обстоятельство, что на момент разрешения спора спорный объект был зарегистрирован за ответчиком, не влияло на оценку законности права истца получить в собственность в порядке приватизации занимаемую им жилую площадь по договору социального найма.

При указанных обстоятельствах выводы суда апелляционной инстанции о возможности приватизации спорного дома исключительно с согласия ответчика являются ошибочными.

Кроме того, судом был проигнорирован тот факт, что решением наблюдательного совета ЗАО “Племенной завод “Раздолье” от 30 ноября 2009 г. истцу уже была разрешена приватизация дома. Данным обстоятельствам была дана надлежащая оценка судом первой инстанции.

Таким образом, суд апелляционной инстанции не учел вышеприведенные нормы материального права, что привело к неправильному решению дела.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что оснований для отмены решения суда первой инстанции и принятия по делу нового решения об отказе в удовлетворении иска В. не имелось, в связи с чем отменила апелляционное определение с оставлением в силе решения суда первой инстанции.

При рассмотрении требований о защите деловой репутации суду следует устанавливать соответствие оспариваемых сведений действительности, даже если порочащие деловую репутацию сведения содержатся только в заголовке статьи

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18 июля 2018 г. № 305-ЭС18-3354

(Извлечение)

Страховое общество в добровольном порядке отказалось от осуществления деятельности по одному из видов страхования, что подтверждено приказом Банка России. На основании данного отказа произведен отзыв лицензии на осуществление страхования по указанному виду деятельности.

Между тем на интернет-сайте организации размещена статья под заголовком, согласно которому Банк России отобрал лицензии у нескольких страховых компаний, в том числе у страхового общества, из-за нарушений страхового законодательства и неисполнения своих обязательств.

Страховое общество неоднократно обращалось к организации с требованием об изменении сведений в тексте и заголовке статьи. Указанные требования были удовлетворены путем частичного изменения основного текста статьи, однако ее заголовок продолжал содержать прежнюю информацию.

Страховое общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к организации о признании не соответствующими действительности, порочащими деловую репутацию сведений, размещенных на интернет-сайте организации, и о взыскании убытков в счет возмещения репутационного вреда. По мнению общества, опубликованная на интернет-сайте организации статья с заголовком не соответствовала действительности и нанесла вред деловой репутации общества.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды указали, что обществом не доказан порочащий характер сведений, а сами сведения соответствуют действительности.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 18 июля 2018 г. отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение на основании следующего.

Согласно ст. 150 ГК РФ деловая репутация является нематериальным благом, защищаемым в соответствии с Гражданским кодексом РФ и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных.

В соответствии с пп. 1, 11 ст. 152 ГК РФ юридическое лицо вправе требовать по суду опровержения порочащих его деловую репутацию сведе-

ний, если лицо, распространившее такие сведения, не докажет, что они соответствуют действительности.

Как разъяснено в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 “О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц”, по делам о защите деловой репутации необходимо учитывать, что обстоятельствами, имеющими в силу ст. 152 ГК РФ значение для дела, являются: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности. При отсутствии хотя бы одного из указанных обстоятельств иск не может быть удовлетворен судом.

Судами при разрешении настоящего спора дана неверная оценка квалификации распространенных сведений (носят они порочащий характер или нет) и вопросу о несоответствии сведений действительности.

В настоящем случае способ изложения информации, заголовок оспариваемой статьи и ее содержание указывают на совершение истцом действий, нарушающих законодательство Российской Федерации в области страхового дела, как на установленный Банком России факт.

Такая информация, как указывающая на противоправный характер поведения какого-либо лица, создает у неопределенного круга лиц негативное впечатление о деятельности лица, следовательно, является порочащей.

Кроме того, при рассмотрении требований о защите деловой репутации подлежит оценке вопрос о несоответствии сведений действительности.

Согласно п. 7 Обзора практики рассмотрения судами дел о защите чести, достоинства и деловой репутации (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г.) лицо, распространившее те или иные сведения, освобождается от ответственности, если докажет, что такие сведения в целом соответствуют действительности. При этом не требуется доказывать соответствие действительности каждого отдельно взятого слова или фразы в оспариваемом высказывании. Ответчик обязан доказать соответствие действительности оспариваемых высказываний с учетом буквального значения слов в тексте сообщения. Установление того, какие утверждения являются ключевыми, осуществляется судом при оценке сведений в целом.

Заголовок оспариваемой статьи указывал на то, что ряд юридических лиц, в том числе истец, нарушают законодательство Российской Федерации в области страхового дела.

Несмотря на то, что истец, ссылаясь на приказ Банка России, которым подтвержден факт добровольного отказа истца от одного из видов страхования, неоднократно обращался к ответчику с целью изменения формулировки оспариваемых сведений и добавления ссылки на названный приказ Банка России, ответчик отказался выполнить требования истца и продолжал использовать в статье формулировки, которые, по

своей сути, указывали на то, что все изменения в статью, внесенные по требованиям истца, подтверждаются только самим истцом, а другие доказательства, подтверждающие такие изменения, отсутствуют.

Таким образом, учитывая характер оспариваемых сведений, способ их изложения и отказ ответчика разместить ссылку на приказ Банка России, суды должны были установить соответствие оспариваемых сведений действительности, в частности приказу Банка России, указанному выше. При этом важно учитывать, что истец отказался от одного из видов страхования добровольно, санкции в виде лишения права оказания услуг к нему не применялись, добросовестное и соответствующее закону исполнение обязательств по страхованию в существенной степени влияет на репутацию страховых компаний.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Пункт 5 Перечня лицензионных условий осуществления деятельности в области оказания услуг почтовой связи, утвержденного постановлением Правительства РФ от 18 февраля 2005 г. № 87, в части, определяющей Правительство РФ как орган, утверждающий правила оказания услуг почтовой связи, признан недействующим со дня вступления в законную силу решения суда

*Решение Верховного Суда РФ
от 11 июля 2018 г. № АКПИ18-487,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 9 октября 2018 г. № АПЛ18-417*

(Извлечение)

Согласно п. 5 Перечня лицензионных условий осуществления деятельности в области оказания услуг почтовой связи, содержащегося в разделе XX перечней лицензионных условий осуществления деятельности в области оказания соответствующих услуг связи, утвержденных постановлением Правительства РФ от 18 февраля 2005 г. № 87, одним из лицензионных условий является оказание услуг в соответствии с правилами оказания услуг почтовой связи, утвержденными Правительством РФ.

Общество с ограниченной ответственностью “СПСР-Экспресс” обратилось в Верховный Суд РФ с административным иском о признании недействующим п. 5 Перечня лицензионных условий осуществления деятельности в области оказания услуг почтовой связи, ссылаясь на то, что оспариваемые положения нормативного правового акта не соответствуют ч. 4 ст. 8 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ “О лицензировании отдельных видов деятельности”, носят бланкетный характер, не устанавливают конкретных правил и норм, нарушают его права и законные интересы в сфере предпринимательской деятельности. В настоящее время не существует правил оказания услуг почтовой свя-

зи, утвержденных Правительством РФ; действующие Правила оказания услуг почтовой связи утверждены приказом Минкомсвязи России от 31 июля 2014 г. № 234.

Верховный Суд РФ 11 июля 2018 г. заявленные требования удовлетворил частично, указав следующее.

В силу ст. 23 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ “О Правительстве Российской Федерации” Правительство РФ на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных указов Президента Российской Федерации издает постановления и распоряжения, обеспечивает их исполнение.

Регулируя отношения, связанные с созданием и эксплуатацией всех сетей связи и сооружений связи, использованием радиочастотного спектра, оказанием услуг электросвязи и почтовой связи на территории Российской Федерации, Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ “О связи” в п. 1 ст. 29 предусматривает, что деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по возмездному оказанию услуг связи осуществляется только на основании лицензии на осуществление деятельности в области оказания услуг связи. Перечень наименований услуг связи, вносимых в лицензию, и соответствующие перечни лицензионных условий устанавливаются Правительством РФ и ежегодно уточняются.

Во исполнение предоставленных федеральным законодателем полномочий Правительство РФ постановлением от 18 февраля 2005 г. № 87 утвердило перечень наименований услуг связи, вносимых в лицензию на осуществление деятельности в области оказания услуг связи, и перечни лицензионных условий осуществления деятельности в области оказания соответствующих услуг связи, в разделе XX которых приведен перечень лицензионных условий осуществления деятельности в области оказания услуг почтовой связи (далее также — Перечень).

Предусмотренное п. 5 Перечня требование об отнесении к лицензионным условиям оказания услуг согласно правилам оказания услуг почтовой связи соответствует действующему законодательству.

В ст. 12 Федерального закона “О лицензировании отдельных видов деятельности” приведен перечень видов деятельности, подлежащих лицензированию, в который включено оказание услуг связи.

Согласно п. 1 ч. 4 ст. 1 этого Федерального закона особенности лицензирования, в том числе в части, касающейся порядка принятия решения о предоставлении лицензии, срока действия лицензии и порядка продления срока ее действия, приостановления, возобновления и аннулирования действия лицензии, могут устанавливаться федеральными законами, регулирующими осуществление определенных видов деятельности, включая оказание услуг связи.

Правовые основы в области почтовой связи в Российской Федерации, определение прав и обязанностей органов государственной власти Российской Федерации, иных участников деятельности в области почтовой связи, регулирование отношений, возникающих между операторами почтовой связи и пользователями услуг почтовой связи, установлены Федеральным законом от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ “О почтовой связи”, который в ст. 2 определяет почтовую связь как вид связи, представляющий собой единый производственно-технологический комплекс технических и транспортных средств, обеспечивающий прием, обработку, перевозку, доставку (вручение) почтовых отправлений, а также осуществление почтовых переводов денежных средств.

Согласно ст. 17 данного Федерального закона операторы почтовой связи осуществляют деятельность по оказанию услуг почтовой связи на основании лицензий, получаемых в соответствии с Федеральным законом “О связи”. Лицензия на оказание услуги почтовой связи является разрешением на осуществление совокупности операций, составляющих единый производственно-технологический процесс оказания услуг почтовой связи, в том числе прием, обработку, перевозку и доставку (вручение) почтовых отправлений, а также перевозку работников, сопровождающих почтовые отправления. Дополнительное лицензирование операций, составляющих единый производственно-технологический процесс оказания услуг почтовой связи, в качестве самостоятельных видов деятельности не допускается.

Доводы административного истца о противоречии оспариваемого пункта Перечня ч. 4 ст. 8 Федерального закона “О лицензировании отдельных видов деятельности” являются несостоятельными.

Под указанными в п. 5 Перечня правилами оказания услуг почтовой связи имеются в виду правила услуг почтовой связи, на которые выдается лицензия. Из смысла оспариваемого пункта следует, что при оказании услуг почтовой связи оператор почтовой связи обязан оказывать такую услугу в соответствии с правилами оказания услуг почтовой связи, поэтому содержание п. 5 Перечня не может расцениваться как требование о соблюдении законодательства Российской Федерации в упомянутой сфере в целом.

Согласно ч. 3 ст. 4 Федерального закона “О почтовой связи” порядок оказания услуг почтовой связи регулируется правилами оказания услуг почтовой связи, утвержденными уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти.

Оспариваемый административным истцом п. 5 Перечня относит к лицензионным условиям оказание услуг в соответствии с правилами оказания услуг почтовой связи, утвержденными Правительством РФ.

Между тем Федеральным законом от 23 июля 2008 г. № 160-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Фе-

дерации в связи с совершенствованием осуществления полномочий Правительства Российской Федерации” в Федеральный закон “О почтовой связи” внесены изменения: в ч. 3 ст. 4 слова “Правительством Российской Федерации” заменены словами “уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти”.

В связи с изданием постановления Правительства РФ от 23 января 2015 г. № 45 Правила оказания услуг почтовой связи, утвержденные постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2005 г. № 221, утратили силу.

Приказом Минкомсвязи России от 31 июля 2014 г. № 234 утверждены новые Правила оказания услуг почтовой связи.

Таким образом, п. 5 Перечня в части, определяющей Правительство РФ как орган, утверждающий правила оказания услуг почтовой связи, противоречит ч. 3 ст. 4 Федерального закона “О почтовой связи” и признан недействующим со дня вступления в законную силу решения суда.

2. Номенклатура медицинских услуг, утвержденная приказом Минздрава России от 13 октября 2017 г. № 804н, в части, включающей в перечень медицинских услуг раздела “А” медицинские услуги под кодом А23.25.008 “Услуги по обслуживанию слухового аппарата” и под кодом А23.25.008.001 “Ремонт слухового аппарата”, признана недействующей со дня вступления решения в законную силу

Решение Верховного Суда РФ от 12 июля 2018 г. № АКПИ18-473, вступившее в законную силу

(Извлечение)

Приказом Минздрава России от 13 октября 2017 г. № 804н (далее — Приказ) утверждена номенклатура медицинских услуг (далее — Номенклатура), которая представляет собой систематизированный перечень кодов и наименований медицинских услуг в здравоохранении. Код услуги состоит из буквенно-цифрового шифра от 8 до 11 (12) знаков. Первый знак обозначает раздел услуги, второй и третий знаки — тип медицинской услуги, четвертый и пятый (шестой) знаки — класс медицинской услуги (анатомо-функциональная область и/или перечень медицинских специальностей), с шестого по одиннадцатый знаки (с седьмого по двенадцатый) — вид, подвид услуги. Перечень медицинских услуг разделен на два раздела: “А” и “В”, построенные по иерархическому принципу (пп. 1—3).

В разделе “А” Номенклатуры под кодом А23.25.008 поименованы “Услуги по обслуживанию слухового аппарата”, а под кодом А23.25.008.001 — “Ремонт слухового аппарата”.

Некоммерческое партнерство “Межрегиональный альянс организаций в области сурдологии-отоларингологии, слухопротезирования и реабилитации” обратилось в Верховный Суд РФ с административным иском заявлением о

признании недействующей Номенклатуры в части, предусматривающей включение в перечень медицинских услуг раздела “А” Номенклатуры указанных выше услуг по обслуживанию и ремонту слухового аппарата, указывая на то, что нормативный правовой акт в оспариваемой части противоречит Федеральному закону от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ “О лицензировании отдельных видов деятельности” (далее — Федеральный закон № 99-ФЗ), Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” (далее — Федеральный закон № 323-ФЗ), Положению о лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра “Сколково”), утвержденному постановлением Правительства РФ от 16 апреля 2012 г. № 291 (далее — Положение о лицензировании медицинской деятельности), и Положению о лицензировании деятельности по производству и техническому обслуживанию (за исключением случая, если техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя) медицинской техники, утвержденному постановлением Правительства РФ от 3 июня 2013 г. № 469 (далее — Положение о лицензировании деятельности по производству и техническому обслуживанию медицинской техники), и незаконно возлагает на хозяйствующие субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность по техническому обслуживанию медицинской техники и ее отдельных элементов, в частности слуховых аппаратов, обязанность двойного лицензирования на основании различных нормативных правовых актов.

Верховный Суд РФ 12 июля 2018 г. заявленное требование удовлетворил, указав следующее.

Согласно п. 5 ч. 2 ст. 14 Федерального закона № 323-ФЗ утверждение соответствующей номенклатуры в сфере охраны здоровья (медицинских организаций, коечного фонда по профилям медицинской помощи, медицинских услуг, должностей медицинских работников и фармацевтических работников, специальностей специалистов, имеющих медицинское и фармацевтическое образование) отнесено к полномочиям федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, которым в соответствии с п. 1 и подп. 5.2.3 п. 5.2 Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 19 июня 2012 г. № 608, является Минздрав России, самостоятельно принимающий номенклатуру медицинских услуг.

Оспариваемый в части нормативный правовой акт принят полномочным федеральным орга-

ном исполнительной власти с соблюдением формы и порядка введения в действие.

По смыслу пп. 4 и 5 ст. 2 Федерального закона № 323-ФЗ под медицинской услугой понимается медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение, а медицинское вмешательство представляет собой выполняемые медицинским работником и иным работником, имеющим право на осуществление медицинской деятельности, по отношению к пациенту затрагивающие физическое или психическое состояние человека и имеющие профилактическую, исследовательскую, диагностическую, лечебную, реабилитационную направленность виды медицинских обследований и (или) медицинских манипуляций, а также искусственное прерывание беременности.

В силу п. 10 ст. 2 Федерального закона № 323-ФЗ медицинской деятельностью является профессиональная деятельность по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий и профессиональная деятельность, связанная с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях.

Частью 1 ст. 69 названного Федерального закона установлено, что право на осуществление медицинской деятельности в Российской Федерации имеют лица, получившие медицинское или иное образование в Российской Федерации в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами и имеющие свидетельство об аккредитации специалиста.

Медицинская деятельность (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра “Сколково”) подлежит лицензированию в соответствии с п. 46 ч. 1 ст. 12 Федерального закона № 99-ФЗ.

Пунктом 3 Положения о лицензировании медицинской деятельности определено, что медицинскую деятельность составляют работы (услуги) по перечню согласно приложению, которые выполняются при оказании первичной медико-санитарной, специализированной (в том числе высокотехнологичной), скорой (в том числе скорой специализированной), паллиативной медицинской помощи, оказании медицинской помощи при санаторно-курортном лечении, при проведении медицинских экспертиз, медицинских осмотров, медицинских освидетельствований и санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий в рамках оказания медицинской помощи, при трансплантации (пересадке) органов и (или) тканей, обращении до-

норской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях.

Приложение содержит перечень работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность, в который включены работы (услуги) по сурдологии-оториноларингологии.

Исходя из понятия медицинского изделия, приведенного в ч. 1 ст. 38 Федерального закона № 323-ФЗ, которым являются любые инструменты, аппараты, приборы, оборудование, материалы и прочие изделия, применяемые в медицинских целях отдельно или в сочетании между собой, а также вместе с другими принадлежностями, необходимыми для применения указанных изделий по назначению, включая специальное программное обеспечение, и предназначенные производителем для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма, предотвращения или прерывания беременности, функциональное назначение которых не реализуется путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболического воздействия на организм человека, слуховой аппарат, будучи звукоусиливающим прибором, применяющимся по медицинским показаниям при различных формах нарушений слуха, следует считать медицинским изделием.

Слуховые аппараты как вид медицинского изделия включены в номенклатурную классификацию медицинских изделий по видам, утвержденную приказом Минздрава России от 6 июня 2012 г. № 4н, в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 38 Федерального закона № 323-ФЗ.

Обращение медицинских изделий включает в себя технические испытания, токсикологические исследования, клинические испытания, экспертизу качества, эффективности и безопасности медицинских изделий, их государственную регистрацию, производство, изготовление, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, подтверждение соответствия, государственный контроль, хранение, транспортировку, реализацию, монтаж, наладку, применение, эксплуатацию, в том числе техническое обслуживание, предусмотренное нормативной, технической и (или) эксплуатационной документацией производителя (изготовителя), а также ремонт, утилизацию или уничтожение (ч. 3 ст. 38 Федерального закона № 323-ФЗ).

В силу п. 17 ч. 1 ст. 12 Федерального закона № 99-ФЗ деятельность по производству и техническому обслуживанию (за исключением случая, если техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя) медицинской техники также подлежит лицензированию в соответствии с названным Законом.

В целях Положения о лицензировании деятельности по производству и техническому обслуживанию медицинской техники понятие “медицинская техника” означает медицинские изделия, представляющие собой инструменты, аппараты, приборы, оборудование, применяемые в медицинских целях отдельно или в сочетании, а также вместе с другими принадлежностями, необходимыми для применения указанных изделий по назначению, включая специальное программное обеспечение, и предназначенные производителем для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма, предотвращения или прерывания беременности, функциональное назначение которых не реализуется путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболического воздействия на организм человека.

Следовательно, слуховые аппараты как вид медицинских изделий относятся к медицинской технике, производство и техническое обслуживание которой подлежит лицензированию как самостоятельный вид деятельности.

Техническое обслуживание и ремонт медицинской техники входят в перечень выполняемых работ, оказываемых услуг в составе деятельности по производству и техническому обслуживанию (за исключением случая, если техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя) медицинской техники (приложение к Положению о лицензировании деятельности по производству и техническому обслуживанию медицинской техники).

В ч. 1 ст. 9 Федерального закона № 99-ФЗ закреплено, что лицензия предоставляется на каждый вид деятельности, указанный в данном Законе, и не допускает предоставление нескольких лицензий на один и тот же вид деятельности.

При изложенных обстоятельствах техническое обслуживание и ремонт слухового аппарата не относятся к медицинским услугам, и включение этих услуг в Номенклатуру не соответствует нормативным правовым актам большей юридической силы.

На основании вышеизложенного Верховный Суд РФ административное исковое заявление удовлетворил, признав недействующей со дня вступления решения в законную силу номенклатуру медицинских услуг, утвержденную приказом Минздрава России от 13 октября 2017 г. № 804н, в части, включающей в перечень медицинских услуг раздела “А” медицинские услуги под кодом А23.25.008 “Услуги по обслуживанию слухового аппарата” и под кодом А23.25.008.001 “Ремонт слухового аппарата”.

3. Абзац 2 п. 6.5.1 Инструкции по организационно-штатной работе в федеральных судах общей юрисдикции, федеральных арбитражных судах и системе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 2 апреля 2010 г. № 61 (в ред. приказа от 31 мая 2016 г. № 109), в части, допускающей при назначении судьи верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа на должность председателя судебной коллегии этого же суда после сокращения численности населения в субъекте Российской Федерации с более 1 миллиона до менее 1 миллиона человек определение должностного оклада по названной должности без учета условий, которые действовали на момент приобретения таким лицом статуса судьи данного суда, признан недействующим со дня издания 31 мая 2016 г.

Решение Верховного Суда РФ от 10 мая 2018 г. № АКПИ18-117, вступившее в законную силу

(Извлечение)

Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 2 апреля 2010 г. № 61 утверждена Инструкция по организационно-штатной работе в федеральных судах и системе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее — Инструкция).

Абзацем 2 п. 6.5.1 Инструкции (в ред. от 31 мая 2016 г.) предписано, что при назначении на должности председателей судов, заместителей председателей судов, председателей судебных коллегий, председателей судебных составов и судей федеральных судов после снижения численности населения устанавливаются размеры должностных окладов для судей судов субъектов Российской Федерации с численностью населения менее 1 млн. человек.

Т. обратился в Верховный Суд РФ с административным иском о признании недействующим абз. 2 п. 6.5.1 Инструкции в той части, в которой он допускает уменьшение должностного оклада, ежемесячного денежного вознаграждения, ежеквартального денежного поощрения и иных выплат председателя судебной коллегии областного и равного ему суда в связи со снижением численности населения в соответствующем субъекте Российской Федерации, составившей менее 1 млн. человек, если такое снижение произошло после назначения лица на должность судьи, но до назначения на должность председателя судебной коллегии указанного суда, ссылаясь на его противоречие ч. 4 ст. 5, ст. 11 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ “О судебной системе Российской Федерации”.

Верховный Суд РФ 10 мая 2018 г. административное исковое заявление удовлетворил, указав следующее.

В пп. 1 и 2 ст. 1 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ “О Судебном департаменте при

Верховном Суде Российской Федерации” установлено, что Судебный департамент при Верховном Суде РФ (далее — Судебный департамент) является федеральным государственным органом, осуществляющим организационное обеспечение деятельности верховных судов республик, краевых и областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области и автономных округов, арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, арбитражных судов республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов, районных, городских и межрайонных судов, окружных (флотских) военных судов, гарнизонных военных судов, специализированных федеральных судов, органов судейского сообщества, финансирование мировых судей и формирование единого информационного пространства федеральных судов и мировых судей (п. 1). Под организационным обеспечением деятельности федеральных судов в данном Федеральном законе понимаются мероприятия кадрового, финансового, материально-технического, информационного и иного характера, направленные на создание условий для полного и независимого осуществления правосудия.

Названный Закон к полномочиям Судебного департамента относит организацию материального и социального обеспечения судей, в том числе пребывающих в отставке (подп. 18 п. 1 ст. 6). Генеральный директор Судебного департамента согласно этому Закону в пределах своей компетенции издает приказы, распоряжения и инструкции, обязательные для исполнения органами и учреждениями Судебного департамента, и контролирует их исполнение. Данные акты обязательны для исполнения судами в части, касающейся организационного обеспечения их деятельности (подп. 4 п. 1 ст. 10).

Инструкция утверждена в целях совершенствования и повышения уровня организационно-штатной работы в федеральных судах и системе Судебного департамента, недопущения нарушений государственной штатной дисциплины, определения единого подхода к решению организационно-штатных вопросов, разграничения полномочий между федеральными судами и органами Судебного департамента. Выписка из Инструкции с оспариваемым в части п. 6.5.1 опубликована в периодическом издании (журнале) “Бюллетень актов по судебной системе” 2018 г., № 3.

Таким образом, Инструкция издана Судебным департаментом в целях реализации требований федеральных законов и в пределах полномочий, предоставленных данному федеральному государственному органу.

В соответствии со ст. 9 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 “О статусе судей в Российской Федерации” независимость судьи, закрепленная в ст. 120 Конституции Российской Федерации, обеспечивается в том числе предоставлением судье за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу.

Согласно правовым позициям Конституционного Суда РФ конституционный статус судьи является не личной привилегией, а средством, призванным обеспечивать каждому действительную защиту его прав и свобод правосудием (ст. 18 Конституции Российской Федерации). Тем самым статус судьи служит гарантией общего конституционного статуса личности и в качестве таковой подлежит конституционно-правовой защите, уровень которой не должен снижаться по отношению к уже достигнутому. Это вытекает из требований чч. 1 и 2 ст. 55 Конституции Российской Федерации о недопустимости отмены или умаления провозглашенных Конституцией Российской Федерации прав и свобод и прямо закреплено в Федеральном конституционном законе “О судебной системе Российской Федерации”, согласно ч. 4 ст. 5 которого во взаимосвязи со ст. 11 в Российской Федерации не могут издаваться законы и иные нормативные правовые акты, отменяющие или умаляющие самостоятельность судов, независимость судей, в том числе гарантии их материального обеспечения (Постановления от 19 февраля 2002 г. № 5-П, от 31 января 2008 г. № 2-П).

В силу абз. 1 и 5 п. 1 ст. 19 Закона РФ “О статусе судей в Российской Федерации” ежемесячное денежное вознаграждение судьи состоит из месячного оклада в соответствии с замещаемой им должностью судьи (далее — должностной оклад), месячного оклада судьи в соответствии с присвоенным ему квалификационным классом (далее — оклад за квалификационный класс), ежемесячного денежного поощрения, ежемесячной доплаты за выслугу лет и других выплат. Должностные оклады судей устанавливаются в процентном отношении к должностному окладу Председателя Верховного Суда РФ согласно приложению 7 к данному Закону.

Приложение 7 к Закону РФ “О статусе судей в Российской Федерации” применительно к окладам судей верховных судов республик, краевых, областных судов, суда автономной области, судов автономных округов, арбитражных судов субъектов Российской Федерации, включая председателей, первых заместителей председателя, заместителей председателя, председателей судебной коллегии, председателей судебного состава, предусматривает дифференциацию окладов в зависимости от численности населения в соответствующем субъекте Российской Федерации (свыше 1 млн. человек или менее этого количества). Данным законоположением должность председателя судебной коллегии отнесена к числу должностей судей областного и равного ему суда.

На основании указанного выше приложения размер должностных окладов председателя судебной коллегии и судей областных и равных им судов в субъектах Российской Федерации с численностью населения свыше 1 млн. человек составляет соответственно 78 и 77 процентов от должностного оклада Председателя Верховного Суда РФ, а в субъектах Российской Федерации с численностью населения менее обозначенной величины — 73 и 72 процента.

Частью 3 ст. 11 Федерального конституционного закона “О судебной системе Российской

Федерации”, абз. 35 п. 1 ст. 19 Закона РФ “О статусе судей в Российской Федерации” установлено, что ежемесячное денежное вознаграждение судьи и ежеквартальное денежное поощрение судьи, замещающего соответствующую должность судьи, не могут быть уменьшены в течение всего времени пребывания его в должности.

Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ “О судах общей юрисдикции в Российской Федерации” устанавливает, что судебная коллегия по гражданским делам, судебная коллегия по административным делам и судебная коллегия по уголовным делам верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа формируются из числа судей соответствующего суда в составе его председателя и членов соответствующей судебной коллегии; составы указанных судебных коллегий утверждаются президиумом суда (ч. 1 ст. 28). Этим же Законом определено, что председатель судебной коллегии наряду с осуществлением полномочий судьи соответствующего суда выполняет определенный объем дополнительных обязанностей процессуального, а также административного характера по организации работы коллегии (ст. 31).

По смыслу приведенных законоположений в должности председателя судебной коллегии конкретного областного и равного ему суда может быть утвержден исключительно судья этого же суда, статус которого приобретен им ранее в силу Указа Президента Российской Федерации о назначении его на должность судьи.

В связи с утверждением в должности председателя судебной коллегии полномочия судьи такого лица не прекращаются, и соответствующее, по сути, должностное повышение исходя из положений приложения 7 к Закону РФ “О статусе судей в Российской Федерации” не может в этом случае повлечь исчисление размера должностного оклада в меньшем, чем у судьи данного суда, размере, а должно определяться с учетом тех условий, которые действовали на момент приобретения этим лицом статуса судьи данного суда, сохраняемого при занятии названной выше должности в этом же суде.

Пункт 6.5.1 Инструкции в абз. 1, действующем в редакции приказа от 9 февраля 2018 г. № 24, предусматривает, что в штатных расписаниях верховных судов республик, краевых и областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области и автономных округов, арбитражных судов субъектов Российской Федерации (субъектов Российской Федерации, в которых численность населения снизилась с более 1 млн. до менее 1 млн. человек) в отношении работающих судей должен быть указан размер должностного оклада, который установлен в приказе о зачислении в штат суда, а в отношении вакантных должностей судей (для регионов с численностью населения менее 1 млн. человек) — в соответствии с приложением 7 к Закону РФ “О статусе судей в Российской Федерации”.

Вместе с тем оспариваемый абз. 2 данного пункта (в редакции приказа от 31 мая 2016 г. № 109) предписывает, что при назначении на должности председателей судов, заместителей председателя суда, председателей судебных коллегий, председателей судебных составов и судей федеральных судов после снижения численности населения устанавливаются размеры должностных окладов для судей судов субъектов Российской Федерации с численностью населения менее 1 млн. человек.

Согласно п. 3.8.53 Инструкции по делопроизводству в Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации, утвержденной приказом Судебного департамента от 17 февраля 2017 г. № 25, приказы (распоряжения) вступают в силу с даты их подписания (регистрации), если в самом приказе (распоряжении) не указан иной срок.

Таким образом, по своему правовому содержанию абз. 2 п. 6.5.1 Инструкции со дня издания редакции приказа 31 мая 2016 г. допускает при назначении судьи верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа на должность председателя судебной коллегии этого же суда после сокращения численности населения в субъекте Российской Федерации с более 1 млн. до менее 1 млн. человек определение должностного оклада по названной должности без учета условий, которые действовали на момент приобретения таким лицом статуса судьи данного суда.

Со дня внесения Судебным департаментом дополнений 9 февраля 2018 г. в абз. 1 п. 6.5.1 Инструкции подобное регулирование распространяется и на судей арбитражных судов субъектов Российской Федерации.

Между тем с учетом установленных законом гарантий независимости судей при осуществлении правосудия при назначении судьи областного и равного ему суда на должность председателя судебной коллегии этого же суда размер должностного оклада по названной должности подлежит определению исходя из тех условий, которые действовали на момент приобретения им статуса судьи данного суда, и не может быть уменьшен в течение всего времени пребывания его в должности, независимо от уменьшения численности населения конкретного субъекта Российской Федерации.

При изложенных обстоятельствах оспариваемое в части положение вопреки утверждениям Судебного департамента, изложенным в письменных возражениях, не соответствует ч. 4 ст. 5, ст. 11 Федерального конституционного закона “О судебной системе Российской Федерации”, абз. 35 п. 1 ст. 19 Закона РФ “О статусе судей в Российской Федерации”.

Учитывая вышеизложенное, Верховный Суд РФ административное исковое заявление удовлетворил, признал не действующим со дня издания 31 мая 2016 г. абз. 2 п. 6.5.1 Инструкции по организационно-штатной работе в федеральных судах общей юрисдикции, федеральных арбитражных судах и системе Судебного департамента при Верхов-

ном Суде Российской Федерации, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 2 апреля 2010 г. № 61 (в ред. приказа от 31 мая 2016 г. № 109), в части, допускающей при назначении судьи верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа на должность председателя судебной коллегии этого же суда после сокращения численности населения в субъекте Российской Федерации с более 1 млн. до менее 1 млн. человек определение должностного оклада по названной должности без учета условий, которые действовали на момент приобретения таким лицом статуса судьи данного суда.

4. Пункты 5.1, 5.2, 5.3, 5.4, 5.5, 5.6, 5.7, 5.8, 6.2 и 6.5.5 национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 57144-2016 “Специальные технические средства, работающие в автоматическом режиме и имеющие функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением. Общие технические требования”, утвержденного приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 11 октября 2016 г. № 1367-ст, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 5 марта 2018 г. № АКПИ17-1145, вступившее в законную силу

5. Оспариваемые частично пп. 65, 66, 67 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 2954, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 5 марта 2018 г. № АКПИ18-6, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 7 июня 2018 г. № АПЛ18-202

6. Подпункты “а”, “е” п. 1 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 “О мероприятиях по реализации государственной социальной политики” признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 14 марта 2018 г. № АКПИ18-4, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № АПЛ18-205

7. Письмо Минкультуры России от 2 ноября 2016 г. № 337-01-39-НМ признано не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 14 марта 2018 г. № АКПИ17-1155, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28 июня 2018 г. № АПЛ18-211

8. Пункт 31 Правил присоединения сетей электросвязи и их взаимодействия, утвержденных постановлением Правительства РФ от 28 марта 2005 г. № 161, п. 1 приложения № 2 к данным Правилам в части, возлагающей обязанность на оператора сети связи общего пользования оказывать услуги лицам, в договорных отношениях с которыми он не состоит, а также принимать услуги связи от таких лиц, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 11 апреля 2018 г. № АКПИ18-78, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 17 июля 2018 г. № АПЛ18-259

9. Абзацы 8 и 9 п. 3, абз. 10 п. 4, абз. 6 и 10 п. 7, абз. 6 и 10 п. 8, абз. 6 и 10 п. 9 Правил указания информации, идентифицирующей плательщика, получателя средств в распоряжениях о переводе денежных средств в уплату платежей в бюджетную систему Российской Федерации, утвержденных приказом Минфина России от 12 ноября 2013 г.

№ 107н, в части, не препятствующей лицам, не имеющим документа, удостоверяющего личность (паспорта), индивидуального номера налогоплательщика, а также места жительства или места пребывания, уплачивать государственную пошлину при обращении в государственные органы за выдачей паспорта или в суд, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 2 февраля 2018 г. № АКПИ17-1021, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 24 мая 2018 г. № АПЛ18-172

10. Пункт 2.2 санитарных правил “Санитарно-эпидемиологические требования к организациям общественного питания, изготовлению и оборотоспособности в них пищевых продуктов и продовольственного сырья. СанПиН 2.3.6.1079-01”, утвержденных Главным государственным санитарным врачом РФ 6 ноября 2001 г.

и введенных в действие постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 8 ноября 2001 г. № 31, в части, устанавливающей возможность размещения организаций общественного питания только в нежилых этажах жилых зданий, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 20 февраля 2018 г. № АКПИ17-1116, вступившее в законную силу

11. Пункт 1.2 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090, в части, содержащей определение понятия “перекресток” признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 23 мая 2018 г. № АКПИ18-228, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 23 августа 2018 г. № АПЛ18-333

12. Пункт 7 Указаний об отражении в бухгалтерском учете операций по договору лизинга, утвержденных приказом Минфина России от 17 февраля 1997 г.

№ 15, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 11 мая 2018 г. № АКПИ18-357, вступившее в законную силу

13. Абзац 2 п. 49 Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, утвержденного постановлением Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47, в части полномочий федерального органа исполнительной власти, органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органа местного самоуправления по принятию решения о сроках отселения физических лиц в случае признания межведомственной комиссией жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 16 мая 2018 г. № АКПИ18-214, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 23 августа 2018 г. № АПЛ18-305

14. Подпункт 1.7 п. 1 приложения 1 к положению Банка России от 15 октября 2015 г. № 499-П “Об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма” признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 7 мая 2018 г. № АКПИ18-177, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 14 августа 2018 г. № АПЛ18-302

15. Пункт 8.1.8, абз. 7 п. 12.5 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г.

№ 36, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 7 мая 2018 г. № АКПИ18-181, вступившее в законную силу

16. Распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2006 г. № 1641-р в части утверждения границ центральной экологической зоны Байкальской природной территории, а также распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2015 г. № 368-р в части утверждения границ водоохранной зоны озера Байкал признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 29 января 2018 г. № АКПИ17-1100, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 17 апреля 2018 г. № АПЛ18-131

17. Абзацы 3 и 4 п. 1.4, пп. 2.1.1, 2.1.2, 2.1.3, 2.2.1, 2.2.5, 2.3.1, абз. 1, 2, 4, 5 и 6 п. 2.3.5, пп. 2.3.6, 3.1.3, 3.2.1, 3.3.1, 3.3.4, 3.4.1, 3.4.2, 4.3, 4.4, подп. 1, 2 и 8 п. 4.5 Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержденного приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 30 января 2018 г. № АКПИ17-1019, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 17 апреля 2018 г. № АПЛ18-132

18. Подпункт 6.3 Порядка выплаты денежной компенсации вместо положенных по нормам снабжения предметов вещевого имущества личного пользования отдельным категориям сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и возмещения увольняемыми сотрудниками стоимости выданных им предметов вещевого имущества личного пользования, утвержденного приказом МВД России от 10 января 2013 г. № 8, в части отсутствия в нем требования о начислении денежной компенсации по стоимости предметов вещевого имущества пропорционально — с месяца возникновения права на получение данных предметов по месяцу увольнения, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 12 февраля 2018 г. № АКПИ17-1082, вступившее в законную силу

19. Пункт 13 Административного регламента исполнения государственной функции по осуществлению федерального государственного лесного надзора (лесной охраны), утвержденного приказом Минприроды России от 12 апреля 2016 г. № 233, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 16 апреля 2018 г. № АКПИ18-87, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 26 июля 2018 г. № АПЛ18-265

20. Пункт 12 Ветеринарных правил организации работы по оформлению ветеринарных сопроводительных документов и п. 59 Порядка оформления ветеринарных сопроводительных документов в электронной форме, утвержденных приказом Минсельхоза России от 27 декабря 2016 г. № 589, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 16 апреля 2018 г. № АКПИ18-128, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 31 июля 2018 г. № АПЛ18-272

21. Пункты 3 и 6 приказа Генерального прокурора РФ от 18 марта 2010 г. № 8-75 “Об условиях оплаты труда работников органов прокуратуры Российской Федерации, осуществляющих служебную деятельность на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации”, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 5 апреля 2018 г. № АКПИ18-10, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12 июля 2018 г. № АПЛ18-244

22. Пункт 4 Порядка оказания медицинской помощи взрослому населению по профилю “анестезиология и реаниматология”, утвержденного приказом Минздрава России от 15 ноября 2012 г. № 919н, в той части, в которой он не предусматривает оказание амбулаторной помощи по профилю “анестезиология и реаниматология” на дому при вызове медицинского работника, и п. 9 указанного Порядка в той мере, в какой он не допускает оказание первичной специализированной медико-санитарной помощи по профилю “анестезиология и реаниматология” вне места осуществления медицинской организацией лицензируемого вида деятельности, а устанавливает оказание такой помощи исключительно в медицинских организациях или ее структурных подразделениях, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 1 марта 2018 г. № АКПИ17-1185, вступившее в законную силу

23. Пункт 1.4 Указания Генерального прокурора РФ от 12 мая 2009 г. № 155/7 “Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами” признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 2 марта 2018 г. № АКПИ17-1107, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 7 июня 2018 г. № АПЛ18-193

24. Подпункт “б” п. 7 изменений, которые вносятся в акты Правительства РФ по вопросам введения полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии, а также применения печатей хозяйственных обществ, утвержденных постановлением Правительства РФ от 24 мая 2017 г. № 624, в части абз. 4 п. 20 Правил полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 31 января 2018 г. № АКПИ17-1013, вступившее в законную силу

25. Пункты 120, 123, 123¹, 123³, 123⁴ Правил холодного водоснабжения и водоотведения, утвержденных постановлением Правительства РФ от 29 июля 2013 г. № 644, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 4 апреля 2018 г. № АКПИ18-73, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12 июля 2018 г. № АПЛ18-237

26. Письмо Минкультуры России от 3 августа 2017 г. № 236-01.1-39-ОР признано не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 6 марта 2018 г. № АКПИ17-1154, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28 июня 2018 г. № АПЛ18-203

27. Оспариваемый частично подп. 15.4 приложения № 1 к приказу МВД России, Минюста России, МЧС России, Минфина России, Минобороны России, ФСБ России, ФСКН России, ФСО России, СВР России, ФТС России, ФМС России, ГФС России, СК России, Генпрокуратуры России от 12 февраля 2014 г. № 89дсп/19дсп/73дсп/1адсп/113дсп/108дсп/75дсп/93дсп/19дсп/324дсп/133дсп/63дсп/14/95дсп “Об утверждении Наставления по ведению и использованию централизованных оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов, формируемых на базе органов внутренних дел Российской Федерации” признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 9 апреля 2018 г. № АКПИ18-45, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 17 июля 2018 г. № АПЛ18-253

28. Пункт 1.3 Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, уполномоченном органе управления использованием атомной энергии и уполномоченном органе по космической деятельности, утвержденного постановлением Правительства РФ от 3 ноября 1994 г. № 1233, в части, предусматривающей, что не могут быть отнесены к служебной информации ограниченного распространения акты законодательства, устанавливающие права, свободы и обязанности граждан, порядок их реализации, а также п. 1.6 указанного Положения в той части, в какой он предусматривает персональную ответственность должностных лиц, принявших решение об отнесении служебной информации к разряду информации ограниченного распространения, за обособанность принятого решения, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 18 апреля 2018 г. № АКПИ18-83, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 9 августа 2018 г. № АПЛ18-292

29. Подпункт “а” п. 21¹ Правил, обязательных при заключении управляющей организацией или товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом договоров с ресурсоснабжающими организациями, утвержденных постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2012 г. № 124, в части условия “В случае если величина $V_{\text{потр}}$ превышает или равна величине $V_{\text{одпу}}$, то объем коммунального ресурса, подлежащий оплате исполнителем по договору ресурсоснабжения в отношении многоквартирного дома за расчетный период (расчетный месяц), принимается равным 0” признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 20 июня 2018 г. № АКПИ18-386, вступившее в законную силу

30. Абзац 2 п. 38 и абз. 3 п. 48 Особенности режима рабочего времени и времени отдыха, условий труда отдельных категорий работников железнодорожного транспорта общего пользования, работа которых непосредственно связана с движением поездов, утвержденных приказом Минтранса России от 9 марта 2016 г. № 44, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № АКПИ18-376, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18 октября 2018 г. № АПЛ18-421

31. Абзац 2 п. 40 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 (в ред. постановления Правительства РФ от 26 декабря 2016 г. № 1498), признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 25 апреля 2018 г. № АКПИ18-146, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28 августа 2018 г. № АПЛ18-346

32. Пункт 2 приказа Минстроя России от 12 августа 2016 г. № 560/пр “Об утверждении критериев отнесения граждан, чьи денежные средства привлечены для строительства многоквартирных домов и чьи права нарушены, к числу пострадавших граждан и правил ведения реестра пострадавших граждан”, а также подп. 4 п. 10 утвержденных этим приказом правил ведения реестра пострадавших граждан признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 14 мая 2018 г. № АКПИ18-235, вступившее в законную силу

Противоправность поведения потерпевшего, явившегося поводом для совершения преступления, признана обстоятельством, смягчающим наказание осужденной

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 июня 2018 г. № 11-УД18-22

(Извлечение)

По приговору Бавлинского городского суда Республики Татарстан от 7 июня 2017 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) Х. осуждена по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ к шести годам лишения свободы.

По постановлению президиума Верховного Суда Республики Татарстан от 21 февраля 2018 г. судебные решения изменены, исключено указание на признание отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, с применением ст. 64 УК РФ назначенное наказание снижено до пяти лет лишения свободы.

Х. признана виновной в покушении на убийство А.

В кассационной жалобе Х. просила признать в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, противоправное поведение потерпевшего и изменить судебные решения в части назначения наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 27 июня 2018 г. кассационную

жалобу осужденной удовлетворила, обосновав свое решение следующим.

Как усматривается из приговора, между Х. и А. возник конфликт, поскольку тот не работал, злоупотреблял спиртными напитками. А. стал выражаться в адрес Х. нецензурной бранью, нанес ей рукой несколько ударов по голове, оттолкнул, после чего Х., взяв кухонный нож, окликнула А. и, когда тот обернулся, нанесла ему удар в сердце. А. упал, а Х. оказала ему первую помощь и вызвала скорую медицинскую помощь.

Из показаний свидетеля — дочери Х. и А. усматривается, что отец не работал, злоупотреблял спиртными напитками, начал с матерью драку, та не сдержалась и ударила его ножом.

Аналогичные показания о причине ссоры дал свидетель Л. — сотрудник полиции.

В судебном заседании были установлены указанные обстоятельства. Вместе с тем суд не обсудил возможность признания на основании п. “з” ч. 1 ст. 61 УК РФ смягчающим наказание Х. обстоятельством противоправное и аморальное поведение потерпевшего, явившееся поводом для преступления, не привел в приговоре каких-либо мотивов непризнания данного обстоятельства смягчающим наказание Х.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила состоявшиеся судебные решения в отношении Х., признала смягчающим наказание обстоятельством аморальное и противоправное поведение потерпевшего, явившееся поводом для преступления, назначенное наказание с применением ст. 64 УК РФ снизила до четырех лет лишения свободы.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

1. Уголовное преследование в отношении лица, не достигшего к моменту совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, возраста, с которого наступает уголовная ответственность, подлежит прекращению по основанию, указанному в п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ

Постановление президиума Иркутского областного суда от 13 ноября 2017 г.

(Извлечение)

По постановлению Куйбышевского районного суда г. Иркутска от 25 июля 2017 г. уголовное дело в отношении Ш., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ, прекращено на основании ст. 25 УПК РФ в связи с примирением с потерпевшим.

Прокурор в кассационном представлении просил отменить постановление суда и прекратить производство по уголовному делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, поскольку к моменту

совершения преступления Ш. являлся лицом, не достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

Президиум Иркутского областного суда 13 ноября 2017 г. удовлетворил кассационное представление, указав в обоснование следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 401¹⁵ УПК РФ основаниями отмены или изменения судебных решений в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

По настоящему уголовному делу такие нарушения были допущены.

Органами предварительного расследования Ш. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ.

В ходе предварительного слушания потерпевшие заявили о примирении с обвиняемым и ходатайствовали о прекращении уголовного дела в отношении Ш. в связи с примирением сторон, Ш. также согласился с прекращением уголовного дела по указанным основаниям.

При отсутствии возражений со стороны законного представителя обвиняемого, адвоката и государственного обвинителя судом вынесено указанное решение.

Вместе с тем судом не было учтено, что в соответствии со ст. 20 УК РФ уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста.

Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 159 УК РФ, не входит в перечень преступлений, указанных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена с четырнадцатилетнего возраста.

Как усматривается из материалов уголовного дела, Ш., 20 мая 2001 года рождения, обвинялся в совершении преступления 19 марта 2017 г., т.е. имевшего место до достижения им возраста шестнадцати лет.

В силу ч. 3 ст. 27 УПК РФ уголовное преследование в отношении лица, не достигшего к моменту совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, возраста, с которого наступает уголовная ответственность, подлежит прекращению по основанию, указанному в п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

В связи с изложенным президиум Иркутского областного суда отменил постановление суда в отношении Ш. и прекратил производство по уголовному делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления.

2. При рассмотрении уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 158¹ УК РФ, суду необходимо убедиться, вступило ли в законную силу на момент повторного совершения мелкого хищения постановление о назначении административного наказания по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ

*Постановление президиума
Челябинского областного суда
от 18 октября 2017 г.*

(Извлечение)

По приговору и.о. мирового судьи судебного участка № 9 Центрального района г. Челябинска от 18 ноября 2016 г. Ч. осуждена по ч. 3 ст. 30, ст. 158¹ УК РФ.

Приговор постановлен в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

Ч. признана виновной в том, что, будучи привлеченной к административной ответственности за административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, совершила похищение на мелкое хищение имущества.

В кассационном представлении прокурор указывал, что при назначении наказания Ч. суд необоснованно признал в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, рецидив преступлений.

Президиум Челябинского областного суда, рассмотрев 18 октября 2017 г. уголовное дело по кассационному представлению прокурора, а также в порядке ч. 1 ст. 401¹⁶ УПК РФ, изменил приговор на основании ч. 1 ст. 401¹⁵ УПК РФ, указав следующее.

По смыслу закона уголовная ответственность по ст. 158¹ УК РФ наступает при условии, если на момент совершения мелкого хищения чужого имущества стоимостью не более двух тысяч пяти сот рублей путем кражи виновный является лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение чужого имущества стоимостью более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей.

С учетом того, что в силу ст. 4.6 КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления, суду необходимо проверять, вступило ли в законную силу постановление о назначении административного наказания по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ на момент повторного совершения мелкого хищения и не истек ли годичный срок со дня окончания исполнения данного постановления.

Указанные требования закона судом первой инстанции не были приняты во внимание при рассмотрении уголовного дела.

Суд признал Ч. лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение чужого имущества с учетом постановления мирового судьи судебного участка № 1 Курчатовского района г. Челябинска от 8 сентября 2016 г. о признании Ч. виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ.

Между тем на момент совершения инкриминируемого Ч. преступления — 10 сентября 2016 г., указанное выше постановление суда не вступило в законную силу.

При таких обстоятельствах Ч. не являлась лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение чужого имущества, и, следовательно, не могла быть привлечена к уголовной ответственности по ст. 158¹ УК РФ.

Президиум Иркутского областного суда отменил приговор в отношении Ч., прекратил производство по уголовному делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

ОБЗОР ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ ПО СПОРАМ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ, СВЯЗАННЫМ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ ТОВАРОВ И УСЛУГ

Защита прав потребителей является одним из направлений единой государственной политики, которая осуществляется в настоящее время в Российской Фе-

дерации. Ее цели, задачи и приоритеты закреплены в “Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на пе-

риод до 2030 года”, разработанной во исполнение подп. “а” п. 1 перечня поручений Президента Российской Федерации от 25 мая 2017 г. № Пр-1004ГС и утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1837-р.

Особенности реализуемых прав и законных интересов граждан Российской Федерации как потребителей обусловлены правовым статусом, установленным Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 “О защите прав потребителей” (далее — Закон о защите прав потребителей).

Субъектами разрешаемых судами споров являются граждане, имеющие намерение заказать или приобрести либо заказывающие, приобретающие или использующие товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, и хозяйствующие субъекты (организации независимо от их организационно-правовой формы, а также индивидуальные предприниматели), выступающие в качестве продавцов, изготовителей, исполнителей или импортеров на потребительском рынке.

В целях формирования единой практики применения законодательства в сфере защиты прав потребителей при рассмотрении судами дел, на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” выработаны следующие правовые позиции.

Споры, возникающие из договоров розничной купли-продажи

1. Деятельность иностранных организаций по реализации товаров на территории Российской Федерации осуществляется под юрисдикцией Российской Федерации.

По требованиям потребителя, заявленным к такой организации после истечения срока действия аккредитации ее официального представительства, юридически значимым обстоятельством является установление того, осуществляет ли данная организация коммерческую деятельность на территории Российской Федерации через компании, фактически выступающие в качестве представительств этого иностранного лица и занимающиеся продвижением его товаров и услуг на российском рынке.

В. обратился в суд с иском к корпорации “Toshiba” о взыскании неустойки за период с 1 июля 2010 г. по 31 марта 2016 г. и штрафа за неудовлетворение в добровольном порядке требований потребителя. Требования истца обоснованы тем, что решением суда от 16 июля 2010 г. на корпорацию “Toshiba”, представительство корпорации “Toshiba” в России возложена обязанность произвести истцу В. замену ноутбука на аналогичный товар в течение 30 дней со дня вступления решения в законную силу. Этим же решением с ответчиков взысканы неустойка, штраф и государственная пошлина. Данное решение в части замены ноутбука на аналогичный товар ответчиком не исполнено.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, производство по делу прекращено на основании абз. 2 ст. 220 ГПК РФ.

Прекращая производство по делу, суд исходил из того, что исковое заявление В., предъявленное к иностранному лицу — корпорации “Toshiba”, не подлежит рассмотрению и разрешению в суде в порядке гражданского судопроизводства, поскольку отсутствуют предусмотренные ст. 402 ГПК РФ основания для отнесения заявленного спора к подсудности суда Российской Федерации.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с вынесенными судебными постановлениями по следующим основаниям.

По смыслу чч. 1 и 2, пп. 1 и 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ суды Российской Федерации наравне с иностранными судами вправе принимать к своему производству иски к иностранным организациям, органы управления, филиалы, представительства или имущество которых размещены на территории Российской Федерации.

Прекращая производство по делу на основании абз. 2 ст. 220 ГПК РФ, суд указал, что доказательств наличия на территории Российской Федерации органов управления, филиалов или представительств корпорации “Toshiba” не имеется.

Вместе с тем судом установлено, что на момент предъявления в 2010 году В. первоначального иска к корпорации “Toshiba” ответчик осуществлял свою деятельность на территории Российской Федерации через представительство, расположенное в г. Москве. Срок действия аккредитации представительства истек 24 декабря 2010 г. и в дальнейшем не продлевался.

В деле также имелись данные о том, что корпорация “Toshiba” является единственным учредителем двух обществ с ограниченной ответственностью, зарегистрированных и осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации, при этом одно из них на основании соглашения от 27 апреля 2015 г. передало ООО “ТАСПР” свои обязательства в отношении качества продукции, реализованной под товарным знаком “Toshiba”.

При таких обстоятельствах судебным инстанциям с учетом требований ст. 67 ГПК РФ надлежало дать оценку имеющимся в деле доказательствам и обсудить вопрос о том, осуществляет ли корпорация “Toshiba” после истечения срока действия аккредитации своего официального представительства в г. Москве коммерческую деятельность на территории Российской Федерации через компании со сходными наименованиями, которые фактически выступают в качестве представительств этого иностранного лица и занимаются продвижением его товаров и услуг на российский рынок.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 93-КГ17-5)

2. В пределах гарантийного срока потребитель вправе по своему выбору обратиться с требованием о возврате товара ненадлежащего качества к изготовителю, продавцу или импортеру, на которых лежит обязанность разъяснить потребителю порядок возврата и приемки такого товара у потребителя.

Общество по защите прав потребителей (далее — ОЗПП) обратилось в защиту интересов П. в суд с иском к обществу (импортеру) о взыскании стоимости некачественного товара, неустойки, суммы компенсации морального вреда, штрафа за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения требований потребителя в размере 50% от суммы, присужденной судом в пользу потребителя, с перечислением 50% суммы штрафа в пользу общественной организации.

Судом установлено следующее. 15 ноября 2015 г. между П. (покупателем) и продавцом заключен договор купли-продажи портативного персонального компьютера, гарантийный срок 12 месяцев.

21 ноября 2015 г. П. направила в адрес общества, являющегося импортером указанного товара на территории Российской Федерации, претензию с просьбой возвратить стоимость приобретенного компьютера, ссылаясь на наличие в нем дефектов, препятствующих его использованию по назначению.

22 декабря 2015 г. общество (импортер) отказалось принимать товар и направило П. ответ с предложением обратиться к продавцу.

Согласно заключению судебного эксперта в представленном на исследование ноутбуке выявлены недостатки, причиной возникновения которых является дефект производственного характера; при наличии выявленных недостатков эксплуатировать товар не представляется возможным, представленное изделие является браком завода-изготовителя.

Решением суда искивые требования удовлетворены частично. С общества в пользу П. взысканы стоимость персонального компьютера, неустойка, сумма компенсации морального вреда, штраф.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в части взыскания неустойки, штрафа, компенсации морального вреда и отказал в удовлетворении исковых требований в этой части.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала данный вывод ошибочным, не отвечающим требованиям закона.

Исходя из преамбулы, п. 6 ст. 5, пп. 1, 3, 5 ст. 18 Закона о защите прав потребителей, покупатель вправе, обратившись к импортеру, потребовать возврата стоимости технически сложного товара в случае обнаружения в нем недостатков в течение 15 дней со дня передачи его потребителю (в случае обнаружения существенных недостатков — по истечении указанного срока) при условии возврата товара ненадлежащего качества импортеру, на котором лежит обязанность по приему такого товара у потребителя.

Надлежащее исполнение импортером этой обязанности предполагает разъяснение потребителю порядка возврата товара импортеру и организацию приемки товара у потребителя.

Указанные обстоятельства судом не приняты во внимание и не дана оценка ответу импортера, в котором указывалось, что заявитель может обратиться за информацией о правилах возврата товара не к импортеру, а к продавцу, а также не дана оценка тому обстоятельству, что уведомление представителю истца о необходимости вернуть товар, содержащееся в телеграмме, было направлено импортером только по истечении года со дня направления потребителем требования импортеру об отказе от договора купли-продажи.

При этом судом апелляционной инстанции не были учтены положения пп. 5, 6 ст. 13, ст. 22, п. 1 ст. 23 Закона о защите прав потребителей.

Кроме того, отказывая в удовлетворении требования истца о компенсации морального вреда, суд апелляционной инстанции не учел, что в силу ст. 15 Закона о защите прав потребителей моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) прав потребителя, предусмотренных законами и правовыми актами Российской Федерации, регулирующими отношения в области защиты прав потребителей, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины. Размер компенсации морального вреда определяется судом и не зависит от размера возмещения имущественного вреда.

Таким образом, по смыслу Закона о защите прав потребителей сам по себе факт нарушения прав потребителя презюмирует обязанность ответчика компенсировать моральный вред.

Судом установлено, что истцу был продан товар ненадлежащего качества, а потому требования истца о взыскании стоимости компьютера с ответчика являлись правомерными. При таких обстоятельствах отказ в удовлетворении требования потребителя о компенса-

ции морального вреда признан Судебной коллегией незаконным.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 18-КГ17-210)

3. К юридически значимым обстоятельствам, подлежащим установлению судом в целях разрешения вопроса об ответственности импортера за нарушение прав потребителя, является установление того, предпринимались ли потребителем действия по возврату товара ненадлежащего качества импортеру для выполнения последним обязанности по проведению экспертизы товара и добровольному удовлетворению требований потребителя.

Ответственность импортера в виде уплаты штрафа на основании п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей наступает в случае уклонения от добровольного исполнения требований потребителя.

С. обратился в суд с иском к обществу о взыскании денежных средств, уплаченных за товар, убытков, неустойки, штрафа и судебных расходов, компенсации морального вреда.

Судом установлено, что 15 марта 2017 г. истец приобрел на основании заключенного с магазином договора купли-продажи телефон. Импортером приобретенного истцом телефона является общество (ответчик).

В течение 15 дней с момента приобретения телефона в процессе его эксплуатации в телефоне выявился недостаток в виде неработающей камеры.

20 марта 2017 г. С. направил в адрес общества претензию с требованием о возврате уплаченных за товар денежных средств и с просьбой организовать проверку товара в его присутствии и заранее сообщить о месте и времени ее проведения для предоставления телефона.

В ответ на полученную телеграмму общества в адрес С. 21 марта 2017 г. и 3 июля 2017 г. направлялись телеграммы, в которых ему предлагалось возвратить товар обществу с указанием конкретного места и даты возврата товара для последующей проверки его качества.

Товар в общество для проведения экспертизы представлен не был, проверка качества данного товара ответчиком не проводилась.

Согласно результатам экспертизы, проведенной 2 мая 2017 г. по инициативе С., в представленном телефоне на момент его исследования был обнаружен недостаток, выраженный в неработоспособности фронтальной камеры.

Разрешая спор и удовлетворяя требования С. о взыскании с общества стоимости товара, возлагая на него обязанность по возврату некачественного товара ответчику, суд первой инстанции исходил из того, что Законом о защите прав потребителей при обнаружении в товаре недостатков потребителю предоставляется право возвратить изготовителю или импортеру товар ненадлежащего качества и потребовать возврата уплаченной за него суммы.

Суд указал, что ответчик с учетом распределения бремени доказывания, предусмотренного абз. 2 п. 6 ст. 18 Закона о защите прав потребителей, не представил суду доказательств передачи истцу товара надлежащего качества, отсутствия в телефоне недостатков либо их образования в процессе эксплуатации.

Удовлетворяя искивые требования С. в части взыскания с общества неустойки за нарушение предусмотренных сроков удовлетворения отдельных требований потребителя, предусмотренных ст. 22 Закона о защите прав потребителей, суд исходил из того, что ответчик не организовал проверку качества телефона в присутствии истца, необоснованно потребовал возвратить товар.

Удовлетворяя требования С. о компенсации морального вреда, суд указал, что права истца как потребителя нарушены фактом приобретения им некачественного товара и ответчик, являясь импортером, осу-

шествующим импорт товара для его последующей реализации на территории Российской Федерации, должен нести ответственность за качество такого товара.

С выводами суда первой инстанции согласился и суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов ошибочными по следующим основаниям.

В соответствии с п. 5 ст. 18 Закона о защите прав потребителей продавец (изготовитель), уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер обязаны принять товар ненадлежащего качества у потребителя и в случае необходимости провести проверку качества товара. Потребитель вправе участвовать в проверке качества товара.

В случае спора о причинах возникновения недостатков товара продавец (изготовитель), уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер обязаны провести экспертизу товара за свой счет. Экспертиза товара проводится в сроки, установленные ст.ст. 20, 21 и 22 названного Закона для удовлетворения соответствующих требований потребителя. Потребитель вправе присутствовать при проведении экспертизы товара и в случае несогласия с ее результатами оспорить заключение эксперта в судебном порядке.

Таким образом, для правильного разрешения спора суду надлежало установить, предпринимались ли С. действия по возврату товара, имеющего недостатки, обществу для выполнения последним обязанности по проведению экспертизы товара и добровольному удовлетворению требований потребителя о возврате уплаченной за товар суммы, что судом первой инстанции не сделано.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о том, что ответчик не представил суду доказательств передачи истцу товара надлежащего качества, отсутствия в телефоне недостатков либо их образования в процессе эксплуатации, при этом не разрешил вопросы о том, передавался ли товар истцом ответчику и имелась ли у последнего возможность для выявления характера недостатков проданной продукции и добровольного исполнения требований потребителя.

Указанные обстоятельства подлежали установлению, поскольку в отношении товара, на который установлен гарантийный срок, продавец (изготовитель), уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер отвечают за недостатки товара, если не докажут, что они возникли после передачи товара потребителю вследствие нарушения потребителем правил использования, хранения или транспортировки товара, действий третьих лиц или непреодолимой силы (абз. 2 п. 6 ст. 18 Закона о защите прав потребителей), что судами первой и апелляционной инстанций сделано не было.

Статья 22 Закона о защите прав потребителей регулирует сроки удовлетворения отдельных требований потребителя и предусматривает, что требования потребителя, в том числе о возврате уплаченной за товар ненадлежащего качества денежной суммы, подлежат удовлетворению продавцом (изготовителем, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) в течение десяти дней со дня предъявления соответствующего требования.

В судебном заседании суда первой инстанции и в апелляционной жалобе представитель общества указывал на невозможность добровольного удовлетворения требований потребителя без принятия товара и проведения проверки его качества в связи с уклонени-

ем потребителя от возврата технически сложного товара для его проверки, что привело к утрате импортером возможности убедиться в обоснованности требований потребителя и удовлетворить его требования в срок, предусмотренный указанной статьей Закона о защите прав потребителей.

Согласно п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей при удовлетворении судом требований потребителя, установленных законом, суд взыскивает с изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя штраф в размере 50% от суммы, присужденной судом в пользу потребителя.

По смыслу приведенных правовых норм ответственность импортера за нарушение прав потребителей наступает в случае виновного уклонения от исполнения требований потребителя.

В апелляционной жалобе представитель общества ссылался на то, что С. уклонился от ответа на неоднократные предложения ответчика вернуть товар в указанное место и время для возможности реализации права компании на проверку его качества, чем лишил импортера возможности в добровольном порядке разрешить возникший спор.

При этом суд первой инстанции, определяя ко взысканию С. неустойку на период с 13 июля 2017 г. по день исполнения обязательства, возлагая на истца обязанность по возврату приобретенного товара ответчику, фактически поставил в зависимость от действий истца исполнение ответчиком своей обязанности и размер подлежащей взысканию с общества неустойки, что признано Судебной коллегией недопустимым.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31 июля 2018 г. № 32-КГ18-16)

4. При применении Закона о защите прав потребителей к спорам, возникающим из договора купли-продажи большого количества технических сложных товаров, относящихся согласно Общероссийскому классификатору продукции к вычислительной технике, необходимо определять цель их приобретения.

ОЗПП, действующее в интересах А., обратилось в суд с иском к торговой организации о взыскании уплаченных за товар денежных средств, компенсации морального вреда и штрафа за неудовлетворение в добровольном порядке требований потребителя.

Иск мотивирован тем, что А. приобрел у ответчика планшетные компьютеры (далее — планшеты) в количестве 7 штук черного цвета и 3 штуки — белого. А. обратился к ответчику с требованием о замене планшетов черного цвета на аналогичный товар другого цвета, а после отказа обменять товар — с требованием о возврате уплаченных за него денежных средств.

Претензия истца о возврате уплаченных за товар денежных средств оставлена продавцом без удовлетворения.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что при приобретении планшетов истцу была предоставлена необходимая и достоверная информация о товарах, их потребительских свойствах, в том числе и об их цвете. Кроме того, планшет является технически сложным товаром бытового назначения и в соответствии с действующим законодательством не подлежит обмену или возврату.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции исходил из того, что планшет не входит в Перечень непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплекта-

ции, утвержденный постановлением Правительства РФ от 19 января 1998 г. № 55, в связи с чем отказ продавца обменять указанные планшеты на аналогичный товар другого цвета не соответствует положениям ст. 25 Закона о защите прав потребителей.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение, указав следующее.

Согласно п. 1 ст. 25 Закона о защите прав потребителей потребитель вправе в течение четырнадцати дней, не считая дня покупки, обменять непродовольственный товар надлежащего качества на аналогичный товар у продавца, у которого этот товар был приобретен, если указанный товар не подошел по форме, габаритам, фасону, расцветке, размеру или комплектации. При этом обмен непродовольственного товара надлежащего качества проводится, если указанный товар не был в употреблении, сохранены его товарный вид, потребительские свойства, пломбы, фабричные ярлыки, а также имеется товарный чек или кассовый чек либо иной подтверждающий оплату указанного товара документ. Отсутствие у потребителя товарного чека или кассового чека либо иного подтверждающего оплату товара документа не лишает его возможности ссылаться на свидетельские показания.

Перечень товаров, не подлежащих обмену по основаниям, указанным в названной статье, утверждается Правительством РФ.

Аналогичное положение закреплено и в п. 26 Правил продажи отдельных видов товаров, утвержденных постановлением Правительства РФ от 19 января 1998 г. № 55. Этим же постановлением утвержден Перечень непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации.

Согласно п. 11 указанного Перечня к товарам надлежащего качества, не подлежащим возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации, относятся технически сложные товары бытового назначения, на которые установлены гарантийные сроки, в частности бытовая вычислительная и множительная техника.

Таким образом, к технически сложному товару бытового назначения, не подлежащему возврату или обмену, если он не подходит покупателю по перечисленным характеристикам и свойствам, отнесена в том числе и вычислительная техника, на которую установлен гарантийный срок.

В соответствии с Общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности ОК 034-2014, утвержденным приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст, планшетные компьютеры относятся к классу продукции “Компьютеры портативные массой не более 10 кг, такие как ноутбуки, планшетные компьютеры, карманные компьютеры, в том числе совмещающие функции мобильного телефонного аппарата, электронные записные книжки и аналогичная компьютерная техника” (код 26.20.11, раздел 26 “Оборудование компьютерное, электронное, вычислительное”).

По смыслу приведенных выше нормативных актов планшетный компьютер является сложным товаром бытового назначения и относится к вычислительному оборудованию (вычислительной технике).

Вывод суда апелляционной инстанции о том, что планшетный компьютер не включен в вышеназванный Перечень, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала ошибочным.

Кроме того, разрешая спор, суды исходили из того, что правоотношения между А. и продавцом регулируются Законом о защите прав потребителей.

В соответствии с абз. 3 преамбулы этого Закона потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Аналогичное разъяснение содержится в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”.

Таким образом, при отнесении споров к сфере регулирования Закона о защите прав потребителей необходимо определять не только субъектный состав участников договора, но и то, для каких нужд он был заключен.

По данному делу установлено, что А. приобрел у ответчика одновременно 10 планшетных компьютеров, в связи с чем подлежало установить, приобретались ли они для личных нужд.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 марта 2018 г. № 78-КГ17-102)

5. Выявление производственных недостатков в автомобиле в течение 15-дневного срока со дня его передачи покупателю является основанием для расторжения договора купли-продажи независимо от того, устранимы они или нет.

А. обратился в суд с иском к автосалону с требованиями о расторжении договора купли-продажи автомобиля.

Судом установлено следующее. 29 декабря 2015 г. между автосалоном и А. заключен договор купли-продажи автомобиля, который в тот же день передан покупателю по акту приема-передачи.

9 января 2016 г. А. на имя генерального директора автосалона направлена претензия с требованием замены автомобиля ненадлежащего качества, а в случае невозможности произвести замену — о расторжении договора купли-продажи и возврате денежных средств в размере стоимости автомобиля.

Автосалоном в расторжении договора купли-продажи и замене автомобиля было отказано.

Определением суда первой инстанции была назначена судебная автотехническая экспертиза, по результатам которой ряд недостатков, на которые указывал покупатель, во внешнем проявлении не были выявлены, а некоторые из них признаны следствием производственного дефекта при сборке автомобиля.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции указал, что недостатки приобретенного истцом автомобиля выявлены в течение 15 дней со дня передачи автомобиля.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции, ссылаясь на выводы экспертов об отсутствии ряда недостатков во внешнем проявлении и устранение ответчиком всех незначительных дефектов, отказал в удовлетворении исковых требований А., указав также, что выявленные недостатки не являются существенными недостатками и не создают препятствий для эксплуатации автомобиля.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что выводы суда апелляционной инстанции сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

В соответствии с п. 1 ст. 4 Закона о защите прав потребителей продавец (исполнитель) обязан передать потребителю товар, качество которого соответствует договору.

Согласно п. 1 ст. 18 этого Закона в отношении технически сложного товара потребитель в случае обнаружения в нем недостатков вправе отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за такой товар суммы либо предъявить

требование о его замене на товар этой же марки (модели, артикула) или на такой же товар другой марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчетом покупной цены в течение 15 дней со дня передачи потребителю такого товара.

Из разъяснений, содержащихся в п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17, следует, что потребитель вправе требовать замены технически сложного товара либо отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар денежной суммы независимо от того, насколько существенными были отступления от требований к качеству товара, установленных в ст. 4 Закона о защите прав потребителей, при условии, что такие требования были предъявлены в течение 15 дней со дня его передачи потребителю.

В связи с тем, что недостатки автомобиля производственного характера были выявлены в течение менее 15 дней со дня его продажи, доводы суда апелляционной инстанции об их несущественности и устранимости противоречат приведенным выше положениям Закона и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ.

Поскольку единственным основанием для отмены решения суда первой инстанции послужил ошибочный вывод суда апелляционной инстанции о том, что условие о существенности распространяется также на недостатки, требования по которым предъявлены в 15-дневный срок с момента приобретения технически сложного товара, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и оставила в силе решение суда первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 октября 2017 г. № 4-КГ17-53)

б. Расторжение договора купли-продажи технически сложного товара по основанию, предусмотренному абз. 11 п. 1 ст. 18 Закона о защите прав потребителей, возможно при наличии совокупности следующих обстоятельств: невозможности в течение хотя бы одного года гарантии пользоваться автомобилем более, чем 30 дней; невозможности использования, обусловленной неоднократными ремонтами; устранения во время ремонтов разных недостатков товара.

При наличии международной гарантии время ремонта автомобиля в сервисном центре иностранного государства подлежит учету при решении вопроса о расторжении договора купли-продажи автомобиля.

ОЗПП обратилось в суд в интересах Н. с иском к автодилеру о защите прав потребителя.

Иск мотивирован следующим. 22 апреля 2011 г. между Н. (покупателем) и автодилером был заключен договор купли-продажи транспортного средства, на основании которого Н. приобрела автомобиль.

В ходе эксплуатации приобретенного автомобиля неоднократно возникали неисправности; Н. обращалась в дилерские сервисные центры с целью их устранения, в связи с чем не имела возможности регулярно использовать данный автомобиль, что составило более 30 дней в течение каждого года двухгодичного гарантийного срока.

Кроме того, при обращении в сервисный центр 4 марта 2013 г. ремонт транспортного средства превысил максимальный срок устранения недостатков, установленный Законом о защите прав потребителей, который составляет 45 дней.

После возникновения неисправности автомобиля в четвертый раз Н. обратилась к продавцу с требованием о расторжении договора купли-продажи и возврате денежных средств за некачественный товар.

Требования от 15 мая 2013 г. и от 26 июля 2013 г. продавцом были оставлены без удовлетворения.

ОЗПП просило суд расторгнуть договор купли-продажи транспортного средства, взыскать с ответ-

чика стоимость товара, неустойку, сумму компенсации морального вреда и штраф.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении иска отказано.

Отказывая в удовлетворении иска о расторжении договора купли-продажи и возврате денежных средств за некачественный товар, суд исходил из отсутствия оснований для этого, поскольку в течение первого года из двух лет гарантии автомобиль находился на гарантийном ремонте менее 30 дней (с 16 октября по 11 ноября 2011 г. — 27 дней). Период доставки автомобиля эвакуатором в сервис с 13 октября по 16 октября 2011 г. и период с 11 ноября 2011 г., когда автомобиль был отремонтирован, по 14 ноября 2011 г., когда Н. забрала автомобиль, суд в расчет не принял.

Относительно невозможности использования автомобиля более 30 дней в течение второго года гарантийного срока суд указал, что Н. самостоятельно обращалась в сервисный центр в Норвегии, где ремонт производился 18 дней (с 1 июня по 19 июня 2012 г.) и 49 дней (с 4 марта по 22 апреля 2013 г.). Поскольку данный центр, находящийся на территории иностранного государства, не входит в перечень центров, уполномоченных ответчиком производить ремонт и обслуживание проданных им автомобилей, и при этом отсутствуют доказательства обращения Н. в уполномоченные осуществлять ремонт и обслуживание на территории Российской Федерации сервисные центры и получения отказа в проведении ремонта, то указанные случаи ремонта не могут учитываться при оценке нарушений прав потребителя.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы суда ошибочными по следующим основаниям.

Согласно абз. 8—11 п. 1 ст. 18 Закона о защите прав потребителей в отношении технически сложного товара потребитель в случае обнаружения в нем недостатков вправе отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за такой товар суммы либо предъявить требование о его замене на товар этой же марки (модели, артикула) или на такой же товар другой марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчетом покупной цены в течение 15 дней со дня передачи потребителю такого товара. По истечении этого срока указанные требования подлежат удовлетворению в одном из следующих случаев: обнаружение существенного недостатка товара; нарушение установленных Законом сроков устранения недостатков товара; невозможность использования товара в течение каждого года гарантийного срока в совокупности более чем 30 дней вследствие неоднократного устранения его различных недостатков.

Требования истца о расторжении договора купли-продажи и возврате уплаченной за товар денежной суммы обоснованы наличием совокупности данных случаев.

Однако при расчете 30-дневного срока, предусмотренного абз. 11 п. 1 ст. 18 Закона о защите прав потребителей, суд исходил только из времени нахождения автомобиля в ремонте, в то время как указанная норма предусматривает необходимость определения периода, когда отсутствовала возможность использовать товар.

Суд не учел положения п. 7 ст. 18 Закона о защите прав потребителей, согласно которому доставка крупногабаритного товара и товара весом более пяти килограммов для ремонта, уценки, замены и (или) возврат их потребителю осуществляются силами и за счет продавца (изготовителя, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера). В случае неисполнения данной обязанности, а также при отсутствии продавца (изго-

товителя, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) в месте нахождения потребителя доставка и (или) возврат указанных товаров могут осуществляться потребителем.

По смыслу приведенных норм срок доставки автомобиля в сервис и срок проезда покупателя в сервис за автомобилем являются периодом, в течение которого покупатель не мог использовать товар вследствие устранения его недостатков.

Вывод суда о том, что ремонт автомобиля в сервисном центре иностранного государства не учитывается при решении вопроса о расторжении договора купли-продажи, признан ошибочным, так как согласно договору гарантия была предоставлена как на территории Российской Федерации, так и на территории иностранных государств (международная гарантия). Данное обстоятельство ответчиком не оспаривается.

В связи с этим периоды ремонта автомобиля в норвежском сервисном центре являются юридически значимыми для разрешения вопроса о том, имели ли место основания для расторжения договора, указанные в абз. 9—11 п. 1 ст. 18 Закона о защите прав потребителей.

Судебная коллегия также сделала вывод о неправильном применении положения абз. 11 данной нормы, указав, что расторжение договора купли-продажи по указанному основанию возможно при наличии совокупности следующих обстоятельств:

невозможности в течение хотя бы одного года гарантии пользоваться автомобилем более чем 30 дней;

невозможности использования, обусловленной неоднократными ремонтами;

устранения во время ремонтов разных недостатков товара.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 декабря 2014 г. № 34-КГ14-10)

7. Если существенный недостаток товара выявлен по истечении двух лет со дня его передачи потребителю и к этому моменту истек гарантийный срок, требование о расторжении договора купли-продажи может быть заявлено потребителем только к изготовителю (уполномоченной организации или уполномоченному индивидуальному предпринимателю, импортеру). При этом потребитель обязан доказать, что выявленный недостаток является существенным и что он возник до передачи товара потребителю или по причинам, возникшим до этого момента.

Т. обратился в суд с иском к автодилеру о расторжении договора купли-продажи автомобиля.

В обоснование заявленных требований Т. указал следующее. 14 июля 2010 г. он купил у ответчика автомобиль. 30 августа 2015 г. истец узнал, что данный автомобиль имеет ремонтно-выполненное двухслойное лакокрасочное покрытие поверх четырехслойного заводского покрытия. По мнению истца, перекраска автомобиля является существенным производственным недостатком, о котором он не был поставлен в известность при приобретении автомобиля, в связи с чем у истца возникло право на одностороннее расторжение договора купли-продажи этого автомобиля.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что наличие на автомобиле дополнительных (ремонтных) слоев лакокрасочного покрытия является производственным недостатком. Суд указал, что данный недостаток является существенным, поскольку Т. в значительной степени лишился того, на что он рассчитывал при заключении договора купли-продажи, а именно — возможности приобрести качественный автомобиль.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и дополнительно указал, что поскольку невозможно бесспорно установить, что автомобиль перекрашивался в условиях станции технического обслуживания, а ответчик утверждает, что

автомобиль перекрашивался в условиях завода-изготовителя, то недостаток автомобиля следует квалифицировать как производственный.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами судов первой и апелляционной инстанций, указав следующее.

Согласно п. 1 ст. 18 Закона о защите прав потребителей в отношении технически сложного товара потребитель в случае обнаружения в нем недостатков вправе отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за такой товар суммы либо предъявить требование о его замене на товар этой же марки (модели, артикула) или на такой же товар другой марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчетом покупной цены в течение 15 дней со дня передачи потребителю такого товара. По истечении этого срока указанные требования подлежат удовлетворению в одном из следующих случаев: обнаружение существенного недостатка товара; нарушение установленных указанным Законом сроков устранения недостатков товара; невозможность использования товара в течение каждого года гарантийного срока в совокупности более чем 30 дней вследствие неоднократного устранения его различных недостатков.

В силу п. 1 ст. 19 названного Закона потребитель вправе предъявить предусмотренные ст. 18 этого Закона требования к продавцу (изготовителю, уполномоченной организации или уполномоченному индивидуальному предпринимателю, импортеру) в отношении недостатков товара, если они обнаружены в течение гарантийного срока или срока годности.

В то же время в соответствии с п. 6 ст. 19 Закона в случае выявления существенных недостатков товара потребитель вправе предъявить изготовителю (уполномоченной организации или уполномоченному индивидуальному предпринимателю, импортеру) требование о безвозмездном устранении таких недостатков, если докажет, что они возникли до передачи товара потребителю или по причинам, возникшим до этого момента. Указанное требование может быть предъявлено, если недостатки товара обнаружены по истечении двух лет со дня передачи товара потребителю, в течение установленного на товар срока службы или в течение десяти лет со дня передачи товара потребителю в случае неустановления срока службы. Если указанное требование не удовлетворено в течение 20 дней со дня его предъявления потребителем или обнаруженный им недостаток товара является неустранимым, потребитель по своему выбору вправе предъявить изготовителю (уполномоченной организации или уполномоченному индивидуальному предпринимателю, импортеру) иные предусмотренные п. 3 ст. 18 Закона требования или вернуть товар изготовителю (уполномоченной организации или уполномоченному индивидуальному предпринимателю, импортеру) и потребовать возврата уплаченной денежной суммы.

Из приведенных правовых норм следует, что требование о расторжении договора купли-продажи может быть предъявлено потребителем продавцу в пределах установленного в отношении товара гарантийного срока или срока годности и в иных случаях, предусмотренных Законом.

По истечении указанного срока требование о возврате уплаченной за товар денежной суммы может быть предъявлено к изготовителю (уполномоченной организации или уполномоченному индивидуальному предпринимателю, импортеру) товара в случае, если потребитель докажет производственный характер существенного недостатка товара и требование о безвозмездном устранении этого недостатка не будет удовлетворено добровольно.

Судом установлено, что требование о расторжении договора купли-продажи автомобиля предъявлено по-

требителем по истечении гарантийного срока, составляющего 24 месяца.

Однако в нарушении приведенных выше норм закона вопрос о правомочности предъявления потребителем требования о расторжении договора купли-продажи по истечении гарантийного срока к продавцу должной правовой оценки суда не получил.

Судебная коллегия также обратила внимание на то, что исходя из преамбулы к Закону о защите прав потребителей для правильного разрешения вопроса о наличии либо об отсутствии недостатков товара суду следует дать оценку тому, соответствует ли этот товар предъявляемым к нему обязательным требованиям, условиям договора или обычно предъявляемым требованиям, целям использования товара, иным целям, указанным при продаже товара, образцам и (или) описанию товара.

Существенным недостатком товара является неустраняемый недостаток или недостаток, который не может быть устранен без несоразмерных расходов или затрат времени, или выявляется неоднократно, или проявляется вновь после его устранения, или другие подобные недостатки.

Содержание каждого из указанных критериев существенности недостатка товара разъяснено в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17.

Между тем при вынесении решения суд не указал, какие именно обязательные требования к техническим характеристикам автомобиля, его качеству нарушаются наличием таких слоев и является ли это существенным недостатком товара.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 августа 2017 г. № 77-КГ17-20)

8. В случае обнаружения в течение гарантийного срока недостатков проданного потребителю товара доказать наличие оснований для освобождения от ответственности обязан продавец (изготовитель, импортер и т.д.) данного товара.

ОЗПП в интересах К. обратилось в суд с иском к изготовителю об отказе от исполнения договора купли-продажи, о взыскании стоимости товара, убытков, неустойки, суммы компенсации морального вреда, штрафа и судебных расходов.

В обоснование иска указано, что К. приобрел автомобиль, срок гарантии которого — 36 месяцев или 100 000 км пробега, срок службы — 8 лет или 120 000 км пробега (что наступит ранее). Данный автомобиль эксплуатировался в соответствии с правилами, изложенными в “Руководстве по эксплуатации автомобиля”, проводилось необходимое техническое обслуживание у дилера, о чем сделаны соответствующие отметки в сервисной книжке. В период гарантийного срока в автомобиле стали выявляться различные производственные недостатки, за устранением которых истец неоднократно обращался на станцию технического обслуживания. Часть недостатков после проведения мероприятий по их устранению проявилась вновь, а часть недостатков так и не была устранена.

Определением суда по ходатайству ответчика назначена автотехническая экспертиза. Согласно заключению эксперта в автомобиле истца выявлено девять производственных недостатков, при этом четыре дефекта проявились после их устранения по гарантии, пять дефектов влияют на целевое назначение и безопасность эксплуатации автомобиля, причинно-следственная связь между эксплуатацией автомобиля и выявленными на автомобиле производственными дефектами отсутствует.

Разрешая спор и частично удовлетворяя иск, суд первой инстанции, основываясь на заключении эксперта, признал установленным, что в автомобиле истца выявлены указанные производственные недостатки.

Исходя из п. 8 ст. 18 Закона о защите прав потребителей и ст. 469 ГК РФ, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что истец вправе отказаться от исполнения договора купли-продажи автомобиля и потребовать возврата уплаченной за товар денежной суммы.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об отказе в иске, суд апелляционной инстанции поставил под сомнение выводы, изложенные в указанном выше заключении эксперта, сославшись на их противоречивость и вероятность, а также отсутствие в заключении обоснования невозможности влияния эксплуатационных факторов на возникновение перечисленных дефектов автомобиля. При этом судебная коллегия без назначения дополнительной или повторной экспертизы, ограничившись допросом в судебном заседании эксперта, указала, что выявленные в период гарантийного срока недостатки автомобиля не соответствуют признакам существенности, а стоимость устранения всех указанных выше дефектов не превышает стоимости автомобиля. Суд апелляционной инстанции сослался также на то, что гарантийный срок на автомобиль не истек и истец не лишен права обратиться на станцию технического обслуживания за устранением производственных недостатков по гарантии.

Между тем согласно чч. 1 и 2 ст. 87 ГПК РФ в случаях недостаточной ясности или неполноты заключения эксперта суд может назначить дополнительную экспертизу, поручив ее проведение тому же или другому эксперту. В связи с возникшими сомнениями в правильности или обоснованности ранее данного заключения, наличием противоречий в заключениях нескольких экспертов суд может назначить по тем же вопросам повторную экспертизу, проведение которой поручается другому эксперту или другим экспертам.

В нарушение названных положений процессуального закона суд апелляционной инстанции, не осматривая автомобиль и не имея специальных познаний в этой области, при наличии сомнений в ранее данном заключении эксперта принял новое решение об отказе в иске без назначения в установленном порядке повторной или дополнительной экспертизы.

Согласно п. 4 ст. 13 Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) освобождается от ответственности за неисполнение обязательств или за ненадлежащее исполнение обязательств, если докажет, что неисполнение обязательств или их ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным законом.

Таким образом, при обнаружении недостатков товара в период гарантийного срока обязанность доказать наличие оснований освобождения от ответственности, возникновение недостатков вследствие нарушения потребителем правил эксплуатации товара и т.п. должна быть возложена на ответчика.

В нарушение приведенных норм права суд апелляционной инстанции сослался на недостаточность доказательств и наличие сомнений в заключении эксперта, истолковал эти сомнения в пользу ответчика, освободив изготовителя от ответственности за обнаруженные недостатки автомобиля.

Однако наряду с этим суд апелляционной инстанции признал за истцом право на гарантийное устранение этих недостатков, по существу, признав тем самым их производственный характер.

Ссылаясь на то, что стоимость устранения недостатков значительно ниже стоимости автомобиля, суд апелляционной инстанции не учел, что к существенным недостаткам относятся не только те, которые не могут быть устранены без несоразмерных расходов, но

и те, которые выявлены неоднократно или проявляются вновь.

Так, в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 разъяснено, что исходя из преамбулы и п. 1 ст. 20 Закона о защите прав потребителей под существенным недостатком товара (работы, услуги), при возникновении которого наступают правовые последствия, предусмотренные ст.ст. 18 и 29 данного Закона, следует, в частности, понимать:

— недостаток товара (работы, услуги), который не может быть устранен без несоразмерных расходов, — недостаток, расходы на устранение которого приближены к стоимости или превышают стоимость самого товара (работы, услуги) либо выгоду, которая могла бы быть получена потребителем от его использования.

В отношении технически сложного товара несоизмеримость расходов на устранение недостатков товара определяется судом исходя из особенностей товара, цены товара либо иных его свойств;

— недостаток товара (работы, услуги), выявленный неоднократно, — различные недостатки всего товара, выявленные более одного раза, каждый из которых в отдельности делает товар (работу, услугу) не соответствующим обязательным требованиям, предусмотренным законом или в установленном им порядке, либо условиям договора (при их отсутствии или неполноте условий — обычно предъявляемым требованиям) и приводит к невозможности или недопустимости использования данного товара (работы, услуги) в целях, для которых товар (работа, услуга) такого рода обычно используется, или в целях, о которых продавец (исполнитель) был поставлен в известность потребителем при заключении договора, или образцу и (или) описанию при продаже товара по образцу и (или) по описанию;

— недостаток, который проявляется вновь после его устранения, — недостаток товара, повторно проявляющийся после проведения мероприятий по его устранению.

Не опровергнув установленный экспертом факт недостатков автомобиля, которые ранее устранялись при гарантийном ремонте, т.е. факт повторного проявления этих недостатков, суд апелляционной инстанции освободил изготовителя от ответственности за них по мотиву того, что стоимость их устранения менее стоимости автомобиля.

Судом апелляционной инстанции не принят во внимание и установленный судом первой инстанции факт неоднократности проявления различных недостатков автомобиля, каждый из которых препятствовал использованию автомобиля или исключал возможность участия его в дорожном движении.

Довод суда апелляционной инстанции о том, что истец эксплуатировал автомобиль при наличии определенных недостатков, не является основанием для освобождения изготовителя от ответственности за производственные недостатки, не связанные с нарушением правил эксплуатации автомобиля.

Ссылка суда апелляционной инстанции на наличие следов ремонтных работ и воздействия слесарных инструментов на узлах и агрегатах автомобиля сама по себе также не является основанием для освобождения изготовителя от ответственности, поскольку судом установлено, а сторонами не оспаривается, что автомобиль вследствие производственных недостатков действительно подвергался гарантийному ремонту. Доказательств постороннего вмешательства в узлы и агрегаты автомобиля судом апелляционной инстанции не приведено.

Выводы суда апелляционной инстанции о вероятных причинах возникновения в автомобиле дефектов сделаны без ссылки на доказательства и противоречат приведенным выше положениям закона, согласно которым обязанность доказать основания освобождения

от ответственности перед потребителем возложена на изготовителя.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 апреля 2018 г. № 46-КГ18-10)

9. Заявление о применении судом положений ст. 333 ГК РФ может быть сделано ответчиком на любой стадии рассмотрения дела по правилам производства в суде первой инстанции до удаления суда в совещательную комнату.

Д. обратился в суд с иском к магазину о защите прав потребителя, указав, что 3 июня 2015 г. купил у ответчика смартфон, в котором в период гарантийного срока проявились недостатки. В ответ на претензию от 1 марта 2016 г. ответчик возвратил истцу уплаченные за товар денежные средства. В связи с отказом от исполнения договора купли-продажи смартфона истец просил взыскать с магазина в том числе неустойку в размере 21 994 руб. из расчета 1% от цены товара за каждый день просрочки удовлетворения требования потребителя о возврате стоимости товара начиная с 2 марта по 24 апреля 2016 г., ссылаясь на нарушение ответчиком сроков удовлетворения его требований о возврате денежных средств.

Разрешая спор и установив в действиях магазина нарушение сроков выполнения требований потребителя при обнаружении в товаре недостатков, суд первой инстанции частично удовлетворил заявленные Д. исковые требования. При этом суд, полагая, что предъявленный к взысканию размер неустойки, предусмотренной ст. 23 Закона о защите прав потребителей, является несоразмерным последствиям нарушения ответчиком своих обязательств, применил положения п. 1 ст. 333 ГК РФ и уменьшил его до 3478 руб.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции об уменьшении размеров неустойки.

Между тем судами не было учтено следующее.

В соответствии со ст. 22 и п. 1 ст. 23 Закона о защите прав потребителей за нарушение срока возврата уплаченной за товар денежной суммы продавец (изготовитель, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер), допустивший такое нарушение, уплачивает потребителю за каждый день просрочки неустойку (пеню) в размере одного процента цены товара.

Неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. По требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков (п. 1 ст. 330 ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 333 ГК РФ суд вправе уменьшить неустойку, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства. Если обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, суд вправе уменьшить неустойку при условии заявления должника о таком уменьшении.

В абз. 2 п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 разъяснено, что применение ст. 333 ГК РФ по делам о защите прав потребителей возможно в исключительных случаях и по заявлению ответчика с обязательным указанием мотивов, по которым суд полагает, что уменьшение размера неустойки является допустимым.

Аналогичные положения, предусматривающие инициативу ответчика в уменьшении неустойки (штрафа) на основании данной статьи, содержатся в п. 72 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”, в котором также разъяснено, что заявление ответчика о

применении положений ст. 333 ГК РФ может быть сделано исключительно при рассмотрении дела судом первой инстанции или судом апелляционной инстанции в случае, если он перешел к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции.

Исходя из смысла приведенных выше правовых норм и разъяснений, а также принципа осуществления гражданских прав своей волей и в своем интересе (ст. 1 ГК РФ), размер неустойки (штрафа) может быть снижен судом на основании ст. 333 ГК РФ только при наличии соответствующего заявления со стороны ответчика, поданного суду первой инстанции или апелляционной инстанции, если последнее дело рассматривалось по правилам, установленным ч. 5 ст. 330 ГПК РФ.

Более того, помимо самого заявления о явной несоразмерности штрафа последствиям нарушения обязательства, ответчик в силу положений ч. 1 ст. 56 ГПК РФ обязан представить суду доказательства, подтверждающие такую несоразмерность, а суд — обсудить данный вопрос в судебном заседании и указать мотивы, по которым он пришел к выводу об удовлетворении указанного заявления.

Как следует из материалов дела, в судебном заседании суда первой инстанции стороны не присутствовали. Ходатайство о снижении размера неустойки направлено ответчиком электронной почтой в адрес суда после оглашения судом резолютивной части решения, и, как усматривается из протокола судебного заседания, ходатайство ответчика о снижении неустойки и штрафа судом не рассматривалось и на обсуждение не ставилось.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 декабря 2017 г. № 32-КГ17-35)

10. Сумма неустойки и штрафа, подлежащих уплате покупателю в случае возврата им изготовителю автомобиля ненадлежащего качества, подлежит исчислению с учетом стоимости дополнительного оборудования, установленного на данный автомобиль изготовителем по заказу потребителя.

ОЗПП обратилось в суд с иском в интересах С. к изготовителю транспортного средства о взыскании неустойки за просрочку исполнения требований потребителя о возврате денег за некачественный автомобиль, о взыскании убытков в виде расходов на дополнительное оборудование автомобиля, неустойки за просрочку исполнения требований потребителя о возмещении этих убытков, суммы компенсации морального вреда и штрафа за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения требований потребителя.

Судом установлено, что одновременно с покупкой автомобиля С. были понесены расходы на приобретение и установку на данный автомобиль дополнительного оборудования (сигнализации, обходчика иммобилайзера, секретных болтов, зимней резины), которое согласно акту приема-передачи автомобиля было передано ответчику.

Разрешая спор и частично удовлетворяя иски требования, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, признал за С. право на взыскание с ответчика стоимости дополнительного оборудования в качестве неосновательного обогащения. Отказывая в удовлетворении требований о взыскании неустойки и штрафа из расчета стоимости дополнительного оборудования, суд исходил из того, что на требование о взыскании денежных средств за дополнительное оборудование положения Закона о защите прав потребителей не распространяются.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами судов по следующим основаниям.

По смыслу п. 1 ст. 15 ГК РФ, пп. 1 и 2 ст. 13 и п. 3 ст. 18 Закона о защите прав потребителей в случае продажи товара ненадлежащего качества потребитель

вправе требовать от изготовителя возмещения причиненных убытков.

На возможность предъявления изготовителю требования о возмещении убытков, причиненных потребителю возвратом товара ненадлежащего качества изготовителю, указывают также положения ст. 22 Закона о защите прав потребителей, регулирующие сроки удовлетворения отдельных требований потребителя. В частности, этой статьей предусмотрено, что требования потребителя о возмещении убытков, причиненных потребителю вследствие продажи товара ненадлежащего качества, подлежат удовлетворению изготовителем в течение десяти дней со дня предъявления соответствующего требования.

Как разъясняется в абз. 2 п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17, при рассмотрении дел о защите прав потребителей под убытками следует понимать расходы, которые потребитель, чье право нарушено, произвел или должен будет произвести для восстановления нарушенного права, утрату или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые потребитель получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Если лицо, нарушившее право потребителя, получило вследствие этого доходы, потребитель вправе требовать возмещения, наряду с другими убытками, упущенной выгоды в размере, не меньшем, чем такие доходы.

В случае возврата изготовителю автомобиля ненадлежащего качества, на который было установлено дополнительное оборудование, потребителю причиняются убытки в размере денежных средств, затраченных на приобретение и установку на автомобиль такого дополнительного оборудования, так как дальнейшая возможность эксплуатации данного оборудования утрачена в связи с тем, что автомобиль оказался некачественным и возвращен изготовителю вместе с этим оборудованием.

Довод суда о том, что изготовитель транспортного средства не является изготовителем, продавцом дополнительного оборудования и исполнителем услуги по его установке на автомобиль, а следовательно, отказ от исполнения договора купли-продажи некачественного автомобиля не создает для ответчика обязанности по возмещению расходов на приобретение и установку такого дополнительного оборудования, признан несостоятельным.

Дополнительное оборудование приобреталось истцом одновременно с автомобилем, и истцом предполагалось их совместное использование. Оснований для вывода о том, что при отказе от исполнения договора купли-продажи в отношении некачественного автомобиля установленное на него дополнительное оборудование должно быть оставлено в собственности потребителя, не имеется, поскольку иное обусловило бы необходимость повторного приобретения автомобиля (как правило, аналогичной модели), что в силу п. 2 ст. 1 ГК РФ является недопустимым.

С учетом изложенного вывод суда о неприменении Закона о защите прав потребителей к правоотношениям между покупателем и изготовителем некачественного автомобиля при возмещении расходов на приобретение и установку дополнительного оборудования признан неправильным.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 февраля 2018 г. № 44-КГ17-34)

Споры, возникающие в связи с оказанием гражданам услуг

11. Вред, причиненный вследствие ненадлежащего исполнения услуг лицом, осуществляющим деятельность по управлению многоквартирным домом, подлежит воз-

мещению в том числе с учетом положений Закона о защите прав потребителей.

О. обратился в суд с иском к обществу (управляющей компании) о возмещении ущерба, расходов по оценке причиненного ущерба, оплате услуг представителя и за оформление доверенности, о взыскании штрафа в размере 50% от присужденной суммы, компенсации морального вреда.

В обоснование иска указано, что О. является собственником квартиры, расположенной в многоквартирном доме, который находится в управлении ответчика. В связи с ненадлежащим исполнением ответчиком своих обязанностей по договору в результате схода снега с крыши дома автомобилю истца причинены повреждения.

О. обратился к управляющей компании с претензией о возмещении ущерба, ответ на которую не был получен.

Решением суда в удовлетворении исковых требований отказано.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции установил факт повреждения автомобиля О. в результате падения снега с крыши дома, указав, что данное обстоятельство подтверждается протоколом осмотра места происшествия, из которого следует, что на момент осмотра на автомобиле обнаружены механические повреждения в виде вмятин на крыше и капоте, разбито лобовое стекло, с передней пассажирской стороны оторвана накладка стойки.

При указанных обстоятельствах судебная коллегия пришла к выводу о том, что управляющая компания не обеспечила надлежащее содержание общего имущества многоквартирного дома и безопасные условия его эксплуатации, в том числе не произвела удаление снега с крыши, допустила его критическое накопление, что привело к сходу снега и повреждению автомобиля истца.

Поскольку О. является потребителем услуг, оказываемых ответчиком в рамках договора управления многоквартирным домом, ущерб возник в связи с ненадлежащим оказанием услуг по указанному договору, то к правоотношениям, возникшим между сторонами, следует применять положения Закона о защите прав потребителей, которые помимо взыскания денежных средств в счет возмещения ущерба предусматривают возложение на ответчика обязанности по компенсации морального вреда и выплате штрафа за неудовлетворение в добровольном порядке требований потребителя.

Проверяя законность апелляционного определения, суд кассационной инстанции согласился с выводами суда апелляционной инстанции о том, что на ответчика возлагается обязанность возместить причиненный имуществу истца ущерб, однако при этом причинение вреда имуществу истца не находится в причинной связи с договорными отношениями с ответчиком. Право истца требовать от ответчика возмещение причиненного ущерба носит внедоговорный, деликтный характер, а потому положения Закона о защите прав потребителей не подлежали применению при разрешении данного спора.

Исходя из этого постановлением суда кассационной инстанции апелляционное определение отменено в части взыскания в пользу О. денежных средств в счет компенсации морального вреда и штрафа, в этой части в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановление суда кассационной инстанции, оставив в силе определение суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с преамбулой Закона о защите прав потребителей данный Закон регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг),

устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителя и окружающей среды, получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав.

Потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Исполнителем является организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, выполняющие работы или оказывающие услуги потребителям по возмездному договору.

Исходя из положений указанного выше Закона, граждане, являющиеся собственниками помещений в многоквартирном доме, относятся к потребителям услуг, оказываемых управляющей организацией (исполнителем) по возмездному договору управления многоквартирным домом, в связи с чем на данные правоотношения распространяется Закон о защите прав потребителей.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 июля 2017 г. № 74-КГ17-10)

12. В случае непредоставления потребителю необходимой информации по оформлению документов по договору о реализации туристского продукта, повлекшего отказ в выдаче туристической визы, туроператор несет ответственность за оказание услуги ненадлежащего качества.

С. обратился в суд с иском к туроператору и турагенту о защите прав потребителя.

Судом установлено, что между С. (клиент) и турагентом (исполнитель) был заключен договор, по условиям которого исполнитель за вознаграждение обязуется оказать клиенту услуги по бронированию, оплате, получению и передаче ему выездных документов для осуществления туристической поездки в иностранное государство. Согласно условиям договора лицом, формирующим туристский продукт и оказывающим клиенту туристские услуги, является туроператор.

С. произвел оплату стоимости тура в полном размере, о чем свидетельствует квитанция к приходному кассовому ордеру.

В целях исполнения услуги по содействию в оформлении визы туроператор принял у истца пакет документов для оформления визы и передал его в визовый центр, который на основании договора с консульством иностранного государства оказывает услуги по содействию в оформлении въездных виз.

Гражданская ответственность туроператора за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору о реализации туристского продукта застрахована.

В выдаче визы консульством иностранного государства С. отказано по причине непредставленного обоснования цели и условий намеченного пребывания, т.е. в связи с ненадлежащим оформлением документов.

С. направил в адрес турагента, туроператора и страховщика претензию, в которой указал, что в результате ненадлежащего выполнения принятых на себя обязательств туроператором, а именно ненадлежащим оформлением документов для получения визы, ему было отказано в выдаче визы и он лишен возможности отправиться в туристическую поездку, в связи с чем потребовал возратить ему уплаченную за путевку денежную сумму.

В удовлетворении претензии С. было отказано, денежные средства возвращены не были.

Разрешая спор и частично удовлетворяя искивые требования, суд исходил из того, что уведомление консульства иностранного государства, содержащее информацию о причинах отказа в выдаче визы, свидетельствует о ненадлежащем качестве оказанной услуги по содействию в оформлении визы, что является страховым случаем.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что оснований для взыскания с ответчиков денежных средств, оплаченных по договору о реализации туристского продукта, не имеется, поскольку отсутствует факт некачественного оказания услуг со стороны туроператора, а также факт наступления страхового случая, в связи с чем отменил решение суда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение, указав следующее.

Потребитель вправе потребовать полного возмещения убытков, причиненных ему в связи с недостатками выполненной работы (оказанной услуги). Убытки возмещаются в сроки, установленные для удовлетворения соответствующих требований потребителя (п. 1 ст. 29 Закона о защите прав потребителей).

Согласно положениям ст. 9 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» туроператор обеспечивает оказание туристам всех услуг, входящих в туристский продукт, самостоятельно или с привлечением третьих лиц, на которых туроператором возлагается исполнение части или всех его обязательств перед туристом и (или) иным заказчиком.

Туроператор несет предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность перед туристом и (или) иным заказчиком за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору о реализации туристского продукта (в том числе за неоказание или ненадлежащее оказание туристам услуг, входящих в туристский продукт, независимо от того, кем должны были оказываться или оказывались эти услуги).

Туроператор отвечает перед туристами или иными заказчиками за действия (бездействие) третьих лиц, если федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации не установлено, что ответственность перед туристами несет третье лицо.

Туроператор несет ответственность перед туристом и (или) иным заказчиком за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору о реализации туристского продукта, заключенному турагентом как от имени туроператора, так и от своего имени.

Согласно указанному договору лицом, оказывающим услуги, входящие в туристский продукт, является туроператор, который принял на себя обязательства в том числе по оформлению визы.

В уведомлении консульства иностранного государства, содержащем информацию о причинах отказа в выдаче визы, сообщается, что заявителем не было представлено обоснование цели и условий намеченного пребывания.

Между тем доказательств того, что такие документы были переданы для получения визы в консульстве иностранного государства, ответчиком как исполнителем услуги в нарушение ст. 56 ГПК РФ не представлено.

В соответствии со ст. 6 названного выше Закона при подготовке к путешествию, во время его совершения, включая транзит, турист имеет право в том числе

и на необходимую и достоверную информацию о правилах въезда в страну (место) временного пребывания.

Согласно абз. 7 п. 7 постановления Правительства РФ от 18 июля 2007 г. № 452 «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта» (в редакции от 7 ноября 2015 г.) исполнитель обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о туристском продукте, обеспечивающую возможность его правильного выбора, в том числе об основных документах, необходимых для въезда в страну (место) временного пребывания и выезда из страны (места) временного пребывания, а также для получения визы для въезда в страну и (или) выезда из страны временного пребывания.

В силу положений абз. 4 п. 17 указанных Правил туроператор обязан своевременно информировать потребителя об обстоятельствах, зависящих от потребителя, которые могут снизить качество туристского продукта или повлечь за собой невозможность оказания услуг, входящих в туристский продукт, в сроки, указанные в договоре о реализации туристского продукта.

Исходя из положений приведенных выше правовых норм, потребитель вправе потребовать полного возмещения убытков, причиненных ему в связи с недостатком оказанной услуги, в том числе выразившейся в непредоставлении исполнителем потребителю своевременно необходимой и достоверной информации по оформлению документов для получения визы для въезда в страну временного пребывания.

С учетом изложенного юридически значимым и подлежащим установлению и доказыванию по данному делу являются факт предоставления исполнителем потребителю необходимой и достоверной информации для получения визы для въезда в страну временного пребывания в полном объеме, а в случае установления факта непредоставления потребителю такой информации в полном объеме — причинная связь между непредоставлением этой информации и возникновением убытков у потребителя.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 февраля 2018 г. № 39-КГ17-15)

13. Банк вправе при выявлении сомнительной операции ограничить предоставление клиенту банковских услуг путем блокирования банковской карты до прекращения действия обстоятельств, вызвавших подозрения в совершении мошеннических действий с картой, либо обстоятельств, свидетельствующих о риске нарушения законодательства Российской Федерации, а также отказать в выполнении распоряжения клиента о совершении операции¹.

Х. обратился в суд с иском к Банку о признании незаконными действий, выразившихся в отказе в закрытии банковского счета, взыскании неустойки, процентов за пользование чужими денежными средствами, суммы компенсации морального вреда, штрафа в размере 50% от суммы, присужденной судом в пользу потребителя.

Разрешая спор и оставляя искивые требования без удовлетворения, суд первой инстанции сослался на то, что 3 июня 2016 г. на счета четырех физических лиц,

¹При разрешении споров, связанных с оказанием потребителю финансовых услуг, следует учитывать, что с 26 сентября 2018 г. вступил в силу Федеральный закон от 27 июня 2018 г. № 167-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия хищению денежных средств», которым закрепляется право кредитной организации приостановить исполнение распоряжения о совершении операции, соответствующей признакам осуществления перевода денежных средств без согласия клиента.

в том числе Х., поступили денежные средства от общества в размере 400 000 руб. каждому с назначением платежа “возврат денежных средств по договору займа от 8 апреля 2016 г.”. Данные операции вызвали у сотрудников службы финансового мониторинга Банка подозрения об их совершении в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, поскольку указанное общество зарегистрировано в качестве юридического лица 22 апреля 2016 г., однако договор займа заключен 8 апреля 2016 г., т.е. в то время, когда юридическое лицо еще не было создано.

Суд не усмотрел в действиях Банка нарушений прав и законных интересов истца, указав, в частности, что ответчик действовал в рамках возложенных на него Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма” (далее — Закон о противодействии отмыванию доходов) обязанностей по осуществлению контроля за банковскими операциями. При этом Банк не препятствовал Х. в получении денежных средств с карты, а лишь приостановил операции по счету, заблокировав карту.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение о частичном удовлетворении исковых требований, в частности, указал на то, что истец просил Банк выполнить распоряжения о совершении операций, которые в соответствии со ст. 6 Закона о противодействии отмыванию доходов не подлежали обязательному контролю, поскольку их сумма не превышала 600 000 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав в том числе следующее.

Согласно ст. 858 ГК РФ ограничение прав клиента на распоряжение денежными средствами, находящимися на счете, не допускается, за исключением наложения ареста на денежные средства, находящиеся на счете, или приостановления операций по счету в случаях, предусмотренных законом.

В силу ч. 9 ст. 9 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ “О национальной платежной системе” использование клиентом электронного средства платежа (т.е. способа перевода денежных средств с использованием в том числе платежных карт) может быть приостановлено или прекращено оператором по переводу денежных средств на основании полученного от клиента уведомления или по инициативе оператора по переводу денежных средств при нарушении клиентом порядка использования электронного средства платежа в соответствии с договором.

В соответствии с п. 2 ст. 7 Закона о противодействии отмыванию доходов организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, обязаны в целях предотвращения легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма разрабатывать правила внутреннего контроля, назначать специальных должностных лиц, ответственных за реализацию правил внутреннего контроля, а также принимать иные внутренние организационные меры в указанных целях.

Положение о требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма утверждено Банком России 2 марта 2012 г. и предусматривает в том числе программу формирования в кредитной организации работы по отказу от заключения договора банковского счета (вклада) с физическим лицом, юридическим лицом, иностранной структурой без образования юридического лица, отказу от выпол-

нения распоряжения клиента о совершении операции и по расторжению договора банковского счета (вклада) с учетом положений п. 1 ст. 7 Закона о противодействии отмыванию доходов.

Судом первой инстанции установлено, что в соответствии с правилами внутреннего контроля Банка в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, разработанными во исполнение законодательства Российской Федерации в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, такой контроль заключается в анализе сотрудниками банка документов, сведений, полученных от клиента при открытии счета (вклада) и в процессе его обслуживания, а также проводимых клиентом операций (осуществляемых клиентом сделок). Процедуры мониторинга осуществляются на постоянной основе. Сотрудники подразделений в рамках своей компетенции на ежедневной основе проводят мониторинг операций на предмет выявления клиентов, деятельность которых может быть связана с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма. В Перечень предупредительных мероприятий, направленных на минимизацию риска легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, входит в том числе ограничение предоставления клиенту банковских продуктов/услуг (блокирование банковских карт, ограничение выдачи денежных средств в наличной форме); приостановление дистанционного банковского обслуживания клиента.

Таким образом, по смыслу указанных выше норм законов и подзаконных актов, а также внутренних актов Банка, если при реализации правил внутреннего контроля Банка операция, проводимая по банковскому счету клиента, независимо от ее суммы квалифицируется в качестве сомнительной операции, Банк вправе ограничить предоставление клиенту банковских услуг путем блокирования банковской карты до прекращения действия обстоятельств, вызвавших подозрения в совершении мошеннических действий с картой, либо обстоятельств, свидетельствующих о риске нарушения законодательства Российской Федерации, а также отказать в выполнении распоряжения клиента о совершении операции.

Банк отказал в проведении распоряжений истца по договору банковского счета, поскольку в результате реализации правил внутреннего контроля у работников Банка возникли подозрения как относительно получения истцом денежных средств от общества, так и относительно распоряжения истца об их перечислении Х.

Между тем эти юридически значимые обстоятельства не получили правовой оценки суда апелляционной инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 октября 2017 г. № 11-КГ17-21)

14. В случае досрочного погашения задолженности по кредитному договору потребитель вправе отказаться от предварительно оплаченных, но фактически не оказанных дополнительных банковских услуг.

ОЗПП обратилось в суд с иском в защиту интересов К. к Банку о признании договора расторгнутым, взыскании денежных средств, неустойки, суммы компенсации морального вреда и штрафа.

Как установлено судами, 12 декабря 2015 г. между сторонами заключен кредитный договор путем подписания истцом К. анкеты-заявления. По условиям договора сумма кредита составила 317 375 руб., срок — 60 месяцев.

Кроме того, К. выразил согласие на предоставление Банком дополнительных услуг, а именно пакета

услуг “Универсальный”, стоимость которого составила 64 375 руб. Согласно условиям договора пакет “Универсальный” включает подключение и обслуживание системы “Интернет-банк”, перевыпуск основной карты в течение года в связи с утратой, повреждением карты, утратой ПИН-кода, СМС-банк, РКО Плюс (установление индивидуального курса конвертации при совершении операций по покупке клиентом от 30 000 долларов США / 30 000 евро, размен банкнот и монет в валюте Российской Федерации, замена поврежденного денежного знака иностранных государств на неповрежденный денежный знак того же иностранного государства).

Из заявления и договора следует, что пакет банковских услуг действует в течение срока действия договора потребительского кредитования.

22 марта 2017 г. К. задолженность по кредитному договору погашена досрочно в полном объеме.

19 апреля 2017 г. К. обратился в Банк с заявлением об отказе от пакета услуг “Универсальный” и о возврате комиссии за предоставление услуг в рамках пакета “Универсальный”, однако Банком в удовлетворении требования истца было отказано.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, иск удовлетворен частично, условие кредитного договора в части предоставления услуг в рамках пакета “Универсальный” признано расторгнутым. С Банка в пользу К. взысканы денежные средства, оплаченные за предоставление услуг в рамках пакета “Универсальный” за неиспользованный период, компенсация морального вреда, штраф и государственная пошлина в доход местного бюджета.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ оставила без изменения указанные судебные постановления по следующим основаниям.

На основании п. 1 ст. 1 Закона о защите прав потребителей отношения в области защиты прав потребителей регулируются Гражданским кодексом РФ, данным Законом, другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 при отнесении споров к сфере регулирования Закона о защите прав потребителей следует учитывать, что под финансовой услугой следует понимать услугу, оказываемую физическому лицу в связи с предоставлением, привлечением и (или) размещением денежных средств и их эквивалентов, выступающих в качестве самостоятельных объектов гражданских прав (предоставление кредитов (займов), открытие и ведение текущих и иных банковских счетов, привлечение банковских вкладов (депозитов), обслуживание банковских карт, ломбардные операции и т.п.).

Таким образом, предоставление физическому лицу кредита (займа) является финансовой услугой, которая относится в том числе к сфере регулирования Закона о защите прав потребителей.

В силу п. 1 ст. 781 ГК РФ заказчик обязан оплатить оказанные ему услуги в сроки и в порядке, которые указаны в договоре возмездного оказания услуг.

Согласно ст. 32 Закона о защите прав потребителей и п. 1 ст. 782 ГК РФ потребитель вправе отказаться от исполнения договора о выполнении работ (оказании услуг) в любое время при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов, связанных с исполнением обязательств по данному договору.

Указанные положения применяются в случаях, когда отказ потребителя (заказчика) от договора не связан с нарушением исполнителем обязательств по договору, возлагая на потребителя (заказчика) обязанность оплатить расходы, понесенные исполнителем в связи с исполнением обязательств по договору.

Право заемщика на отказ от дополнительных услуг, оказываемых при предоставлении потребительского кредита, допускается ст. 7 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ “О потребительском кредите (займе)”.

В соответствии с п. 1 ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 названного Кодекса.

Из указанных положений в их взаимосвязи следует, что в случае нарушения равноценности встречных предоставлений сторон на момент прекращения договора возмездного оказания дополнительных банковских услуг при заключении договора потребительского кредита сторона, передавшая деньги во исполнение договора оказания дополнительных банковских услуг, вправе требовать от другой стороны возврата исполненного в той мере, в какой встречное предоставление является неравноценным, если иное не предусмотрено законом или договором либо не вытекает из существа обязательства.

Соответственно, при досрочном расторжении договора оказания дополнительных банковских услуг как в связи с отказом потребителя от дальнейшего их использования, так и в случае прекращения договора потребительского кредита досрочным исполнением заемщиком кредитных обязательств, если сохранение отношений по предоставлению дополнительных услуг за рамками кредитного договора не предусмотрено сторонами, оставление банком у себя стоимости оплаченных потребителем, но не исполненных фактически дополнительных услуг, превышающей действительно понесенные банком расходы для исполнения договора оказания дополнительных банковских услуг, свидетельствует о возникновении на стороне банка неосновательного обогащения.

При рассмотрении данного дела судом установлено, что условие о продлении срока действия какой-либо из услуг пакета “Универсальный” по истечении срока действия кредитного договора в договоре потребительского кредита отсутствует.

При таких обстоятельствах потребитель имел право в любое время отказаться от предоставленных Банком услуг пакета “Универсальный” при условии оплаты фактически понесенных расходов, связанных с исполнением обязательств по договору.

Рассматривая дело, суд установил, что комиссия за услугу подключения к пакету банковских услуг “Универсальный” по своей правовой природе является дополнительной, при этом данная услуга в полном объеме ответчиком оказана не была.

Поскольку требование истца о возврате части денежной суммы не было удовлетворено ответчиком в добровольном порядке, суд правомерно взыскал с Банка штраф за несоблюдение в добровольном порядке требования потребителя на основании ст. 13 Закона о защите прав потребителей.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 сентября 2018 г. № 49-КГ18-48)

15. Исполнение ответчиком денежного обязательства после подачи иска в суд не освобождает его от уплаты штрафа.

ОЗПП в интересах К. и Т. обратилось с иском к банку о защите прав потребителей, ссылаясь на несвоевременную выдачу остатка денежных средств с банковских счетов.

Решением суда от 16 марта 2017 г. иски удовлетворены частично, с ответчика в пользу К. взысканы проценты за пользование чужими денежны-

ми средствами за период с 19 января по 6 марта 2017 г. в размере 86 831 руб., сумма компенсации морального вреда в размере 3000 руб., штраф в размере 22 457 руб., в пользу Т. взысканы проценты за пользование чужими денежными средствами за период с 5 февраля по 6 марта 2017 г. в размере 11 715 руб., сумма компенсации морального вреда в размере 3000 руб., штраф в размере 3678 руб. Кроме того, с ответчика в пользу ОЗПП взыскан штраф в размере 26 136 руб. В удовлетворении остальной части исковых требований отказано.

Апелляционным определением от 1 июня 2017 г. решение суда первой инстанции в части отказа во взыскании с банка в пользу К. и Т. денежных сумм в размере 6 753 461 руб. и 1 425 405 руб. отменено, в данной части принято новое решение об удовлетворении требований с указанием на то, что определение судебной коллегии исполнению не подлежит в связи с выплатой денежных средств клиентам 7 марта 2017 г. В остальной части решение суда оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение, указав следующее.

В соответствии с п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей при удовлетворении судом требований потребителя, установленных законом, суд взыскивает с изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя штраф в размере 50% от суммы, присужденной судом в пользу потребителя.

Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 при рассмотрении гражданских дел судам следует учитывать, что отношения, одной из сторон которых выступает гражданин, использующий, приобретающий, заказывающий либо имеющий намерение приобрести или заказать товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а другой — организация либо индивидуальный предприниматель (изготовитель, исполнитель, продавец, импортер), осуществляющие продажу товаров, выполнение работ, оказание услуг, являются отношениями, регулируемые Гражданским кодексом РФ, Законом о защите прав потребителей, другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В силу абз. 1 п. 2 указанного постановления Пленума, если отдельные виды отношений с участием потребителей регулируются и специальными законами Российской Федерации, содержащими нормы гражданского права (например, договор участия в долевом строительстве, договор страхования, как личного, так и имущественного, договор банковского вклада, договор перевозки, договор энергоснабжения), то к отношениям, возникающим из таких договоров, Закон о защите прав потребителей применяется в части, не урегулированной специальными законами.

В данном случае правоотношения сторон возникли из договора банковского счета, и, соответственно, на них распространяется действие Закона о защите прав потребителей в части, не урегулированной нормами гражданского законодательства.

Как указано в п. 46 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17, при удовлетворении судом требований потребителя в связи с нарушением его прав, установленных Законом о защите прав потребителей, которые не были удовлетворены в добровольном порядке изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером), суд взыскивает с ответчика в пользу потребителя штраф независимо от того, заявлялось ли такое требование суду. При удовлетворении судом требований, заявленных общественными объединениями потребителей (их ассоциациями, союзами) или органами местного самоуправления в защиту прав и законных интересов конкретного потребителя, 50% определенной судом суммы штрафа взыскивается в пользу указанных объединений или органов независимо от того, заявлялось ли ими такое требование.

Таким образом, удовлетворение судом апелляционной инстанции иска К. и Т. о взыскании с ответчика суммы основного долга и процентов в обязательном порядке влечет наложение на ответчика штрафа за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения законных требований потребителя.

При этом исчисление данного штрафа в силу упомянутых норм права необходимо производить из всей присужденной истцам денежной суммы, что судом апелляционной инстанции, постановившим новое решение о взыскании с ответчика в пользу истцов суммы основного долга, учтено не было.

Выплата банком указанной суммы долга после вынесения решения судом первой инстанции сама по себе основанием для освобождения ответчика от уплаты штрафа за нарушение прав потребителей не является.

В п. 47 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 разъяснено, что если после принятия иска к производству суда требования потребителя удовлетворены ответчиком по делу (продавцом, исполнителем, изготовителем, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) добровольно, то при отказе истца от иска суд прекращает производство по делу в соответствии со ст. 220 ГПК РФ. В этом случае штраф, предусмотренный п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей, с ответчика не взыскивается.

Исходя из приведенных выше правовых норм и акта их разъяснения, штраф, предусмотренный п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей, не подлежит взысканию с исполнителя услуги при удовлетворении им требований потребителя после принятия иска к производству суда только при последующем отказе истца от иска и прекращении судом производства по делу.

Если отказ истца от иска заявлен не был, то в пользу потребителя подлежит взысканию предусмотренный Законом о защите прав потребителей штраф, исчисляемый от всей присужденной судом суммы.

Это судом апелляционной инстанции учтено не было.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 81-КГ17-26)

(Обзор утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17 октября 2018 г.)

ОБЗОР ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ИЗМЕНЕНИЕМ ВИДА РАЗРЕШЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА

Верховным Судом РФ в соответствии со ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Фе-

дерации”, в целях обеспечения единообразного подхода к разрешению судами общей юрисдикции и арбитражными судами дел, связанных с изменением вида

разрешенного использования земельного участка, проведено обобщение судебной практики.

В силу положений Конституции Российской Федерации земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории; они могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (ст. 9); владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц; условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального закона (чч. 2 и 3 ст. 36).

Согласно ст.ст. 1, 7, 42 ЗК РФ деление земель по целевому назначению на категории, согласно которому правовой режим земель устанавливается исходя из их принадлежности к определенной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий и требованиями законодательства, является одним из основных принципов земельного законодательства. Собственники и иные владельцы земельных участков обязаны использовать их в соответствии с целевым назначением и принадлежностью к той или иной категории земель и разрешенным использованием.

Пунктом 1 ст. 7 ЗК РФ земли в Российской Федерации подразделены по целевому назначению на следующие категории: 1) земли сельскохозяйственного назначения; 2) земли населенных пунктов; 3) земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения; 4) земли особо охраняемых территорий и объектов; 5) земли лесного фонда; 6) земли водного фонда; 7) земли запаса.

Градостроительное зонирование территории регламентируется Градостроительным кодексом РФ (далее также — ГрК РФ), в п. 7 ст. 1 которого содержится понятие территориальных зон, т.е. зон, для которых в правилах землепользования и застройки определены границы и установлены градостроительные регламенты.

Согласно ст. 30 ГрК РФ границы территориальных зон устанавливаются на карте градостроительного зонирования, а виды разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства указываются в градостроительном регламенте. Карта градостроительного зонирования и градостроительные регламенты входят в состав правил землепользования и застройки. Правила землепользования и застройки, наряду с прочим, включают в себя положения об изменении видов разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства физическими и юридическими лицами.

Порядок установления территориальных зон, их виды и состав регулируются нормами ст.ст. 34, 35 ГрК РФ.

Применительно к каждой территориальной зоне устанавливаются виды разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства. В силу ч. 1 ст. 37 названного Кодекса разрешенное использование может быть следующих видов: 1) основные виды разрешенного использования; 2) условно разрешенные виды использования; 3) вспомогательные виды разрешенного использования, допустимые только в качестве дополнительных по отношению к основным видам разрешенного использования и условно разрешенным видам использования и осуществляемые совместно с ними.

Основные и вспомогательные виды разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства правообладателями земельных

участков и объектов капитального строительства, за исключением органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных и муниципальных унитарных предприятий, выбираются самостоятельно без дополнительных разрешений и согласования (ч. 4 ст. 37 ГрК РФ, п. 2 ст. 7 ЗК РФ). Разрешение на условно разрешенный вид использования предоставляется в установленном ст. 39 ГрК РФ порядке (ч. 6 ст. 37 Кодекса).

В соответствии с чч. 3, 5 ст. 37 ГрК РФ в рамках утвержденных в установленном порядке правилами землепользования и застройки основных видов разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства изменение одного вида использования на другой осуществляется в соответствии с градостроительным регламентом при условии соблюдения требований технических регламентов. В случае расположения земельного участка на землях, на которые действие градостроительных регламентов не распространяется или для которых градостроительные регламенты не устанавливаются, изменение одного вида разрешенного использования на другой вид такого использования осуществляется на основании решения, принимаемого в соответствии с федеральными законами.

Сведения о категории земель, к которой отнесен земельный участок, и о его разрешенном использовании в числе других сведений об объекте недвижимости вносятся согласно ч. 5 ст. 8 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ “О государственной регистрации недвижимости” в единый государственный реестр недвижимости (кадастр недвижимости) в качестве дополнительных сведений.

Виды разрешенного использования земельных участков определяются в соответствии с классификатором видов разрешенного использования земельных участков, утвержденным приказом Минэкономразвития России от 1 сентября 2014 г. № 540 (далее — классификатор видов разрешенного использования земельных участков).

При этом согласно ч. 11 ст. 34 Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ “О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон № 171-ФЗ) разрешенное использование земельных участков, установленное до дня утверждения в соответствии с Земельным кодексом РФ классификатора видов разрешенного использования земельных участков, признается действительным вне зависимости от его соответствия указанному классификатору.

До 1 января 2020 г. орган местного самоуправления поселения, орган местного самоуправления городского округа обязаны внести изменения в правила землепользования и застройки в части приведения установленных градостроительным регламентом видов разрешенного использования земельных участков в соответствие с видами разрешенного использования земельных участков, предусмотренными классификатором видов разрешенного использования земельных участков. При этом проведение публичных слушаний по проекту изменений, вносимых в правила землепользования и застройки, не требуется (ч. 12 ст. 34 Закона № 171-ФЗ).

Кроме того, согласно ч. 13 ст. 34 Закона № 171-ФЗ по заявлению правообладателя земельного участка об установлении соответствия разрешенного использования земельного участка классификатору видов разрешенного использования земельных участков уполномоченные на установление или изменение видов разрешенного использования земельного участка орган государственной власти или орган местного само-

управления в течение одного месяца со дня поступления такого заявления обязаны принять решение об установлении соответствия между разрешенным использованием земельного участка, указанным в заявлении, и видом разрешенного использования земельных участков, установленным классификатором видов разрешенного использования земельных участков. Данное решение является основанием для внесения изменений в сведения Единого государственного реестра недвижимости о разрешенном использовании земельного участка.

Как показало обобщение судебной практики по указанным вопросам, суды в целом правильно применяют законодательство при рассмотрении дел по спорам об изменении вида разрешенного использования земельного участка. Однако на практике возникают сложности при установлении круга субъектов, уполномоченных на изменение вида разрешенного использования; при учете особенностей ситуаций, когда допустимость изменения вида разрешенного использования ограничена, и процедурных особенностей такого изменения; при определении последствий несоблюдения установленных процедур и последствий использования участка с нарушением предусмотренных ограничений.

Настоящий Обзор подготовлен с целью установления единообразия судебной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов по указанным вопросам.

1. При наличии утвержденных в установленном порядке правил землепользования и застройки собственник земельного участка, находящегося в частной собственности, может выбирать основные и вспомогательные виды разрешенного использования земельного участка самостоятельно без дополнительных разрешений и согласований с органами местного самоуправления.

Общество — собственник земельного участка с видом разрешенного использования “для дальнейшей эксплуатации физкультурно-оздоровительного центра” — обратилось в орган регистрации прав с заявлением об изменении вида разрешенного использования на вид “здравоохранение”, соответствующий основному виду разрешенного использования, предусмотренного в градостроительном регламенте.

Решением органа регистрации прав было отказано в осуществлении кадастрового учета изменения вида разрешенного использования в связи с отсутствием акта органа власти (органа местного самоуправления) об изменении вида разрешенного использования.

Считая данный отказ незаконным, общество обратилось в суд с заявлением о его оспаривании.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что указанное органом регистрации прав основание соответствует закону и является достаточным для отказа в учете изменений объекта недвижимости.

Суд кассационной инстанции отменил принятые судебные акты и признал решение органа регистрации прав незаконным в связи со следующим.

Исходя из положений п. 4 ст. 37 ГрК РФ, п. 3 ст. 85 ЗК РФ, правообладатель земельного участка свободен в выборе основных и вспомогательных видов разрешенного использования такого земельного участка в пределах, предусмотренных градостроительным регламентом (при условии соблюдения требований технических регламентов), и вправе осуществлять указанное правомочие самостоятельно без дополнительных разрешений и согласования.

С учетом изложенного и положений ст. 209 ГК РФ собственник может самостоятельно выбирать вид раз-

решенного использования из числа предусмотренных зонированием территорий.

Согласно пп. 3, 5 ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 191-ФЗ “О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации” при наличии утвержденных в установленном порядке правил землепользования и застройки принятия соответствующего решения об изменении вида разрешенного использования главой местной администрации не требовалось.

Изменение сведений о разрешенном использовании в таком случае производится на основании заявления заинтересованного лица и необходимых для кадастрового учета документов с использованием процедуры кадастрового учета изменений объекта недвижимости.

Установлено, что выбранный заявителем вид разрешенного использования соответствует одному из видов разрешенного использования, установленных для территориальной зоны, в которой расположен принадлежащий обществу земельный участок.

При таких обстоятельствах требования органа регистрации прав о предоставлении дополнительных документов — акта органа власти (органа местного самоуправления) об изменении вида разрешенного использования — обоснованно признаны судом неправомерными.

2. Арендатор земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, не вправе требовать изменения вида разрешенного использования такого участка и внесения соответствующих изменений в договор аренды, заключенный по результатам торгов.

Общество “П” обратилось в суд с заявлением о признании незаконными действий администрации муниципального образования, выразившихся в отказе изменить вид разрешенного использования земельного участка со “строительство многоквартирного дома 4—5 этажей” на “строительство многоквартирного дома 5—9 этажей” и внести соответствующие изменения в договор аренды земельного участка.

Судом установлено, что спорный земельный участок по результатам торгов был предоставлен обществу “Н” для строительства 4—5-этажного многоквартирного дома. Впоследствии право собственности на незавершенный строительством многоквартирный дом по договору купли-продажи перешло к обществу “П”.

Администрация муниципального образования и общество “П” заключили договор аренды упомянутого земельного участка для завершения строительства объекта.

Согласно п. 1 ст. 615 ГК РФ арендатор обязан пользоваться арендованным имуществом в соответствии с условиями договора, а если они не определены — в соответствии с назначением имущества.

В силу п. 1 ст. 39⁶ ЗК РФ договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается на торгах, проводимых в форме аукциона, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 этой же статьи.

Пунктом 5 ст. 39⁶ ЗК РФ, что предоставление в аренду без проведения торгов земельного участка, который находится в государственной или муниципальной собственности и на котором расположен объект незавершенного строительства, осуществляется однократно для завершения строительства этого объекта.

Согласно п. 17 ст. 39⁸ ЗК РФ внесение изменений в заключенный по результатам аукциона договор аренды земельного участка в части изменения видов его разрешенного использования не допускается.

Приняв на себя права и обязанности по указанному договору, общество “П” как арендатор выразило свое согласие на использование земельного участка в

соответствии с установленным видом разрешенного использования, тем самым реализовав свое право, предусмотренное п. 3 ст. 85 ЗК РФ.

При таких обстоятельствах суды первой, апелляционной и кассационной инстанций пришли к обоснованному выводу об отказе в удовлетворении заявления, поскольку отсутствовали основания для изменения условий договора аренды, а также обращение общества "П" с требованием об изменении вида разрешенного использования земельного участка по существу направлено на обход предусмотренной земельным законодательством для предоставления земельных участков процедуры торгов.

3. Самостоятельное изменение арендатором вида разрешенного использования земельного участка на иной из числа видов, предусмотренных градостроительным регламентом, не допускается в том случае, когда участок предоставлялся в аренду для определенного вида использования.

Гражданин, являющийся арендатором земельного участка с видом разрешенного использования "для размещения объекта по оказанию услуг и обслуживанию населения (площадь не более 150 кв.м)", обратился в департамент муниципальной собственности и городских земель администрации муниципального образования с заявлением об изменении вида разрешенного использования данного земельного участка на вид "индивидуальное жилищное строительство", в чем ему было отказано.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, удовлетворено заявление истца, признан неправомерным отказ департамента в изменении вида разрешенного использования земельного участка, на администрацию муниципального образования возложена обязанность изменить вид разрешенного использования земельного участка с вида "размещение объекта по оказанию услуг и обслуживанию населения (площадь не более 150 кв.м)" на вид "индивидуальное жилищное строительство", а также заключить дополнительное соглашение к договору аренды земельного участка, указав вид разрешенного использования земельного участка "индивидуальное жилищное строительство" и информацию о размере арендной платы, соответствующем виду разрешенного использования земельного участка.

Отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления и принимая новое решение об отказе в удовлетворении заявленных требований, суд кассационной инстанции указал следующее.

Суды первой и апелляционной инстанций, удовлетворяя заявление истца, исходили из отсутствия запретов либо иных ограничений для изменения вида разрешенного использования земельного участка, связанных с процедурами приобретения прав на земельный участок, и не ставили в зависимость от способа приобретения прав на земельный участок возможность изменения вида разрешенного использования земельного участка. Кроме того, спорный земельный участок относится к зоне застройки индивидуальными жилыми домами в границах муниципального образования, где индивидуальное жилищное строительство является основным видом разрешенного использования земельного участка.

Между тем из содержания подп. 8 п. 1 ст. 1, п. 2 ст. 7, ст. 85 ЗК РФ, п. 9 ст. 1, чч. 1, 2 ст. 37 ГрК РФ следует, что разрешенное использование земельного участка, основанное на зонировании территории, заключается в определении конкретных видов деятельности, которые могут вестись землепользователем на предоставленном ему участке.

Земельным кодексом РФ установлены различные порядок и процедуры предоставления земельных уча-

стков из земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности, для целей строительства и для целей, не связанных со строительством.

Так, законом определен порядок предоставления земельных участков для жилищного строительства из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Продажа земельных участков для жилищного строительства или продажа права на заключение договоров аренды земельных участков для жилищного строительства осуществляется на аукционах.

Из систематического анализа приведенных правовых норм следует, что произвольное изменение вида разрешенного использования земельного участка в рамках видов, предусмотренных градостроительным регламентом, не допускается в том случае, когда такое изменение не соответствует установленным законом правилам предоставления земельных участков, находящихся в публичной собственности.

Материалами дела подтверждалось, что земельный участок предоставлен истцу на основании решения органа местного самоуправления с предварительным согласованием места размещения объекта и без проведения аукциона.

В силу п. 1 ст. 615 ГК РФ арендатор обязан пользоваться арендованным имуществом либо в соответствии с условиями договора, либо в соответствии с назначением имущества, если в договоре такие условия не определены.

Согласно кадастровому паспорту разрешенное использование спорного земельного участка — "для размещения объекта по оказанию услуг и обслуживанию населения (площадь не более 150 кв.м)".

При этом предоставление земельного участка заявителю в аренду было обусловлено обязанностью его использования исключительно в целях, в которых он предоставлялся, т.е. для размещения объекта по оказанию услуг и обслуживанию населения.

Поскольку земельный участок предоставлен истцу для определенных целей без проведения аукциона, изменение существующего вида его разрешенного использования на вид "для индивидуального жилищного строительства" без соблюдения особенностей, предусмотренных законом, недопустимо.

При таких обстоятельствах суд кассационной инстанции признал отказ департамента в изменении вида разрешенного использования земельного участка правомерным и соответствующим законодательству Российской Федерации.

Необходимо иметь в виду, что положениями действующей редакции главы VI Земельного кодекса РФ также предусматривается процедура предоставления земельного участка для жилищного строительства из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, посредством проведения аукциона, за исключением случаев, установленных п. 2 ст. 39³ Земельного кодекса.

4. Принятие решения о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка или об отказе в таком разрешении без соблюдения установленной законом процедуры, включая организацию и проведение общественных обсуждений или публичных слушаний, не допускается.

Гражданин обратился в суд с заявлением о признании незаконным отказа администрации муниципального образования в предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка.

Судом установлено, что в собственности истца находится земельный участок категории "земли населенных пунктов" с видом разрешенного использования "объекты недвижимости административно-бытового назначения". Данный земельный участок расположен

в территориальной зоне коммерческих объектов, в качестве условно разрешенного вида использования в которой установлен в числе прочих вид “для индивидуального жилищного строительства”.

Истец обратился в администрацию муниципально-го образования с заявлением о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования принадлежащего ему земельного участка “для жилищного строительства”, в чем истцу было отказано уведомлением администрации.

Разрешая дело, суд сделал вывод о незаконности названного отказа в силу следующего.

Градостроительный кодекс РФ в ст. 2 относит к числу основных принципов законодательства о градостроительной деятельности участие граждан и их объединений в ее осуществлении, обеспечение свободы такого участия, ответственность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления за обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности человека; осуществление градостроительной деятельности с соблюдением требований охраны окружающей среды и экологической безопасности; осуществление градостроительной деятельности с соблюдением требований сохранения объектов культурного наследия и особо охраняемых природных территорий.

Статьей 39 ГрК РФ определен порядок предоставления разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка или объекта капитального строительства.

Так, проект решения о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования подлежит рассмотрению на общественных обсуждениях или публичных слушаниях (ч. 2 ст. 39 ГрК РФ).

На основании заключения о результатах общественных обсуждений или публичных слушаний по проекту решения о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования комиссия осуществляет подготовку рекомендаций о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования или об отказе в предоставлении такого разрешения с указанием причин принятого решения и направляет их главе местной администрации (ч. 8 ст. 39 ГрК РФ).

Исходя из указанных в части 8 данной статьи рекомендаций, глава местной администрации принимает решение о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования или об отказе в предоставлении такого разрешения (ч. 9 ст. 39 ГрК РФ).

Как видно из приведенных нормативных положений, одним из этапов получения разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка является проведение общественных обсуждений или публичных слушаний.

Проведение общественных обсуждений или публичных слушаний по вопросам выработки градостроительных решений направлено на обеспечение комплексного учета интересов населения, соблюдение права человека на благоприятные условия жизнедеятельности, прав и законных интересов правообладателей земельных участков и объектов капитального строительства.

Анализ норм ст. 39 ГрК РФ позволяет сделать вывод, что решение о предоставлении или отказе в предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка может быть принято органом местного самоуправления только при соблюдении указанных в названной статье административных процедур, в том числе организации и проведения общественных обсуждений или публичных слушаний. Иное означало бы предоставление неоправданно широкого усмотрения органу местного самоуправления в названной сфере.

Судами установлено, что общественные обсуждения или публичные слушания по вопросу предоставления разрешения на условно разрешенный вид использования в отношении земельного участка гражданина не проводились, в связи с чем отказ главы местной администрации в предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования, выраженный в уведомлении, признан судом не соответствующим закону.

5. Вспомогательный вид разрешенного использования земельного участка, установленный в градостроительном регламенте, не может быть выбран вместо основного при предоставлении земельного участка.

Гражданин обратился в суд с заявлением об оспаривании решения органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации в области имущественных отношений об отказе в предоставлении в собственность земельного участка под открытую гостевую стоянку.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления, суд кассационной инстанции указал следующее.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 37 ГрК РФ вспомогательные виды разрешенного использования допускаются только в качестве дополнительных по отношению к основным видам разрешенного использования и условно разрешенным видам использования и осуществляются совместно с ними.

Аналогичные положения содержатся в правилах застройки и землепользования муниципального образования, согласно которым виды разрешенного использования, сопутствующие основным видам использования недвижимости, по отношению к последним являются вспомогательными; при отсутствии на земельном участке основного вида использования вспомогательный вид использования не считается разрешенным.

Судом установлено, что истец является собственником земельного участка из категории “земли населенных пунктов” с разрешенным видом использования “сады, огороды”. К нему примыкает испрашиваемый истцом земельный участок, расположенный в зоне малоэтажной жилой застройки индивидуальными домами. К числу основных видов разрешенного использования земельных участков, находящихся в указанной зоне, отнесены в том числе индивидуальные жилые дома, садоводство, огородничество, дачное строительство. Открытая гостевая стоянка является вспомогательным видом использования земельных участков в указанной зоне.

Поскольку Градостроительный кодекс РФ исключает возможность выбора (установления) вспомогательных видов разрешенного использования земельных участков вместо основных (п. 3 ч. 1 ст. 37 названного Кодекса), так как вспомогательные виды разрешенного использования допускаются только в качестве дополнительных по отношению к основным видам разрешенного использования и условно разрешенным видам использования и осуществляются совместно с ними (т.е. для одного участка, а не для двух различных, когда на одном осуществляется основной вид разрешенного использования, а на другом, самостоятельном участке, вспомогательный, в отсутствие осуществления на этом же участке основного вида разрешенного использования), и истец не представил доказательств использования данного участка в соответствии с основным разрешенным видом использования, суд кассационной инстанции правомерно принял по делу новое решение об отказе в удовлетворении заявленных требований.

6. Земельные участки, виды разрешенного использования которых не соответствуют измененному градостроительному регламенту, могут использоваться без установления срока приведения их в соответствие с градостроительным регламентом, если использование таких земельных участков и объектов капитального строительства не опасно для жизни или здоровья человека, окружающей среды, объектов культурного наследия.

Граждане обратились в суд с административным иском с заявлением о признании недействующими правил землепользования и застройки муниципального образования в части установления территориальной зоны городского наземного транспорта в отношении принадлежащего им на праве собственности земельного участка с видом разрешенного использования “для индивидуального жилищного строительства”, ссылаясь на противоречие нормативного правового акта положениям п. 3 ч. 1 ст. 30, п. 4 ч. 1 ст. 34 ГрК РФ. Полагали, что установление территориальной зоны городского наземного транспорта в отношении спорного земельного участка препятствует его эксплуатации в соответствии с указанным видом разрешенного использования.

Отказывая в удовлетворении иска, суды первой и апелляционной инстанций исходили из следующего.

Статьей 1 ГрК РФ закреплено, что правила землепользования и застройки являются документом градостроительного зонирования, который утверждается нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов Российской Федерации и в котором устанавливаются территориальные зоны, градостроительные регламенты, порядок применения такого документа и порядок внесения в него изменений. Под градостроительным зонированием понимается зонирование территорий муниципальных образований в целях определения территориальных зон и установления градостроительных регламентов, а под территориальными зонами — зоны, для которых правилами землепользования и застройки определены границы и установлены градостроительные регламенты.

В соответствии со ст. 30 ГрК РФ правила землепользования и застройки разрабатываются в целях создания условий для устойчивого развития территорий муниципальных образований, сохранения окружающей среды и объектов культурного наследия; создания условий для планировки территорий муниципальных образований; обеспечения прав и законных интересов в том числе правообладателей земельных участков и объектов капитального строительства; создания условий для наиболее эффективных видов разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства.

Генеральный план городского округа как документ территориального планирования является обязательным для органов государственной власти, органов местного самоуправления при принятии ими решений и реализации таких решений, в том числе при разработке правил землепользования и застройки (ч. 3 ст. 9, п. 2 ч. 1 ст. 18 ГрК РФ). При подготовке правил землепользования и застройки границы территориальных зон устанавливаются с учетом функциональных зон и параметров их планируемого развития, определенных генеральным планом поселения, генеральным планом городского округа, схемой территориального планирования муниципального района (п. 2 ч. 1 ст. 34 ГрК РФ).

Установление территориальных зон конкретизирует положения документов территориального планирования в целях установления правового режима использования земельных участков, не изменяя при этом параметры планируемого развития территорий, предусмотренных для соответствующей функциональной

зоны (пп. 2, 5, 6, 7 и 8 ст. 1, п. 1 ч. 2 ст. 33 ГрК РФ). Не соответствие правил землепользования и застройки муниципального образования генеральному плану, в том числе в части картографического материала, которым устанавливаются территориальные зоны, является основанием для рассмотрения вопроса о приведении их в соответствие с указанным документом территориального планирования (ч. 15 ст. 35 ГрК РФ).

Согласно п. 2 ч. 3, подп. “б” п. 1, п. 3 ч. 5 ст. 23 ГрК РФ генеральный план должен содержать, в частности, карту планируемого размещения объектов местного значения городского округа, на которой отображаются автомобильные дороги местного значения.

В данном случае на схеме размещения объектов транспорта местного значения генерального плана муниципального образования земельный участок административных истцов вошел в территорию, отраженную как магистраль общегородского значения регулируемого движения в связи с планируемым строительством мостового перехода через реку.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции, что неотражение в правилах землепользования и застройки территориальной зоны городского наземного транспорта, в границы которой вошел спорный земельный участок, означало бы несоответствие нормативного правового акта генеральному плану города и противоречило бы требованиям Градостроительного кодекса РФ.

Доводы апелляционной жалобы о противоречии оспариваемого нормативного правового акта сложившейся планировке территории и существующему порядку землепользования, а также о невозможности эксплуатации земельного участка в соответствии с его видом разрешенного использования были отклонены, поскольку генеральный план, определяя назначение территорий исходя из планов развития территории городского округа в целом, может не соответствовать ее фактическому использованию и допускает потенциальное изменение назначения территории, так как определяет стратегию градостроительного развития муниципальных образований и условия формирования среды жизнедеятельности.

При этом суд апелляционной инстанции отметил исходя из положений ч. 8 ст. 36 ГрК РФ и ч. 4 ст. 85 ЗК РФ, что в случае изменения градостроительного регламента земельные участки или объекты капитального строительства, виды разрешенного использования, предельные (минимальные и (или) максимальные) размеры и предельные параметры которых не соответствуют градостроительному регламенту, могут использоваться без установления срока приведения их в соответствие с градостроительным регламентом, за исключением случаев, в которых использование таких земельных участков и объектов капитального строительства опасно для жизни или здоровья человека, окружающей среды, объектов культурного наследия.

7. Отказ администрации муниципального образования в установлении вида разрешенного использования земельного участка в случаях, когда вид разрешенного использования земельных участков не был определен при его предоставлении, является незаконным.

Индивидуальный предприниматель обратился в суд с заявлением о признании незаконным отказа администрации муниципального образования в установлении вида разрешенного использования земельного участка, обосновывая свое требование тем, что вид разрешенного использования земельного участка не был определен при его предоставлении.

Удовлетворяя заявление, суд указал следующее.

В силу ст. 1 ЗК РФ одним из принципов земельного законодательства является деление земель по целевому назначению на категории, согласно которому правовой режим земель определяется исходя из их принад-

лжности к той или иной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий и требований законодательства.

По правилам п. 2 ст. 7 данного Кодекса любой вид разрешенного использования из предусмотренных зонированием территорий видов выбирается самостоятельно, без дополнительных разрешений и процедур согласования.

Разрешенное использование земельного участка представляет собой установление конкретной цели (целей) использования участка земли и определение объема прав и обязанностей лица, которому принадлежит земельный участок, на основании осуществления определенных процедур зонирования территорий.

Согласно ч. 6 ст. 30 ГрК РФ в градостроительном регламенте в отношении земельных участков и объектов капитального строительства, расположенных в пределах соответствующей территориальной зоны, указываются:

1) виды разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства;

2) предельные (минимальные и (или) максимальные) размеры земельных участков и предельные параметры разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства;

3) ограничения использования земельных участков и объектов капитального строительства, устанавливаемые в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В силу ст. 37 ГрК РФ разрешенное использование земельных участков и объектов капитального строительства может быть следующих видов: 1) основные виды разрешенного использования; 2) условно разрешенные виды использования; 3) вспомогательные виды разрешенного использования, допустимые только в качестве дополнительных по отношению к основным видам разрешенного использования и условно разрешенным видам использования и осуществляемые совместно с ними.

Применительно к каждой территориальной зоне устанавливаются виды разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства. Вид разрешенного использования можно подтвердить иными документами, например свидетельством о государственной регистрации права. Вид разрешенного использования земельного участка устанавливается в соответствии с классификатором видов разрешенного использования земельных участков.

Таким образом, поскольку вид разрешенного использования земельного участка не был определен при его предоставлении, отказ администрации муниципального образования в установлении вида разрешенного использования земельного участка из числа видов, предусмотренных градостроительным регламентом, не соответствует закону.

8. Градостроительным регламентом для территориальной зоны могут быть установлены виды разрешенного использования с учетом особенностей ее расположения и развития, а также возможности сочетания различных видов использования земельных участков.

Решением представительного органа муниципального образования внесены изменения в правила землепользования и застройки части территории муниципального образования, согласно которым для территориальной зоны “ведение огородничества”, соответствующей функциональной зоне генерального плана муниципального образования “ведение огородничества”, установлен градостроительный регламент, включающий вид разрешенного использования “ведение садоводства”.

Правообладатели земельных участков, отнесенных к названной территориальной зоне, обратились с коллективным административным иском об оспари-

вании названного решения, полагая, что оно нарушает права и законные интересы собственников земельных участков, препятствует их надлежащему использованию, устанавливает ограничения по эффективности эксплуатации участков (строительство и реконструкция жилых домов) и снижает их стоимость; установление вида разрешенного использования “ведение садоводства” в функциональной и территориальной зонах “ведение огородничества” противоречит положениям классификатора видов разрешенного использования земельных участков, а также требованиям ст.ст. 35 и 36 ГрК РФ.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда об удовлетворении коллективного административного иска, исходил из следующего.

Систематическое толкование положений пп. 2, 5, 6, 7 и 8 ст. 1, пп. 1, 2 ч. 1 ст. 34, ст. 35 ГрК РФ свидетельствует, что установление территориальных зон конкретизирует положения документов территориального планирования в целях установления правового режима использования земельных участков, не изменяя при этом параметры планируемого развития территорий, предусмотренных для соответствующей функциональной зоны.

Согласно ч. 2 ст. 85 ЗК РФ правилами землепользования и застройки устанавливается градостроительный регламент для каждой территориальной зоны индивидуально с учетом особенностей ее расположения и развития, а также возможности территориального сочетания различных видов использования земельных участков (жилого, общественно-делового, производственного, рекреационного и иных видов использования земельных участков). Для земельных участков, расположенных в границах одной территориальной зоны, устанавливается единый градостроительный регламент. Градостроительный регламент территориальной зоны определяет основу правового режима земельных участков, равно как всего, что находится над и под поверхностью земельных участков и используется в процессе застройки и последующей эксплуатации зданий, сооружений.

В силу п. 2 ст. 7 ЗК РФ правообладатель земельного участка вправе выбирать вид разрешенного использования любого из основных и вспомогательных видов разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства, установленных градостроительным зонированием, и, как следствие, изменять вид разрешенного использования земельного участка.

Подобная регламентация градостроительной деятельности необходима для согласования государственных, общественных и частных интересов в данной области в целях обеспечения комфортных и благоприятных условий проживания, комплексного учета потребностей населения и устойчивого развития территорий.

Суд апелляционной инстанции признал обоснованными изложенные в апелляционной жалобе доводы, что виды разрешенного использования “ведение садоводства” и “ведение огородничества”, установленные в территориальной зоне “ведение огородничества”, являются сочетаемыми и предусматривают использование земельных участков в сельскохозяйственных целях, связанных с выращиванием сельскохозяйственных культур, размещением хозяйственных строений, сооружений и (или) садовых домов.

Согласно п. 13.1 классификатора видов разрешенного использования “ведение огородничества” включает осуществление деятельности, связанной с выращиванием ягодных, овощных, бахчевых или иных сельскохозяйственных культур и картофеля; размещение некапитального жилого строения и хозяйственных строений и сооружений, предназначенных для хранения сельскохозяйственных орудий труда и выращен-

ной сельскохозяйственной продукции. Согласно п. 13.2 классификатора видов разрешенного использования “ведение садоводства” включает осуществление деятельности, связанной с выращиванием плодовых, ягодных, овощных, бахчевых или иных сельскохозяйственных культур и картофеля; размещение садового дома, предназначенного для отдыха и не подлежащего разделу на квартиры; размещение хозяйственных строений и сооружений.

Таким образом, градостроительный регламент, установленный для территориальной зоны “ведение огородничества” с установлением основного вида разрешенного использования “ведение садоводства” с возможностью размещения объектов капитального строительства, не противоречит нормам федерального законодательства и не лишает административных исцов права на использование принадлежащих им земельных участков, в том числе на возведение объектов капитального строительства (садовых домов).

С учетом изложенного суд апелляционной инстанции отменил судебный акт и вынес новое решение об отказе в удовлетворении коллективного административного искового заявления.

9. Вид разрешенного использования земельного участка не может быть изменен в случае, если для запрашиваемого вида разрешенного использования градостроительным регламентом, правилами землепользования и застройки установлены предельные (минимальные и (или) максимальные) размеры и предельные параметры, не позволяющие осуществлять деятельность в соответствии с таким видом разрешенного использования.

Гражданин, являясь собственником земельного участка категории земель “земли населенных пунктов” с видом разрешенного использования “для индивидуального жилищного строительства”, обратился в соответствующий орган муниципального образования с заявлением о принятии решения об изменении вида разрешенного использования данного земельного участка “индивидуальное жилищное строительство” на условно разрешенный вид “магазины товаров первой необходимости общей площадью не более 150 кв.м”, предусмотренный градостроительным регламентом территориальной зоны малоэтажной жилой застройки, к которой правилами землепользования и застройки сельского поселения отнесен спорный земельный участок. При этом просил принять во внимание, что на основании постановления главы муниципального образования были проведены публичные слушания, по результатам которых комиссией по проведению публичных слушаний дано заключение о возможном изменении вида разрешенного использования земельного участка.

В удовлетворении названных заявлений было отказано на основании п. 1 ст. 11 ЗК РФ, поскольку предельные (максимальные и минимальные) размеры земельных участков, в отношении которых в силу законодательства о градостроительной деятельности устанавливаются градостроительные регламенты, определяются этими градостроительными регламентами.

Рассматривая требование гражданина о признании бездействия органов исполнительной власти муниципального образования по изменению вида разрешенного использования земельного участка незаконным и возложении обязанности изменить вид разрешенного использования, суд первой инстанции установил, что площадь земельного участка, принадлежащего гражданину, составляет 625 кв.м, в то время как градостроительным регламентом территориальной зоны малоэтажной жилой застройки для размещения объектов капитального строительства, предназначенных для продажи товаров, торговая площадь которых составляет до 5000 кв.м, минимальный размер земельного участка определен 1000 кв.м.

Установив названное обстоятельство, суд отказал в удовлетворении требования.

Суды апелляционной и кассационной инстанций согласились с решением суда и указали, что согласно ст. 2 ГрК РФ принципами функционирования правовых механизмов и норм градостроительного законодательства являются, кроме прочих, обеспечение комплексного и устойчивого развития территории на основе территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территории; обеспечение сбалансированного учета экологических, экономических, социальных и иных факторов при осуществлении градостроительной деятельности и обеспечение участия граждан и их объединений в осуществлении градостроительной деятельности, обеспечение свободы такого участия.

Статьей 7 ЗК РФ предусмотрено, что земли в Российской Федерации используются в соответствии с установленным для них целевым назначением. Правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий, общие принципы и порядок проведения которого устанавливаются федеральными законами и требованиями специальных федеральных законов.

В силу ст. 37 ГрК РФ применительно к каждой территориальной зоне устанавливаются виды разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства (п. 2); изменение одного вида разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства на другой вид такого использования осуществляется в соответствии с градостроительным регламентом при условии соблюдения требований технических регламентов (п. 3).

Из систематического анализа положений п. 1 ст. 11⁹ ЗК РФ, подп. 9 ст. 1 и ст.ст. 37 и 38 ГрК РФ следует, что предельные (минимальные и (или) максимальные) размеры земельных участков и предельные параметры разрешенного строительства, установленные в градостроительном регламенте, должны соотноситься с видами разрешенного использования земельных участков, поскольку виды разрешенного использования являются, по сути, видами деятельности, осуществлять которую возможно при обязательном соблюдении требований, установленных градостроительным регламентом.

При этом следует учитывать положения ст. 40 ГрК РФ, согласно которым правообладатели земельных участков, имеющих размеры меньше установленных градостроительным регламентом минимальных размеров земельных участков, вправе обратиться за разрешением на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства.

Получение разрешения на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства возможно при соблюдении требований технических регламентов и ряда процедур, включая рассмотрение этого вопроса на общественных обсуждениях или публичных слушаниях.

Таким образом, изменение вида разрешенного использования в целях осуществления строительства, реконструкции либо иного использования земельного участка возможно в том случае, если планируемая деятельность не приведет к нарушению градостроительного регламента в части установленных в нем предельных (минимальных и (или) максимальных) размеров земельных участков, предельных параметров разрешенного строительства.

*(Обзор утверждён Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
14 ноября 2018 г.)*

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 3 (2018)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, не может быть квалифицировано по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, если виновный привел потерпевшего в это состояние своими преступными действиями.

Установлено, что Б., имея умысел на причинение Л. телесных повреждений на почве личных неприязненных отношений, предложил О., С. и З. за денежное вознаграждение избить последнего. Получив их согласие, Б. совместно с О., С. и З. нанесли потерпевшему множественные удары руками и ногами по различным частям тела, причинив вред здоровью средней тяжести, в результате чего потерпевший потерял сознание. После избиения осужденные перенесли находившегося в бессознательном состоянии потерпевшего в лесопосадки.

С целью предотвращения возможного обращения потерпевшего в правоохранительные органы об избиении Б. предложил убить его и передал О. свой брючный ремень. Осужденные О. и С. накиннули ремень на находившегося в беспомощном состоянии потерпевшего и задушили его. Смерть потерпевшего наступила в результате тупой травмы шеи, сопровождавшейся асфиксией.

Суд первой инстанции квалифицировал действия Б. по п. “г” ч. 2 ст. 112, ч. 5 ст. 33, пп. “в”, “ж”, “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а С. — по п. “г” ч. 2 ст. 112, пп. “в”, “ж”, “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Суд кассационной инстанции оставил указанный приговор без изменения.

В надзорной жалобе осужденный С. просил изменить судебные решения и исключить указание на его осуждение по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, смягчив назначенное ему наказание.

Президиум Верховного Суда РФ изменил судебные решения в отношении С. и Б. по следующим основаниям.

По смыслу уголовного закона по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, не способному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

Как установлено судом, осужденные, в том числе С. и Б., избили потерпевшего, причинив ему вред здоровью средней тяжести, доведя его до бессознательного состояния, затем с целью сокрытия преступления совершили его убийство.

Основанием для признания в действиях осужденных квалифицирующего признака, предусмотренного п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, явилось то обстоятельство, что потерпевший находился в заведомо для осужденных в беспомощном состоянии в результате избиения осужденными.

Приведение потерпевшего в беспомощное состояние перед совершением убийства самим виновным, как это установлено судом по данному делу, не является основанием для квалификации его действий по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Состояние, в котором находился потерпевший в момент

лишения его жизни, не может быть признано беспомощным по смыслу п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

С учетом изложенного Президиум исключил из судебных решений указания на осуждение С. по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а Б. — по ч. 5 ст. 33, п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ со смягчением назначенного им наказания за это преступление.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 89-П18*

2. Из приговора исключено указание о применении правил ст. 70 УК РФ при назначении наказания и о наличии судимости, поскольку совершение осужденным нового умышленного преступления во время отбывания наказания по предыдущему приговору не препятствовало применению к нему акта об амнистии.

По приговору суда от 20 марта 2015 г. А. (ранее судимый 16 февраля 2010 г. и 10 июля 2013 г.) осужден по пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ к 13 годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на один год шесть месяцев, по п. “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ к девяти годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на один год; на основании ч. 3 ст. 69 и ст. 70 УК РФ — к пятнадцати годам двум месяцам лишения свободы с ограничением свободы сроком на два года.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 июня 2015 г. приговор оставлен без изменения.

В надзорной жалобе осужденный просил освободить его от наказания, назначенного по приговору от 10 июля 2013 г., в связи с принятием постановления об амнистии, которое вступило в законную силу до рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции.

Президиум Верховного Суда РФ 11 июля 2018 г., рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебные решения по следующим основаниям.

Из материалов уголовного дела следует, что по приговору от 16 февраля 2010 г. А. был судим за преступления, совершенные им в несовершеннолетнем возрасте, а по приговору от 10 июля 2013 г. он был осужден по п. “а” ч. 2 ст. 158 УК РФ к одному году исправительных работ, наказание не отбыто.

В соответствии с п. 4 постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД “Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов” осужденные к наказанию, не связанному с лишением свободы, подлежали освобождению от наказания.

Каких-либо ограничений для применения к А. данного акта об амнистии не имелось.

По смыслу подп. 4 п. 19 постановления о порядке применения амнистии факт совершения осужденным нового умышленного преступления во время отбывания наказания должен подтверждаться на день вступления в силу акта об амнистии постановлением органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию либо вступившим в законную силу итоговым судебным решением (постановлением о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию или обвинительным приговором). При от-

сутствии на указанный день такого процессуального документа акт об амнистии подлежит применению.

Совершение А. нового умышленного преступления 11—12 марта 2014 г. на день вступления в силу акта об амнистии вступившим в законную силу итоговым судебным решением подтверждено не было, в связи с чем акт об амнистии подлежал применению, а А. — освобождению от наказания по приговору от 10 июля 2013 г.

При рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ данное обстоятельство учтено не было.

Кроме того, исходя из положений п. 12 постановления об амнистии освобождение от наказания на основании п. 4 данного постановления влечет за собой снятие судимости.

С учетом изложенного Президиум изменил приговор и апелляционное определение: исключил указания о наличии у А. судимости по приговору от 10 июля 2013 г. и признании в силу требований ч. 1 ст. 18 УК РФ обстоятельством,отягчающим наказание, рецидива преступлений по отношению к судимости по ст. 158 УК РФ, а также о назначении наказания по правилам ст. 70 УК РФ.

Президиум смягчил наказание, назначенное А. по пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, до двенадцати лет девяти месяцев лишения свободы с ограничением свободы сроком на один год шесть месяцев, по п. “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ — до восьми лет девяти месяцев лишения свободы с ограничением свободы сроком на один год. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105, п. “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ, путем частичного сложения наказаний окончательно назначено А. наказание в виде лишения свободы сроком на четырнадцать лет шесть месяцев с ограничением свободы сроком на один год девять месяцев.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 84-П18*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

3. Участник долевой собственности, понесший расходы на неотделимые улучшения общего имущества в виде жилого помещения в целях приведения его в состояние, пригодное для проживания, вправе требовать их возмещения от другого сособственника соразмерно его доле.

Э. обратился в суд с иском к М. о взыскании денежных средств за произведенные в квартире улучшения, расходов по оплате жилищных услуг, процентов за пользование чужими денежными средствами, а также расходов по оплате государственной пошлины.

Как установлено судом и следует из материалов дела, Э. и М. в период зарегистрированного брака заключили с обществом договор об участии в долевом строительстве многоквартирной квартиры.

В связи с расторжением брака решением суда за каждым из бывших супругов признано право собственности на 1/2 доли в объекте незавершенного строительства.

После передачи строительной организацией квартиры сторонам по акту в черновой отделке истец за свой счет произвел ремонт квартиры.

Разрешая спор и частично удовлетворяя заявленные требования, суды первой и апелляционной инстанций, руководствуясь ст.ст. 980—984 ГК РФ, пришли к выводу о том, что требования Э. в части взыскания денежных средств на ремонт квартиры не подлежат удовлетворению, поскольку истец не представил доказательств согласования с М. выполнения ремонта, его объема и расходов. При этом, по мнению суда, представленные квитанции и чеки не позволяют прийти к выводу о том, что приобретенные материалы использовались для ремонта указанной выше квартиры.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с выводами судебных инстанций не согласилась по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 980 ГК РФ действия без поручения, иного указания или заранее обещанного согласия заинтересованного лица в целях предотвращения вреда его личности или имуществу, исполнения его обязательства или в его иных непротивоправных интересах (действия в чужом интересе) должны совершаться исходя из очевидной выгоды или пользы и действительных или вероятных намерений заинтересованного лица и с необходимой по обстоятельствам дела заботливостью и осмотрительностью.

При квалификации отношений, возникших между сторонами, как действия в чужом интересе без поручения суды не учли, что по смыслу данной нормы лицо, совершившее действия в чужом интересе, должно осознавать, что его действия направлены на обеспечение интересов другого лица, а основной целью лица, совершившего действия в чужом интересе, должно являться улучшение положения другого лица, а не его собственного положения.

Однако таких обстоятельств, свидетельствующих о производстве ремонта Э. исключительно в интересах М., судами установлено не было.

На основании ст. 210 ГК РФ собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором.

В соответствии с п. 1 ст. 247 ГК РФ владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия — в порядке, устанавливаемом судом.

Статьей 249 ГК РФ предусмотрено, что каждый участник долевой собственности обязан соразмерно со своей долей участвовать в уплате налогов, сборов и иных платежей по общему имуществу, а также в издержках по его содержанию и сохранению.

Согласно ч. 2 ст. 15 ЖК РФ жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодное для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства).

В силу ч. 1 ст. 17 ЖК РФ жилое помещение предназначено для проживания граждан.

Таким образом, порядок осуществления владения и пользования имуществом, в том числе жилым помещением, находящимся в долевой собственности граждан, устанавливается судом,

если согласие между собственниками не достигнуто.

Правомочие владения как одно из правомочий собственника означает физическое обладание имуществом, а также отношение к имуществу как своему. Правомочие пользования включает извлечение полезных свойств имущества с сохранением его целевого назначения.

Осуществление одним из собственников ремонта в жилом помещении означает реализацию им правомочий владения и пользования таким помещением, а также одновременно и способ несения издержек по содержанию и сохранению жилого помещения в состоянии, пригодном для проживания.

Согласно договору долевого участия в строительстве переданная сторонам спора квартира предоставлена без отделки.

Истец за свой счет с даты передачи ему квартиры по акту произвел неотделимые улучшения для приведения указанного помещения в состояние, пригодное для проживания, т.е. использования жилого помещения по назначению.

После приведения квартиры в состояние, пригодное для проживания, судом было вынесено решение, согласно которому М. вселена в спорную квартиру, а на Э. возложена обязанность передать М. ключи от квартиры и не препятствовать в пользовании жилым помещением. Кроме этого, ответчик была зарегистрирована в спорной квартире по месту жительства.

В связи с изложенным обстоятельство, что Э. и М. не достигли соглашения по характеру и объему произведенного истцом ремонта, не могло исключать обязанности последней участвовать в содержании и сохранении жилого помещения в результате осуществления его ремонта. Это судебными инстанциями учтено не было.

Определение № 11-КГ17-37

Разрешение споров, возникающих из отношений по страхованию

4. Убытки страхователя вследствие несвоевременной выплаты ему страхового возмещения могут быть отнесены на страховщика.

Страховщик, опровергающий причинную связь между своими действиями и возникновением у страхователя убытков, обязан доказать обратное.

Ф. обратился в суд с иском к страховой компании, указав в обоснование требований на то, что в связи с несвоевременным исполнением ответчиком своих обязательств по выплате страхового возмещения ему причинены убытки.

Судом установлено, что 1 апреля 2014 г. Ф. приобрел автомобиль, оплата произведена денежными средствами, полученными на основании кредитного договора, заключенного с банком. В соответствии с условиями кредитного договора в отношении приобретенного автомобиля между страховой компанией и Ф. заключен договор имущественного страхования по страховым рискам “ущерб+угон/хищение” сроком действия с 1 апреля 2014 г. по 31 марта 2015 г.

В связи с наступлением 1 и 2 декабря 2014 г. страхового случая в виде возгорания застрахованного транспортного средства Ф. 6 декабря 2014 г. обратился к страховщику с заявлением о страховой выплате, в удовлетворении которого было отказано.

Фактическая выплата страхового возмещения страховщиком произведена 4 апреля 2016 г. на основании вступившего в законную силу решения суда, Ф. кредит погашен в полном объеме 6 апреля 2016 г. В период с момента наступления у ответчика обязанности по страховой выплате и до дня исполнения данной обязанности Ф. выплачены банку проценты по кредитному договору в сумме 204 737 руб.

Решением суда со страховой компании в пользу Ф. взысканы убытки в размере 204 737 руб., проценты за пользование чужими денежными средствами, сумма компенсации морального вреда, штраф. В удовлетворении остальной части исковых требований отказано.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции в части удовлетворения исковых требований Ф. о взыскании убытков, штрафа, компенсации морального вреда отменено. В указанной части по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований. Решение суда в части взыскания со страховой организации процентов за пользование чужими денежными средствами и государственной пошлины изменено: в пользу Ф. взысканы проценты за пользование чужими денежными средствами. В остальной части решение суда оставлено без изменения.

Принимая данное определение, суд апелляционной инстанции указал, что кредитный договор от 1 апреля 2014 г. не содержит условий об освобождении заемщика от исполнения обязательств по уплате банку процентов за пользование кредитом в случае наступления страхового события и обязанности страховой компании по возмещению ущерба, в связи с чем пришел к выводу об отсутствии причинно-следственной связи между действиями ответчика и необходимостью несения истцом расходов на уплату процентов за пользование кредитом.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 393 ГК РФ должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. Убытки определяются в соответствии с правилами, предусмотренными ст. 15 Кодекса. Возмещение убытков в полном размере означает, что в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом (п. 2).

Как следует из разъяснений, данных в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”, по смыслу ст.ст. 15 и 393 ГК РФ кредитор представляет доказательства, подтверждающие наличие у него убытков, а также обосновывающие с разумной степенью достоверности их размер и причинную связь между неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником и названными убытками. Должник вправе предъявить возражения относительно размера причиненных кредитору убытков и представить доказательства, что кредитор мог уменьшить такие убытки, но не принял для этого разумных мер (ст. 404 ГК РФ).

При установлении причинной связи между нарушением обязательства и убытками необхо-

димо учитывать, в частности, то, к каким последствиям в обычных условиях гражданского оборота могло привести подобное нарушение. Если возникновение убытков, возмещение которых требует кредитор, является обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитором убытками предполагается.

Должник, опровергающий доводы кредитора относительно причинной связи между своим поведением и убытками кредитора, не лишен возможности представить доказательства существования иной причины возникновения этих убытков.

Вина должника в нарушении обязательства предполагается, пока не доказано обратное. Отсутствие вины в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства доказывается должником. Если должник несет ответственность за нарушение обязательства или за причинение вреда независимо от вины, то на него возлагается бремя доказывания обстоятельств, являющихся основанием для освобождения от такой ответственности, например обстоятельств непреодолимой силы (пп. 2 и 3 ст. 401 ГК РФ).

Истец в обоснование требований о возмещении убытков ссылался на то, что 1 апреля 2014 г. между ним и страховой компанией был заключен договор страхования приобретенного в кредит автомобиля, по которому страхователем являлся истец, а выгодоприобретателем — банк, выдавший кредит на приобретение транспортного средства.

Таким образом, по условиям договора страховое возмещение при наличии на момент страхового случая задолженности Ф. перед банком подлежало выплате в том числе банку для погашения задолженности.

Следовательно, в обычных условиях гражданского оборота с учетом условий договора страхования, заключенного между истцом и ответчиком, страховщик обязан был перечислить страховое возмещение или его часть банку-выгодоприобретателю в размере, соответствующем задолженности по кредитному договору на момент страхового случая. В случае если банк как выгодоприобретатель отказался от получения страховой выплаты, то данная выплата подлежала взысканию в пользу Ф. как страхователя для последующего погашения задолженности. При этом в соответствии с Правилами добровольного страхования транспортных средств, утвержденными страховщиком, страховое возмещение, часть которого должна была быть направлена на погашение задолженности Ф. по кредитному договору, подлежало перечислению не позднее 55 дней с момента получения страховой компанией всех необходимых документов.

При рассмотрении вопроса о том, были ли причинены Ф. убытки выплатой страховщиком страхового возмещения позже определенного Правилами страхования срока, суду следовало иметь в виду, что в результате ненадлежащего исполнения ответчиком своих обязанностей истец смог погасить долг банку по прошествии 13 месяцев после страхового случая и в течение этого времени вынужден был платить проценты за пользование заемными средствами. В том случае, если бы страховщиком страховое возмещение было выплачено своевременно, на что вправе был рассчитывать истец, у него не возникло необходимости обслуживать кредит и выплачивать

излишние проценты, которые он расценивал как убытки.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что суд апелляционной инстанции неправильно истолковал нормы материального права и неверно определил взаимосвязь между поведением ответчика и необходимостью истца нести дополнительные расходы на обслуживание кредита.

Рассматривая позицию ответчика, возражавшего против иска со ссылкой на то, что страховое возмещение не выплачивалось длительное время, поскольку страхователь несвоевременно представил все необходимые для выплаты документы, и что отсутствовало заявление выгодоприобретателя, суд апелляционной инстанции должен был учесть следующее.

В силу ст.ст. 309 и 310 ГК РФ обязательства должны исполняться в соответствии с условиями обязательства, односторонний отказ от исполнения обязательства не допускается.

Должник вправе предъявить возражения относительно размера причиненных кредитором убытков и представить доказательства того, что кредитор мог уменьшить такие убытки, но принял для этого разумных мер (ст. 404 ГК РФ).

В соответствии с п. 3 ст. 307 ГК РФ при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

Из указанных норм права следует, что именно на должнике, а не на кредиторе лежит первичная обязанность совершения необходимых действий и принятия разумных мер по исполнению обязательства.

Предполагается, что в случае возникновения обстоятельств, находящихся вне контроля должника и препятствующих исполнению им обязательства, он освобождается от ответственности, если у него отсутствует возможность принять разумные меры для устранения таких обстоятельств. При этом должник должен незамедлительно сообщить кредитору о наличии таких обстоятельств после того, как ему стало о них известно.

Судом установлено, что Ф. подал документы для выплаты страхового возмещения 6 декабря 2014 г. Страховая компания уведомила истца о необходимости представления дополнительных документов только письмом от 7 апреля 2015 г., которое Ф. получил 28 мая 2015 г. Каких-либо сообщений об отказе в страховой выплате по причине отсутствия заявления выгодоприобретателя страховщик не направлял, а указанный довод как основание невыплаты появился только в процессе судебного спора.

В связи с этим суду апелляционной инстанции следовало дать оценку действиям страховой компании, в частности обсудить, привели ли они к необоснованной задержке при выплате страхового возмещения.

Определение № 5-КГ18-17

5. Страхователь вправе требовать от страховщика, нарушившего обязательство по проведению восстановительного ремонта транспортного средства, выплаты стоимости ремонта в пределах страховой суммы.

Возражение ответчика о недоказанности страхового случая не может служить основанием для отмены решения суда в апелляционном порядке, если в суде

первой инстанции факт наступления страхового случая не оспаривался, а имел место спор только о размере страхового возмещения.

М. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании стоимости восстановительного ремонта автомобиля, утраты его товарной стоимости, неустойки, штрафа и судебных расходов. В обоснование требований истец указал, что между ним и ответчиком заключен договор добровольного страхования принадлежащего истцу автомобиля на срок с 8 февраля 2015 г. по 7 февраля 2016 г. по страховым рискам “ущерб+хищение”. Страховая сумма составляет 855 913 руб., форма выплаты страхового возмещения определена сторонами путем ремонта транспортного средства на станции технического осмотра автомобилей по направлению страховщика.

10 августа 2015 г. произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого автомобиль истца был поврежден.

11 августа 2015 г. М. обратился в центр урегулирования убытков страховщика для подачи заявления о страховом случае, однако в принятии заявления ему было отказано. В этот же день заявление о страховом случае было истцом направлено по электронной почте, а 2 сентября 2015 г. направлена претензия.

В связи с отказом ответчика принять заявление и оценить размер ущерба истец был вынужден обратиться в обслуживающий дилерский центр, который произвел оценку стоимости восстановительного ремонта.

М. просил взыскать убытки в размере стоимости восстановительного ремонта — 540 600 руб., утрату товарной стоимости автомобиля — 5790 руб., неустойку за просрочку исполнения обязательства в размере 163 650 руб., штраф за неудовлетворение в добровольном порядке требования потребителя, стоимость восстановления государственного регистрационного знака, возместить убытки, связанные с оформлением документов, и судебные расходы.

Решением суда искивые требования удовлетворены частично. С ответчика в пользу М. взыскано в счет стоимости восстановительного ремонта 475 498 руб., в счет утраты товарной стоимости автомобиля — 5790 руб., неустойка в размере 163 650 руб., штраф, судебные расходы. В удовлетворении требования о взыскании стоимости восстановления государственного регистрационного знака отказано.

Разрешая спор и удовлетворяя искивые требования М. частично, суд первой инстанции исходил из того, что страховой случай имел место, факт обращения истца к страховщику с заявлением о страховом случае и выплате возмещения, а также с претензией по поводу неисполнения страховщиком обязательств установлен. Доказательств рассмотрения заявления истца и оснований для отказа в страховой выплате страховщик не представил. Размер ущерба определен по результатам назначенной судом экспертизы.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции указал, что страховой случай имел место, но по условиям договора между истцом и ответчиком страховая выплата должна производиться путем ремонта автомобиля на станции технического осмотра автомобилей по направлению страховщика. Истцом не представлено доказательств обращения к ответчику с заявлением установленной формы с подробным изложением всех из-

вестных обстоятельств происшествия, представления страховщику на осмотр застрахованного транспортного средства, а также доказательств того, что страховая компания отказала истцу в принятии его документов. По мнению суда, истец избрал ненадлежащий способ защиты своего права, расходов на ремонт транспортного средства он не понес, оснований для изменения условий договора путем выплаты денежной суммы вместо ремонта не имелось.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 929 ГК РФ по договору имущественного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы).

По общему правилу, установленному п. 3 ст. 10 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 “Об организации страхового дела в Российской Федерации”, обязательство по выплате страхового возмещения является денежным.

Согласно п. 4 названной статьи Закона условиями страхования имущества и (или) гражданской ответственности в пределах страховой суммы может предусматриваться замена страховой выплаты (страхового возмещения) предоставлением имущества, аналогичного утраченному имуществу, а в случае повреждения имущества, не повлекшего его утраты, — организацией и (или) оплатой страховщиком в счет страхового возмещения ремонта поврежденного имущества.

В соответствии с пп. 1 и 2 ст. 405 ГК РФ должник, просрочивший исполнение, отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой, и за последствия случайно наступившей во время просрочки невозможности исполнения.

Если вследствие просрочки должника исполнение утратило интерес для кредитора, он может отказаться от принятия исполнения и требовать возмещения убытков.

Согласно разъяснениям п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 “О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан” (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20), если договором добровольного страхования предусмотрен восстановительный ремонт транспортного средства на станции технического обслуживания, осуществляемый за счет страховщика, то в случае неисполнения обязательства по производству восстановительного ремонта в установленные договором страхования сроки страхователь вправе поручить производству восстановительного ремонта третьим лицам либо произвести его своими силами и потребовать от страховщика возмещения понесенных расходов в пределах страховой выплаты.

Таким образом, в случае нарушения страховщиком обязательства произвести ремонт транспортного средства страхователь вправе потребовать возмещения стоимости ремонта в пределах страховой суммы.

С учетом изложенного вывод суда апелляционной инстанции о том, что при указанных выше обстоятельствах у истца отсутствует право требовать выплаты стоимости восстановительного ремонта, противоречит приведенным нормам права и разъяснениям постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20.

Согласно ст. 961 ГК РФ страхователь по договору имущественного страхования после того, как ему стало известно о наступлении страхового случая, обязан незамедлительно уведомить о его наступлении страховщика или его представителя. Если договором предусмотрен срок (или) способ уведомления, оно должно быть сделано в установленный срок и указанным в договоре способом.

Неисполнение обязанности, предусмотренной п. 1 названной статьи, дает страховщику право отказать в выплате страхового возмещения, если не будет доказано, что страховщик своевременно узнал о наступлении страхового случая либо что отсутствие у страховщика сведений об этом не могло сказаться на его обязанности выплатить страховое возмещение.

В п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 разъяснено, что на страхователя возлагается обязанность лишь по уведомлению о наступлении страхового случая определенным способом и в определенные сроки. Обязанность по представлению одновременно с этим уведомлением всех необходимых документов на страхователя (выгодоприобретателя) законом не возлагается.

При этом страхователь или выгодоприобретатель в силу п. 2 ст. 961 ГК РФ имеет возможность оспорить отказ страховщика в выплате страхового возмещения, предъявив доказательства того, что страховщик своевременно узнал о наступлении страхового случая либо что отсутствие у страховщика сведений об этом не повлияло на его возможность определить, действительно ли имел место страховой случай и какова сумма причиненного ущерба.

В соответствии с п. 2 ст. 401 названного Кодекса отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство.

Согласно п. 4 ст. 13 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 “О защите прав потребителей” (далее — Закон о защите прав потребителей) изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) освобождается от ответственности за неисполнение обязательств или за ненадлежащее исполнение обязательств, если докажет, что неисполнение обязательств или их ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным законом.

В п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей” разъяснено, что при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе и за причинение вре-

да, лежит на продавце (изготовителе, исполнителе, уполномоченной организации или уполномоченном индивидуальном предпринимателе, импортере) (п. 4 ст. 13, п. 5 ст. 14, п. 5 ст. 23¹, п. 6 ст. 28 Закона о защите прав потребителей, ст. 1098 ГК РФ).

Судом апелляционной инстанции приведенные положения Закона и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не учтены.

Из установленных обстоятельств дела следует, что истец обращался в страховую компанию с заявлением, в котором сообщил о страховом случае, и с претензией по поводу неисполнения страховщиком обязательств, ответчиком же не представлено каких-либо доказательств того, что им предпринимались меры к исполнению обязательств, однако это стало невозможным из-за ненадлежащего поведения истца.

Определение № 49-КГ17-19

Разрешение споров, связанных с реализацией товаров, работ и услуг

6. При рассмотрении требований о возмещении убытков и компенсации морального вреда за непредоставление покупателю надлежащей информации при продаже биологически активных добавок следует учитывать специальные правила, установленные для их рекламы и реализации, а также то, что обязанность доказать соблюдение этих правил возложена законом на продавца.

К., 1936 года рождения, обратилась в суд с иском к торговой компании о взыскании уплаченных по договору денежных средств и компенсации морального вреда, ссылаясь на следующее. В апреле 2016 г. по радио услышала рекламную информацию о продаже торговой компанией лекарственных препаратов. После ее звонка представители компании, уточнив перечень заболеваний, порекомендовали приобрести у них лекарства стоимостью 170 тыс. рублей. По устной договоренности торговая компания приняла на себя обязательство курьером доставлять по адресу истца заказанные лекарственные препараты, а истец обязалась их оплачивать. Согласно квитанциям (чекам) за доставленные препараты истец в общей сложности заплатила 365 тыс. рублей. В ходе приема препаратов улучшений в самочувствии истца не произошло.

Поскольку, по мнению К., ответчик ввел ее в заблуждение, побудив приобрести не лекарственные препараты, а биологически активные добавки (далее — БАД), истец просила суд взыскать в ее пользу с торговой компании стоимость оплаченных препаратов, сумму компенсации морального вреда и судебные расходы.

Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Статьей 10 Закона о защите прав потребителей установлено, что изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора.

Информация о товарах в обязательном порядке должна содержать в том числе сведения об основных потребительских свойствах.

В силу ст. 12 Закона о защите прав потребителей, если потребителю не предоставлена возмож-

ность незамедлительно получить при заключении договора информацию о товаре, он вправе в разумный срок отказаться от исполнения заключенного договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков. При рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, причиненных недостоверной или недостаточно полной информацией о товаре, необходимо исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о свойствах и характеристиках товара.

Отказывая К. в удовлетворении иска, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что истец не доказала факт непредоставления ей надлежащей информации о приобретаемых препаратах.

Таким образом, в нарушение прямых указаний закона и разъяснений, содержащихся в пп. 28, 44 и 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”, обязанность доказывать непредоставление надлежащей информации была возложена на не обладающего специальными познаниями истца, в то время как факт предоставления надлежащей информации в доступной для истца форме обязан был доказывать ответчик.

Так, суды сослались только на имеющиеся в материалах дела свидетельства о государственной регистрации продукции и сертификаты соответствия единым санитарно-эпидемиологическим и гигиеническим требованиям к товарам. Между тем в данных документах отсутствует какая-либо информация о составе реализуемых ответчиком препаратов, их свойствах, побочных действиях, назначении, способе применения, противопоказаниях, предполагаемом эффекте от применения и т.п.

Каких-либо иных доказательств, подтверждающих то, что до истца в доступной для нее форме была доведена информация, в частности, о потребительских свойствах товара, в судебных постановлениях не содержится, и в материалах дела таких сведений нет.

Кроме того, судами не учтено, что в отношении БАД нормативными актами установлен ряд обязательных требований к информации о них.

В частности, в соответствии с п. 4.13.1 Методических указаний “2.3.2. Пищевые продукты и пищевые добавки. Определение безопасности и эффективности биологически активных добавок к пище” (МУК 2.3.2.721-98), утвержденных Главным государственным санитарным врачом РФ 15 октября 1998 г., расфасованные и упакованные БАД к пище должны иметь этикетки, на которых на русском языке указываются: наименование продукта и его вид; номер технических условий (для отечественных БАД); область применения; название организации-изготовителя и ее юридический адрес (для импортируемых на территорию Российской Федерации продуктов — страна происхождения и наименование фирмы-изготовителя); вес и объем продукта; наименование входящих в состав продуктов ингредиентов, включая пищевые добавки; пищевая ценность (калорийность, белки, жиры, углеводы, витамины, микроэлементы); условия хранения; срок годности и дата изготовления; способ применения (в случае, если требуется дополнительная подготовка БАД); рекомендации по применению, дозировка; противопоказания к исполь-

зованию и побочные действия (при необходимости); особые условия реализации (при необходимости).

Аналогичные требования к упаковке БАД и информации, нанесенной на этикетку, содержатся в пп. 4.3 и 4.4 постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 17 апреля 2003 г. № 50 “О введении в действие санитарно-эпидемиологических правил и нормативов СанПиН 2.3.2.1290-03”.

Пунктом 4.5 названного постановления предусмотрено, что указанная выше информация доводится до сведения потребителей в любой доступной для прочтения потребителем форме.

Кроме того, в соответствии с СанПиН 2.3.2.1290-03 “Гигиенические требования к организации производства и оборота биологически активных добавок к пище (БАД)”, утвержденными постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 17 апреля 2003 г. № 50, продажа БАД дистанционным способом не допускается.

Также Правилами продажи отдельных видов товаров, утвержденными постановлением Правительства РФ от 19 января 1998 г. № 55, установлено, что разносная торговля БАД как пищевыми продуктами не допускается.

В ст. 25 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ “О рекламе” установлено, что реклама БАД и пищевых добавок не должна: создавать впечатление о том, что они являются лекарственными средствами и (или) обладают лечебными свойствами; содержать ссылки на конкретные случаи излечения людей, улучшения их состояния в результате применения таких добавок; содержать выражение благодарности физическими лицами в связи с применением таких добавок; побуждать к отказу от здорового питания; создавать впечатление о преимуществах таких добавок путем ссылки на факт проведения исследований, обязательных для государственной регистрации таких добавок, а также использовать результаты иных исследований в форме прямой рекомендации к применению таких добавок (ч. 1).

Реклама БАД в каждом случае должна сопровождаться предупреждением о том, что объект рекламирования не является лекарственным средством. В данной рекламе, распространяемой в радиопрограммах, продолжительность такого предупреждения должна составлять не менее чем три секунды, в рекламе, распространяемой в телепрограммах, при кино- и видеослуживании, — не менее чем пять секунд, и такому предупреждению должно быть отведено не менее чем семь процентов площади кадра, а в рекламе, распространяемой другими способами, — не менее чем десять процентов рекламной площади (пространства) (ч. 1¹).

Положения приведенных нормативных актов с учетом доводов истца о недобросовестной рекламе, о реализации ей под видом лекарств биологически активных добавок к пище, о непредоставлении надлежащей информации о них в силу ч. 2 ст. 56 ГПК РФ обязывали суд определить в качестве обстоятельств, имеющих значение для разрешения спора, вопросы о соблюдении ответчиком обязательных требований к рекламе и реализации таких БАД с соответствующим распределением обязанностей по доказыванию. Однако эти требования судами были нарушены, что привело к неправильному разрешению спора.

Определение № 5-КГ17-146

7. Убытки, причиненные заказчику вследствие устарения им самостоятельно недостатков работы, выполненной по договору подряда, подлежат возмещению исполнителем.

Общество в интересах И. обратилось в суд с иском к индивидуальному предпринимателю (далее — ИП) о возмещении убытков, компенсации морального вреда и взыскании штрафа в размере 50% от присужденной денежной суммы.

В обоснование заявленных требований указано, что между И. как заказчиком и ИП как подрядчиком заключен договор подряда, по условиям которого подрядчик обязался организовать и произвести квалифицированные строительные работы для устройства фундамента согласно прилагаемым к договору эскизным чертежам и смете. Стоимость работ по указанному договору была полностью оплачена заказчиком. После завершения работ по договору подряда истец отказалась их принять в связи с недостатками возведенного фундамента и предъявила ИП претензию с требованием устранить эти недостатки, которая в добровольном порядке удовлетворена не была. В связи с этим И. устранила указанные недостатки за свой счет.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования частично, суд первой инстанции исходил из того, что ИП выполнил работы по договору подряда с недостатками, в связи с чем он обязан возместить И. расходы на устранение этих недостатков и убытки, причиненные истцу вследствие недостатков выполненной работы.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции указал, что после обнаружения недостатков выполненной ИП работы у И. возникло право устранить эти недостатки за свой счет и потребовать возмещения ответчиком расходов, понесенных на такое устранение, однако этим правом истец не воспользовалась. Суд также сослался на то, что после устранения недостатков фундамента И. продолжила строительство на этом фундаменте, не проявив должную осмотрительность и не убедившись в допустимости такого строительства.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение, указав следующее.

В п. 1 ст. 14 Закона о защите прав потребителей предусмотрено, что вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие конструктивных, производственных, рецептурных или иных недостатков товара (работы, услуги), подлежит возмещению в полном объеме.

Право потребителя на полное возмещение убытков, причиненных ему вследствие недостатков выполненной работы, предусмотрено также в п. 1 ст. 29 названного Закона.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”, убытки, причиненные потребителю в связи с нарушением изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) его прав, подлежат возмещению в полном объеме, кроме случаев, когда законом установлен ограниченный размер ответственности. Под убытками в соответствии с п. 2 ст. 15 ГК РФ следует понимать расходы, которые потребитель, чье право нару-

шено, произвел или должен будет произвести для восстановления нарушенного права, утрату или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые потребитель получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Из приведенных правовых норм и акта их толкования следует, что на исполнителя возлагается ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие недостатков выполненной работы.

Судом установлено, что предусмотренные договором подряда работы выполнены ИП с недостатками.

При таких обстоятельствах для правильного разрешения спора суду апелляционной инстанции следовало дать оценку вопросу о наличии либо об отсутствии причинно-следственной связи между указанными недостатками и понесенными истцом убытками, а также определить размер этих убытков с разумной степенью достоверности.

Однако в нарушение ст. 196 ГПК РФ суд апелляционной инстанции не дал оценки этим юридически значимым обстоятельствам, формально сославшись на то, что после выявления недостатков фундамента истец продолжила строительство дома.

Согласно п. 1 ст. 29 Закона о защите прав потребителей потребитель при обнаружении недостатков выполненной работы (оказанной услуги) вправе по своему выбору потребовать:

безвозмездного устранения недостатков выполненной работы (оказанной услуги);

соответствующего уменьшения цены выполненной работы (оказанной услуги);

безвозмездного изготовления другой вещи из однородного материала такого же качества или повторного выполнения работы. При этом потребитель обязан возвратить ранее переданную ему исполнителем вещь;

возмещения понесенных им расходов по устранению недостатков выполненной работы (оказанной услуги) своими силами или третьими лицами.

Из приведенной правовой нормы следует, что при обнаружении недостатков выполненной работы потребитель вправе своими силами или с привлечением третьих лиц устранить такие недостатки, потребовав у подрядчика возмещения расходов, понесенных на их устранение.

Как установлено судом, после обнаружения недостатков выполненной ИП работы И. неоднократно обращалась к нему с требованиями об устранении этих недостатков, которые ответчик в добровольном порядке не удовлетворил, после чего истец устранила указанные недостатки за свой счет с привлечением третьих лиц.

Обращение И. в суд с иском к ИП о возмещении расходов на устранение недостатков работы является способом защиты права истца, предусмотренного Законом о защите прав потребителей, на возмещение данных расходов.

Это не было учтено судом апелляционной инстанции, указавшим, что И. названным правом не воспользовалась.

Определение № 41-КГ17-25

8. Доказать факт возникновения недостатков выполненной работы (оказанной услуги) до ее принятия или по причинам, возникшим до этого момента, обязан заказчик.

Общество обратилось в суд в интересах Д. к индивидуальному предпринимателю (далее — ИП) о взыскании денежных средств за некачественно оказанную услугу, двукратной стоимости испорченных предметов одежды, неустойки, компенсации морального вреда и штрафа в соответствии с Законом о защите прав потребителей.

Судом по делу установлено, что 12 января 2016 г. между истцом Д. и ИП заключен договор об оказании услуг по химической чистке платья и мужских брюк. Данная услуга истцом оплачена.

После химической чистки и получения названных изделий Д. дважды (12 и 17 февраля 2016 г.) обращался к ответчику с претензией о выплате двукратной стоимости изделий, в которой указал, что после проведенных работ по химической чистке на платье появилось белое пятно, брюки уменьшились в размере и потеряли первоначальный цвет, т.е. ИП оказана услуга ненадлежащего качества. Однако требование потребителя в добровольном порядке удовлетворено не было.

Разрешая спор и удовлетворяя иск частично, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что ответчиком оказана услуга по химической чистке изделий ненадлежащего качества, вследствие чего использование этих предметов одежды по назначению невозможно, при этом имеется прямая причинно-следственная связь между действиями ИП и возникшими в принадлежащих Д. изделиях дефектами. Также суд указал, что ответчиком не представлено доказательств того, что выявленные дефекты возникли по вине истца.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов основанными на неправильном применении норм материального и процессуального права.

В соответствии с п. 1 ст. 730 ГК РФ по договору бытового подряда подрядчик, осуществляющий соответствующую предпринимательскую деятельность, обязуется выполнить по заданию гражданина (заказчика) определенную работу, предназначенную удовлетворять бытовые или другие личные потребности заказчика, а заказчик обязуется принять и оплатить работу.

Согласно п. 1 ст. 721 названного Кодекса качество выполненной подрядчиком работы должно соответствовать условиям договора подряда, а при отсутствии или неполноте условий договора требованиям, обычно предъявляемым к работам соответствующего рода.

К отношениям по договору бытового подряда, не урегулированным Гражданским кодексом РФ, применяются законы о защите прав потребителей и иные правовые акты, принятые в соответствии с ними (п. 3 ст. 730 ГК РФ).

В силу п. 1 ст. 35 Закона о защите прав потребителей, если работа выполняется полностью или частично из материала (с вещью) потребителя, исполнитель отвечает за сохранность этого материала (вещи) и правильное его использование.

В случае полной или частичной утраты (повреждения) материала (вещи), принятого от потребителя, исполнитель обязан в трехдневный срок заменить его однородным материалом (вещью) аналогичного качества и по желанию потребителя изготовить изделие из однородного материала (вещи) в разумный срок, а при отсутствии однородного материала (вещи) аналогичного качества — возместить потребителю двукратную цену утраченного (поврежденного) материала (вещи), а также расходы, понесенные потребителем.

Пунктом 14 Правил бытового обслуживания населения в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 15 августа 1997 г. № 1025, установлено, что потребитель обязан в сроки и в порядке, которые предусмотрены договором, с участием исполнителя осмотреть и принять выполненную работу (ее результат). При обнаружении отступлений от договора, ухудшающих результат работы, или иных недостатков в работе потребитель должен немедленно заявить об этом исполнителю. Указанные недостатки должны быть описаны в акте либо в ином документе, удостоверяющем приемку.

Потребитель, обнаруживший после приемки работы отступления в ней от договора или иные недостатки, которые не могли быть установлены при обычном способе приемки (скрытые недостатки), в том числе такие, которые были умышленно скрыты исполнителем, обязан известить об этом исполнителя в разумный срок по их обнаружении.

Согласно п. 18 названных Правил при получении изделия из химической чистки потребитель обязан проверить сохранность исходной формы, целостность, размеры, цвет, рисунок, рельефность.

В соответствии с пп. 3 и 4 ст. 29 Закона о защите прав потребителей потребитель вправе предъявлять требования, связанные с недостатками выполненной работы (оказанной услуги), если они обнаружены в течение гарантийного срока, а при его отсутствии в разумный срок, в пределах двух лет со дня принятия выполненной работы (оказанной услуги) или пяти лет в отношении недостатков в строении и ином недвижимом имуществе. Исполнитель отвечает за недостатки работы (услуги), на которую не установлен гарантийный срок, если потребитель докажет, что они возникли до ее принятия им или по причинам, возникшим до этого момента.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17, при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе и за причинение вреда, лежит на продавце (изготовителе, исполнителе, уполномоченной организации или уполномоченном индивидуальном предпринимателе, импортере).

Исключения составляют случаи продажи товара (выполнения работы, оказания услуги) ненадлежащего качества, когда распределение бремени доказывания зависит от того, был ли установлен на товар (работу, услугу) гарантийный срок, а также от времени обнаружения недостатков (п. 6 ст. 18, пп. 5 и 6 ст. 19, пп. 4, 5 и 6 ст. 29 Закона о защите прав потребителей).

Таким образом, непредъявление потребителем требований, связанных с недостатками оказанной услуги, при принятии услуги или в ходе ее оказания не исключает ответственности исполнителя работ за выявленные недостатки, если потребитель докажет, что они возникли до принятия им результатов работ или по причинам, возникшим до этого момента (п. 4 ст. 29 Закона о защите прав потребителей).

Как следует из содержания квитанции от 12 января 2016 г., изделия после выполнения услуги по химчистке приняты заказчиком без указания каких-либо недостатков.

В целях выяснения причин образования дефектов на изделиях судом первой инстанции была назначена судебно-товароведческая экспертиза,

согласно выводам которой белесое пятно на платье образовалось в результате локального протирания поверхности платья отбеливающим средством, выделяющим хлор, тем самым нарушены рекомендации на маркировочной ленте платья — изделие не должно подвергаться отбеливанию средствами, выделяющими хлор. Мужские брюки имеют усадку на 2 размера и деформацию швов в виде “гармошки”. Усадка брюк и деформация швов на них произошли в результате глажки утюгом, нагретым до температуры 200 градусов Цельсия, тем самым нарушены рекомендации на маркировочной ленте брюк — гладить при температуре не более 110 градусов Цельсия.

Однако заключение эксперта, положенное в основу решения суда, не содержит выводов относительно конкретного времени образования обнаруженных дефектов, что оставлено без внимания и оценки суда апелляционной инстанции.

Кроме того, никакой правовой оценки не дано тому обстоятельству, что после выдачи изделий истцу они находились у владельцев и могли использоваться до 12 февраля 2016 г., когда Д. в адрес ИП направлена претензия о выявленных дефектах.

Ответчик в ходе рассмотрения дела ссылаясь на отсутствие нарушения им порядка оказания услуг по химчистке изделий и на то, что передал изделия заказчику после химчистки без недостатков, указанных истцом. Вопреки приведенным выше требованиям Закона о защите прав потребителей и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ эти доводы ИП истцом, на которого должно быть возложено бремя доказывания возникновения недостатков до принятия результатов услуг или по причинам, возникшим до этого момента, не опровергались, доказательств в обоснование своей позиции истец не представил. Более того, суд апелляционной инстанции незаконно возложил на ответчика бремя доказывания того обстоятельства, что дефекты в сданных вещах возникли не в процессе чистки, а после их передачи заказчику.

Определение № 18-КГ18-15

9. При совершении нотариальных действий навязывание гражданам дополнительных услуг правового или технического характера недопустимо.

Н. обратился в суд с заявлением о признании требований нотариуса Р. оплатить дополнительные услуги правового и технического характера незаконными, о возложении на нотариуса обязанности выдать свидетельство о праве на наследство по закону и свидетельство о праве собственности на долю в общем имуществе супругов.

Как установлено судом и следует из материалов дела, Н. является наследником по закону первой очереди своей супруги В., умершей 9 октября 2016 г.

20 декабря 2016 г. Н. обратился к занимающейся частной практикой нотариусу Р. с заявлением о принятии наследства и выдаче свидетельства о праве на наследство на имущество, приложив к заявлению все необходимые документы. Заявление нотариусом принято и зарегистрировано, заведено наследственное дело.

22 июня 2017 г. Н. обратился к нотариусу Р. с заявлениями о выдаче свидетельства о праве собственности на имущество, нажитое в браке с умершей супругой, и свидетельства о праве на наследство по закону на имущество, состоящее из 1/2 доли в праве собственности на квартиру и 1/2 доли в праве собственности на гараж.

В указанную дату к нотариусу также обратился сын наследодателя с заявлением о выдаче свидетельства о праве на наследство по закону на оставшуюся 1/2 доли в праве собственности на данное имущество.

За выдачу указанных выше документов нотариус потребовала от Н. оплатить нотариальный тариф в размере 11 476 руб.

На заявления Н. с просьбой обосновать суммы пошлин нотариусом было сообщено о том, что размеры нотариальных тарифов на 2017 год за оказание правовых и технических услуг, в том числе за выдачу свидетельств о праве на наследство и свидетельств о праве собственности пережившим супругам, установлены правлением нотариальной палаты субъекта Российской Федерации на основании предельных размеров платы за оказание нотариусами услуг правового и технического характера, установленных Федеральной нотариальной палатой. С указанными размерами и порядком их расчета можно ознакомиться на официальном сайте нотариальной палаты, на информационных стендах в любых нотариальных конторах субъекта Российской Федерации.

Из пояснений нотариуса Р. на жалобу Н., поступившую к ней из нотариальной палаты, видно, что размер рассчитанного ею нотариального тарифа состоит из государственной пошлины за выдачу свидетельства о праве собственности пережившего супруга на долю в квартире в размере 200 руб., свидетельства о праве собственности пережившего супруга на долю в гараже в размере 200 руб., свидетельства о праве на наследство по закону на долю в гараже в размере 76 руб. (0,3% стоимости имущества), а также платы за оказание услуг правового и технического характера за выдачу указанных свидетельств в сумме 11 тыс. рублей.

Указанные выше нотариальные действия совершены не были в связи с отказом Н. оплатить оказание услуг правового и технического характера, поскольку данное требование нотариуса он считал незаконным, утверждая, что данные услуги ему не оказывались, он в них не нуждался, самостоятельно подготовил все необходимые документы.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции исходил из того, что действующее законодательство не содержит запрета на предоставление нотариусами услуг правового и технического характера и получение платы за оказание данных услуг. Выполнение работ правового и технического характера, являющихся неотъемлемым элементом нотариального действия, не может расцениваться как навязанные услуги, поскольку без данных услуг не может возникнуть юридическое последствие в виде оформленного нотариального акта.

При этом суд указал на то, что с какими-либо заявлениями об отказе от предоставления услуг правового и технического характера до истечения шести месяцев Н. не обращался и от предоставления таких услуг не отказывался, постановления об отказе в совершении нотариального действия нотариус не выносила, в связи с чем с момента принятия заявления о принятии наследства нотариус фактически предоставляла Н. услуги правового и технического характера, которые должны быть оплачены.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций ошибочными по следующим основаниям.

Из положений ст.ст. 1, 22, 22¹ и 23 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (далее — Основы законодательства о нотариате) следует, что финансовое обеспечение деятельности нотариусов предусматривает оплату нотариальных действий, услуг, оказываемых при осуществлении нотариальной деятельности, включая услуги правового и технического характера, другие финансовые поступления, не противоречащие законодательству Российской Федерации.

Действующее законодательство не содержит запретов для нотариусов оказывать услуги правового и технического характера и взимать за них плату независимо от нотариального тарифа.

Главой VIII Основ законодательства о нотариате предусмотрены виды совершаемых нотариальных действий. При этом услуги правового и технического характера, оказываемые нотариусами гражданам и юридическим лицам, в качестве нотариального действия не названы.

Как указано в Определении Конституционного Суда РФ от 1 марта 2011 г. № 272-О-О, предоставляемые нотариусами услуги правового и технического характера по своей сути являются дополнительными (факультативными) по отношению к нотариальным действиям, содержание которых определяется законодательством.

Так, в соответствии со ст.ст. 9, 16, 48 и 50 Основ законодательства о нотариате нотариус при совершении нотариальных действий обязан обеспечить их законность, соблюдать правила ведения делопроизводства (включая требования к ведению реестра и наследственного дела), оказывать физическим и юридическим лицам содействие в осуществлении их прав и защите законных интересов, разъяснять права и обязанности, предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий. Реализация нотариусами этих публичных обязанностей в ходе совершения нотариальных действий не может одновременно рассматриваться в качестве оказания ими услуг правового и технического характера.

Лицо, обратившееся к нотариусу, не связано необходимостью получения от нотариуса, помимо нотариальных действий, дополнительно услуг правового или технического характера. Получение этих услуг для лица, обратившегося к нотариусу, носит исключительно добровольный характер: при его несогласии с формой, структурой, размерами оплаты этих услуг и прочими условиями такие услуги не оказываются, а их навязывание нотариусом недопустимо. Лицо, обратившееся к нотариусу, вправе при необходимости самостоятельно осуществлять соответствующие действия.

Правовая позиция о том, что услуги правового и технического характера, оказываемые гражданам нотариусами, не являются тождественными нотариальным действиям, не входят в содержание нотариальных действий, их получение зависит от согласия лица, обратившегося к нотариусу, высказана Верховным Судом РФ в решении от 22 мая 2017 г., оставленном без изменения апелляционным определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 14 сентября 2017 г. по делу № АКПИ17-193 о проверке в порядке нормоконтроля приказа Минюста России от 29 декабря 2016 г. № 313 “Об утверждении

форм реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах и порядка их оформления”.

Таким образом, выводы судов первой и апелляционной инстанций о том, что дополнительные услуги правового и технического характера являются неотъемлемым элементом всех нотариальных действий, признаны Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ противоречащими действующему законодательству.

Суды не учли, что в соответствии с законом предоставляемые нотариусами услуги правового и технического характера не являются обязательными, они не входят в содержание нотариальных действий, определяемых в соответствии со ст.ст. 9, 16, 48, 50 Основ законодательства о нотариате, что их получение в конкретной правовой ситуации зависит от согласия лица, обратившегося к нотариусу.

Из дела видно, что Н. были самостоятельно изготовлены все необходимые для открытия наследственного дела документы, нотариус Р. была поставлена им в известность об отказе в получении дополнительных услуг и их оплате.

Н. в установленной законом форме подал нотариусу заявление о принятии наследства, но в получении свидетельств о праве на наследство и о праве собственности ему было отказано в устной форме по причине его отказа оплатить услуги правового и технического характера. При этом, какие именно услуги были ему оказаны и почему на это не было получено согласие заявителя, нотариус Р. не разъяснила.

В соответствии со ст. 48 Основ законодательства о нотариате нотариус отказывает в совершении нотариального действия, если: совершение такого действия противоречит закону; действие подлежит совершению другим нотариусом; с просьбой о совершении нотариального действия обратился недееспособный гражданин либо представитель, не имеющий необходимых полномочий; сделка, совершаемая от имени юридического лица, противоречит целям, указанным в его уставе или положении; сделка не соответствует требованиям закона; документы, представленные для совершения нотариального действия, не соответствуют требованиям законодательства.

Указанный в данной статье перечень оснований для отказа в совершении нотариального действия является исчерпывающим, не подлежит расширительному толкованию.

Определение № 31-КГ18-3

Разрешение споров, связанных с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов

10. В случае просрочки исполнения обязательства по строительству квартиры и передаче ее гражданину согласованная сторонами сделки сумма доплаты за объект недвижимости в иностранной валюте подлежит расчету исходя из курса иностранной валюты по отношению к рублю на день платежа, установленный в договоре. Издержки, вызванные курсовой разницей валют, относятся на лицо, просрочившее исполнение.

Общество в интересах С. обратилось в суд с иском к обществу с требованиями о возложении на ответчика обязанности передать С. по договору купли-продажи квартиру и произвести регистрацию права собственности истца на указанную квартиру, а также с требованиями определить сумму доплаты за квартиру по курсу доллара к рублю на момент

установленного сторонами срока завершения строительства, о взыскании в пользу С. неустойки и признании условий дополнительного соглашения недействительными в части.

В обоснование требований указано, что 23 августа 2006 г. между С. и обществом заключен договор, именуемый договором займа, по условиям которого истец передала ответчику денежные средства в размере 10 956 700 руб. со сроком возврата не позднее 31 декабря 2010 г. Вместе с тем дополнительным соглашением от того же дня — 23 августа 2006 г. — установлено погашение задолженности путем предоставления С. в строящемся доме трехкомнатной квартиры. Для случаев уменьшения или увеличения в процессе строительства площади квартиры стоимость квадратного метра определена в размере 3120 долларов США, ориентировочный срок окончания строительства — IV квартал 2009 г. Дополнительными соглашениями от 3 октября 2011 г. срок возврата займа определен не позднее 31 декабря 2013 г., а ориентировочный срок окончания строительства — IV квартал 2012 г.

Письмом от 10 февраля 2016 г. С. проинформирована о начале течения срока передачи квартиры и необходимости заключения договора ее купли-продажи с оплатой дополнительной площади.

29 февраля 2016 г. С. в адрес ответчика направлена претензия о несогласии с доплатой за квартиру в сумме 29 029 долларов США, в которую входит стоимость услуг по оформлению жилого помещения в собственность — 4069 долларов США и 24 960 долларов США — за увеличение площади квартиры на 8 кв.м по курсу на день оплаты.

Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что судебными инстанциями допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права.

В п. 13 Обзора практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2013 г., содержится разъяснение о том, что при рассмотрении дел по спорам, возникающим из правоотношений, основанных на сделках, связанных с передачей гражданам денежных средств и (или) иного имущества в целях строительства многоквартирного дома (иного объекта недвижимости) и последующей передачей жилого помещения в таком многоквартирном доме (ином объекте недвижимости) в собственность, но совершенных в нарушение требований Закона № 214-ФЗ¹, независимо от наименования заключенного сторонами договора следует исходить из существа сделки и фактически сложившихся отношений сторон. В таких случаях, если судом установлено, что сторонами при совершении сделки, не отвечающей указанным требованиям, действительно имелся в виду договор участия в долевом строительстве, к сделке применяются положения Закона № 214-ФЗ, в том числе меры ответственности, им предусмотренные.

В соответствии со ст. 4 Закона № 214-ФЗ по договору участия в долевом строительстве одна сторона (застройщик) обязуется в предусмотренный договором срок своими силами и (или) с привлечением других лиц построить (создать) многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости и после получения разрешения на ввод в эксплуатацию этих объектов передать соответствующий объект долевого строительства участнику долевого строительства, а другая сторона (участник долевого строительства) обязуется уплатить обусловленную договором цену и принять объект долевого строительства при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости.

Согласно ч. 2 ст. 6 данного Федерального закона в случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства застройщик уплачивает участнику долевого строительства неустойку (пеню) в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Банка России, действующей на день исполнения обязательства, от цены договора за каждый день просрочки. Если участником долевого строительства является гражданин, предусмотренная названной частью неустойка (пеня) уплачивается застройщиком в двойном размере. В случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства вследствие уклонения участника долевого строительства от подписания передаточного акта или иного документа о передаче объекта долевого строительства застройщик освобождается от уплаты участнику долевого строительства неустойки (пени) при условии надлежащего исполнения застройщиком своих обязательств по такому договору.

Из установленных судом обстоятельств дела следует, что ответчик является застройщиком, осуществляющим строительство многоквартирного дома, стороны одновременно заключили и договор, именуемый договором займа, и дополнительное соглашение к нему, по которому встречным обязательством ответчика является предоставление истцу квартиры в возводимом ответчиком многоквартирном жилом доме. При этом истцом ответчику внесена сумма, равная стоимости строительства квартиры, с учетом возможности ее корректировки в зависимости от увеличения или уменьшения площади квартиры в процессе строительства, сторонами согласованы параметры строящейся квартиры, а также сроки строительства и передачи квартиры истцу.

Данные обстоятельства судебные инстанции не учли и не применили закон, подлежащий применению к этим отношениям.

Дополнительным соглашением сторон от 3 октября 2011 г. к дополнительному соглашению к договору займа от 23 августа 2011 г. срок окончания строительства изменен на IV квартал 2012 г.

Судом установлено, что письмо о готовности квартиры и необходимости заключения договора ее купли-продажи до 27 апреля 2016 г. с доплатой в размере 29 029 долларов США направлено С. 10 февраля 2016 г. и получено последней 18 февраля 2016 г.

Таким образом, со стороны ответчика имела место просрочка в исполнении обязательства по строительству квартиры и передаче ее истцу.

¹Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», вступивший в силу с 1 апреля 2005 г. (далее по тексту — Закон № 214-ФЗ), в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных отношений.

Между тем требования С. о взыскании неустойки и ее зачете в счет доплаты за увеличение площади квартиры судами не рассмотрены.

В соответствии со ст. 410 ГК РФ обязательство прекращается полностью или частично зачетом встречного однородного требования, срок которого наступил либо срок которого не указан или определен моментом востребования. В случаях, предусмотренных законом, допускается зачет встречного однородного требования, срок которого не наступил. Для зачета достаточно заявления одной стороны.

Право на неустойку согласно приведенным выше положениям Закона № 214-ФЗ возникает у участника строительства с момента нарушения застройщиком предусмотренных договором сроков.

Согласия ответчика на зачет неустойки не требовалось, заявление истца о зачете являлось достаточным, а суду следовало определить размер неустойки, подлежащей зачету.

Отказывая в иске, судебные инстанции не учли, что по условиям договора обязательство о доплате истец должна была исполнить после окончания ответчиком строительства дома и производства обмеров построенной квартиры, это обязательство не было исполнено ею вследствие нарушения ответчиком сроков строительства, а впоследствии — из-за возникшего между сторонами спора.

Поскольку по данному делу возник спор о размере взаимных обязательств сторон по договору, суду следовало определить размер этих обязательств для обеих сторон.

Так, в п. 58 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении” разъяснено, что в случае спора о размере встречного исполнения истца, если суд установит, что неисполнение с его стороны носило незначительный характер, суд вправе удовлетворить иск об исполнении ответчиком обязательства в натуре, определив объем подлежащего истцом исполнения.

Кроме того, при разрешении вопросов, связанных с установлением объема денежных обязательств, судебными инстанциями неправильно применены нормы материального права.

В соответствии с п. 2 ст. 317 ГК РФ в денежном обязательстве может быть предусмотрено, что оно подлежит оплате в рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте или в условных денежных единицах (эко, “специальных правах заимствования” и др.). В этом случае подлежащая уплате в рублях сумма определяется по официальному курсу соответствующей валюты или условных денежных единиц на день платежа, если иной курс или иная дата его определения не установлены законом или соглашением сторон.

При определении дня платежа и, соответственно, курса валюты следует иметь в виду, что согласно ст. 309 названного Кодекса обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований — в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями.

В п. 1 ст. 406 этого же Кодекса установлено, что кредитор считается просрочившим, если он отказался принять предложенное должником

надлежащее исполнение или не совершил действий, предусмотренных законом, иными правовыми актами или договором либо вытекающих из обычаев или из существа обязательства, до совершения которых должник не мог исполнить своего обязательства.

Как указано выше, обязательство о доплате, в том числе за увеличение площади квартиры, истец не могла исполнить до завершения ответчиком строительства и производства обмеров.

Заключая договор, предусматривающий платежи в рублях в сумме, эквивалентной сумме в иностранной валюте, а также дополнительное соглашение к нему, стороны предусмотрели, что строительство будет окончено в IV квартале 2012 г., после чего квартира по договору купли-продажи будет передана истцу в течение 100 дней.

Из установленных судом обстоятельств следует, что со стороны ответчика имела место просрочка в строительстве подлежащего передаче истцу жилого помещения. До окончания строительства платежи истцом совершены быть не могли.

В силу приведенных положений п. 1 ст. 406 ГК РФ убытки, вызванные просрочкой исполнения обязательств, в том числе обусловленные изменением в этот период курса валют, должны быть отнесены на сторону, допустившую такую просрочку, а день платежа должен определяться исходя из условий договора при надлежащем исполнении его стороной, являющейся кредитором в таком денежном обязательстве.

По смыслу приведенных норм права истец не должна быть поставлена в худшее положение, а допустивший просрочку ответчик — в лучшее по сравнению с тем, как если бы ответчик исполнил обязательство добросовестно и в срок.

Определение № 5-КГ17-117

11. Признание указанного в договоре об участии в долевом строительстве жилья срока исполнения обязательства застройщика технической ошибкой (опиской) возможно только лишь в случае, когда будет установлено, что обе стороны договора действительно имели в виду другой срок исполнения обязательства.

П. обратился в суд с иском к застройщику о взыскании неустойки, штрафа, суммы компенсации морального вреда.

В обоснование своих требований истец указал, что стороны заключили договор участия в долевом строительстве, объектом которого является однокомнатная квартира. П. полностью оплатил стоимость объекта долевого строительства. Ссылаясь на неисполнение ответчиком своего обязательства по передаче квартиры в установленный договором срок — 30 декабря 2015 г., истец просил суд взыскать с ответчика в его пользу неустойку, сумму компенсации морального вреда, штраф в размере 50% от суммы, присужденной судом.

Решением суда требования истца удовлетворены частично.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, постановлено новое решение, которым в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

Одним из основополагающих принципов гражданского законодательства является прин-

цип свободы договора, согласно которому граждане и юридические лица свободны в заключении договора (п. 1 ст. 421 ГК РФ).

В соответствии со ст. 422 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами.

По смыслу приведенных выше законоположений свобода договора означает свободу волеизъявления стороны договора на его заключение на определенных сторонами условиях. Стороны договора по собственному усмотрению решают вопросы о заключении договора и его содержании, обязаны исполнять договор надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства.

Статьей 309 ГК РФ предусмотрено, что обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований — в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями.

Согласно ч. 1 ст. 4 Закона № 214-ФЗ одна сторона (застройщик) обязуется в предусмотренный договором срок своими силами и (или) с привлечением других лиц построить (создать) многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости и после получения разрешения на ввод в эксплуатацию этих объектов передать соответствующий объект долевого строительства участнику долевого строительства, а другая сторона (участник долевого строительства) обязуется уплатить обусловленную договором цену и принять объект долевого строительства при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости.

На основании ч. 1 ст. 6 Закона № 214-ФЗ застройщик обязан передать участнику долевого строительства объект долевого строительства не позднее срока, предусмотренного договором и единого для участников долевого строительства, которым застройщик обязан передать объекты долевого строительства, входящие в состав многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости или в состав блок-секции многоквартирного дома, имеющей отдельный подъезд с выходом на территорию общего пользования, за исключением случая, установленного ч. 3 данной статьи, предусматривающей изменение установленного договором срока.

В силу ч. 2 ст. 6 названного Закона в случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства застройщик уплачивает участнику долевого строительства неустойку (пеню) в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Банка России, действующей на день исполнения обязательства, от цены договора за каждый день просрочки. Если участником долевого строительства является гражданин, предусмотренная данной частью неустойка (пеня) уплачивается застройщиком в двойном размере.

Согласно п. 2 ч. 4 ст. 4 Закона № 214-ФЗ договор участия в долевом строительстве должен содержать срок передачи застройщиком объекта долевого строительства участнику долевого строительства.

Из приведенных положений закона следует, что договор участия в долевом строительстве должен содержать условие о сроке передачи застройщиком объекта долевого строительства участни-

ку этого строительства, т.е. это условие является существенным для такого договора.

Обращаясь в суд с иском, П. ссылался на то, что договор долевого участия в строительстве он заключал на условии передачи объекта долевого строительства до 30 декабря 2015 г.

Представитель ответчика Б. с иском не согласилась и в возражениях на иск и своих объяснениях в судебном заседании указала, что в тексте договора допущена описка в дате передачи квартиры, вместо 2016 года ошибочно указан 2015 год.

Исходя из обоснования заявленных исковых требований и возражений против них юридически значимыми и подлежащими выяснению с учетом содержания спорных правоотношений сторон и подлежащих применению норм материального права обстоятельствами по данному делу являлись установление действительного волеизъявления сторон при заключении договора долевого участия в строительстве в части определения срока передачи объекта долевого строительства и надлежащее исполнение сторонами условий этого договора.

При этом единство воли истца и ответчика на установление иной даты передачи квартиры по договору участия в долевом строительстве, чем указанная в договоре, подлежало установлению судом на основании анализа всех фактических обстоятельств, подтверждающих реальность намерений сторон, а также оценки совокупности представленных доказательств.

Эти значимые для правильного разрешения дела обстоятельства судом апелляционной инстанции установлены не были. В нарушение требований ч. 4 ст. 67, ч. 4 ст. 198, пп. 5 и 6 ч. 2 ст. 329 ГПК РФ выводы суда об описке в нумерации года передачи квартиры не мотивированы, соответствующие доказательства не приведены.

Согласно ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. Если указанные правила не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи делового оборота, последующее поведение сторон.

Изложенные в данной норме правила толкования договора подлежат последовательному применению при соблюдении предусмотренных в ней условий.

Следовательно, в случае толкования условий договора путем их сопоставления с другими условиями договора и смыслом договора в целом суду следовало указать, на каком основании он пришел к выводу о неясности толкуемых условий исходя из буквального значения содержащихся в нем слов и выражений, а в случае толкования условий договора путем выяснения действительной воли сторон с учетом цели договора суду следовало указать, в связи с чем он пришел к выводу о невозможности определить содержание договора с использованием других правил его толкования.

При этом в силу приведенных положений ст. 431 ГК РФ подлежала установлению не только

воля застройщика на заключение договора с определенным сроком исполнения, но и воля участника долевого строительства.

Это не было учтено судом апелляционной инстанции, который, толкуя условия договора участия в долевом строительстве о сроке передачи квартиры истцу, не указал, в чем состоит неясность этого условия исходя из буквального значения содержащихся в нем слов в их обычно употребляемом смысле, не установил действительную волю сторон и цели договора с учетом фактических обстоятельств дела, не истолковал условие о сроке этого договора по правилам, изложенным в ст. 431 ГК РФ, и не дал оценку вопросу о том, подлежит ли это условие толкованию исходя из буквального значения содержащихся в нем слов и выражений, иных условий и смысла договора в целом или путем выяснения действительной воли сторон с учетом их взаимоотношений и цели договора.

Кроме того, суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда и признавая наличие в договоре долевого участия в строительстве технической описки, не учел, что данный договор прошел государственную регистрацию, в рамках которой проведена проверка законности сделки и установлено отсутствие противоречий между заявляемыми правами и уже зарегистрированными правами на объект недвижимого имущества, в том числе и в отношении единого срока передачи объекта долевого строительства для всех участников долевого строительства.

Данные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, не получили надлежащей оценки суда апелляционной инстанции.

Определение № 4-КГ17-70

12. Меры ответственности, предусмотренные Законом о защите прав потребителей, применяются к застройщику в части, не урегулированной Законом № 214-ФЗ.

С. обратился в суд с иском к застройщику о взыскании неустойки, штрафа в размере 50% от цены иска, компенсации морального вреда, возложении обязанности устранить недостатки по договору участия в долевом строительстве на территории подземной автостоянки. В обоснование заявленных требований указано, что в 2013 году между С. и ответчиком был заключен договор участия в долевом строительстве жилого комплекса с подземной автостоянкой со встроенно-пристроенными торгово-офисными помещениями и хореографическим центром, по которому застройщик обязался построить и передать в срок не позднее 1 марта 2014 г. два машиноместа. 8 апреля 2015 г. в инспекцию государственного строительного надзора подано коллективное заявление, ответ на которое подтверждает необходимость устранения дефектов и недоделок на объекте долевого строительства. 28 апреля состоялся повторный осмотр объекта, дефекты и недоделки из списка замечаний по состоянию на 10 апреля 2015 г. устранены не были. 2 марта 2016 г. ответчику была направлена претензия, в которой С. просил выплатить сумму неустойки за нарушение сроков устранения недостатков выполненной работы.

Представитель ответчика в судебном заседании исковые требования не признал, просил отказать в их удовлетворении.

Решением суда исковые требования удовлетворены частично.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая С. в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции исходил в том числе из того, что в случае обнаружения в объекте долевого строительства недостатков участнику долевого строительства предоставлены права, предусмотренные ст. 7 Закона № 214-ФЗ, а не права, предусмотренные Законом о защите прав потребителей. Требования, предусмотренных Законом № 214-ФЗ, являющимся специальным по отношению к Закону о защите прав потребителей, С. не предъявлял.

Кроме того, суд апелляционной инстанции указал, что С. не заявлял требование об устранении недостатков в объектах долевого строительства, в связи с чем суд первой инстанции принял решение по не заявленному истцом требованию в нарушение ч. 3 ст. 196 ГПК РФ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с выводом суда апелляционной инстанции не согласилась, указав в том числе следующее.

В соответствии с ч. 9 ст. 4 Закона № 214-ФЗ к отношениям, вытекающим из договора, заключенного гражданином — участником долевого строительства исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, применяется законодательство Российской Федерации о защите прав потребителей в части, не урегулированной данным Законом.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, если при принятии искового заявления суд придет к выводу о том, что избранный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения. В соответствии со ст. 148 ГПК РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора.

По смыслу ч. 1 ст. 196 ГПК РФ суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам. Суд также указывает мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле.

Судом установлено, что между участниками долевого строительства, в их числе и С., и застройщиком неоднократно велись переговоры по вопросам устранения дефектов и недоделок, обнаруженных на подземной парковке.

Таким образом, в случае неисполнения застройщиком требования участника о безвозмездном устранении недостатков объекта долевого строительства подлежат применению нормы Закона о защите прав потребителей, устанавливающие санкции за несвоевременное устранение недостатков товара, в части, не урегулированной специальным законом.

В силу ст. 20 Закона о защите прав потребителей, если срок устранения недостатков товара не определен в письменной форме соглашением сторон, эти недостатки должны быть устранены изготовителем (продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуаль-

ным предпринимателем, импортером) незамедлительно, т.е. в минимальный срок, объективно необходимый для их устранения с учетом обычно применяемого способа. Срок устранения недостатков товара, определяемый в письменной форме соглашением сторон, не может превышать срок пять дней.

Согласно п. 1 ст. 23 Закона о защите прав потребителей за нарушение предусмотренных ст.ст. 20, 21 и 22 данного Закона сроков, а также за невыполнение (задержку выполнения) требования потребителя о предоставлении ему на период ремонта (замены) аналогичного товара продавец (изготовитель, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер), допустивший такие нарушения, уплачивает потребителю за каждый день просрочки неустойку (пеню) в размере одного процента цены товара.

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 разъяснено, что если отдельные виды отношений с участием потребителей регулируются и специальными законами Российской Федерации, содержащими нормы гражданского права (например, договор участия в долевом строительстве, договор страхования, как личного, так и имущественного, договор банковского вклада, договор перевозки, договор энергоснабжения), то к отношениям, возникающим из таких договоров, Закон о защите прав потребителей применяется в части, не урегулированной специальными законами.

Суд апелляционной инстанции не учел названные выше разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, а также то, что положениями Закона № 214-ФЗ вопрос о взыскании штрафа за неудовлетворение требований в добровольном порядке не урегулирован.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 46 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17, при удовлетворении судом требований потребителя в связи с нарушением его прав, установленных Законом о защите прав потребителей, которые не были удовлетворены в добровольном порядке изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером), суд взыскивает с ответчика в пользу потребителя штраф независимо от того, заявлялось ли такое требование суду (п. 6 ст. 13 Закона).

С учетом изложенного С. был вправе потребовать от застройщика устранения недостатков переданных машиномест, выявленных в течение гарантийного срока, а в случае невыполнения указанного требования в установленный законом срок потребовать взыскания с застройщика неустойки.

Определение № 11-КГ17-29

13. Гражданин вправе требовать от застройщика компенсации понесенных им расходов на устранение недостатков объекта долевого строительства в случае, если объект построен с отступлениями от условий договора и (или) установленных в законе обязательных требований, приведшими к ухудшению качества этого объекта.

Такого рода требования, основанные на положениях ч. 2 ст. 7 Закона № 214-ФЗ, могут быть заявлены в течение установленного гарантийного срока.

Общество обратилось в суд в защиту интересов М. с иском к застройщику о возмещении расходов по устранению недостатков выполненных

работ на объекте долевого строительства, взыскании неустойки, штрафа в размере 25% от присужденной судом суммы в пользу М. и 25% в пользу общества, расходов на досудебную экспертизу, компенсации морального вреда.

Судом по делу была назначена строительно-техническая экспертиза. Согласно заключению эксперта отделочные работы, выполненные в квартире М., не соответствуют действующим нормативным требованиям, также была установлена рыночная стоимость ремонта, который необходимо выполнить в результате выявленных дефектов отделочных работ, произведенных застройщиком.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что объект строительства передан истцу застройщиком с недостатками, которые не устранены, руководствуясь при этом ч. 2 ст. 7 Закона № 214-ФЗ, а также принимая во внимание заключение эксперта, проводившего судебную строительно-техническую экспертизу.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и отказал в удовлетворении иска, поскольку пришел к выводу о том, что указанная норма применяется, если в объекте долевого строительства выявлены недостатки, делающие этот объект непригодным для использования. При рассмотрении данного дела, по мнению суда, эта норма применению не подлежит, поскольку выявленные недостатки являются несущественными, т.е. позволяют использовать квартиру в соответствии с условиями договора.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с выводом суда апелляционной инстанции не согласилась по следующим основаниям.

В ч. 1 ст. 7 Закона № 214-ФЗ (здесь и далее нормы Закона приведены в редакции, действовавшей на момент заключения договора участия в долевом строительстве) предусмотрено, что застройщик обязан передать участнику долевого строительства объект долевого строительства, качество которого соответствует условиям договора, требованиям технических регламентов, проектной документации и градостроительных регламентов, а также иным обязательным требованиям.

Согласно ч. 2 ст. 7 Закона № 214-ФЗ в случае, если объект долевого строительства построен (создан) застройщиком с отступлениями от условий договора и (или) указанных в ч. 1 данной статьи обязательных требований, приведшими к ухудшению качества такого объекта, или с иными недостатками, которые делают его непригодным для предусмотренного договором использования, участник долевого строительства, если иное не установлено договором, по своему выбору вправе потребовать от застройщика: 1) безвозмездного устранения недостатков в разумный срок; 2) соразмерного уменьшения цены договора; 3) возмещения своих расходов на устранение недостатков.

В силу ч. 3 ст. 7 Закона № 214-ФЗ в случае существенного нарушения требований к качеству объекта долевого строительства или неустранимых выявленных недостатков в установленный участником долевого строительства разумный срок участник долевого строительства в одностороннем порядке вправе отказаться от исполнения договора и потребовать от застройщика воз-

врата денежных средств и уплаты процентов в соответствии с ч. 2 ст. 9 данного Закона.

В соответствии с ч. 6 ст. 7 Закона № 214-ФЗ участник долевого строительства вправе предъявить застройщику требования в связи с ненадлежащим качеством объекта долевого строительства при условии, если недостатки были выявлены в течение гарантийного срока.

По смыслу указанных выше положений Закона на участник долевого строительства в течение гарантийного срока вправе потребовать от застройщика возмещения своих расходов на устранение недостатков объекта долевого строительства, не только если выявленные недостатки делают объект непригодным для предусмотренного договором использования, но также и в случае, если объект построен (создан) застройщиком с отступлениями от условий договора и (или) указанных в ч. 1 ст. 7 Закона № 214-ФЗ обязательных требований, приведшими к ухудшению качества такого объекта.

Таким образом, вывод суда апелляционной инстанции о том, что норма ч. 2 ст. 7 Закона № 214-ФЗ подлежит применению только в случае обнаружения существенных недостатков, не позволяющих использовать объект долевого строительства по назначению, является ошибочным, следовательно, М. был вправе потребовать от застройщика устранения недостатков объекта строительства, выявленных в течение гарантийного срока.

Согласно договору участия в долевом строительстве объект долевого строительства предполагался к передаче участнику со следующими элементами внутренней отделки и комплектации: полы — линолеум, стены — обои под покраску без последующей окраски. Окраска, побелка; входная дверь — металлическая без внутренней облицовки; межкомнатные двери — деревянные; окна и двери на балкон и (или) лоджия — металлопластиковые изделия; лоджия и (или) балкон застеклены; комплектующие: кухня — мойка металлическая, электроплита; санузел — унитаз (санфаянс), полы — плитка; ванная комната — ванна (металлическая), раковина (санфаянс), счетчики горячей и холодной воды. Ввод в квартиру инженерных сетей — отопления, водоснабжения, канализации, электроснабжения.

Договором участия в долевом строительстве многоквартирного дома предусмотрено, что застройщик обязуется передать участникам долевого строительства объект долевого строительства, качество которого соответствует условиям договора либо, при отсутствии или неполноте условий такого договора, требованиям технических регламентов, проектной документации и градостроительных регламентов, а также иным обязательным требованиям.

По условиям договора участия в долевом строительстве гарантийный срок на объект долевого строительства составляет пять лет. Указанный срок исчисляется со дня передачи объекта долевого строительства участникам долевого строительства.

Судом установлено, что претензию по качеству внутренней отделки М. предъявил обществу в течение гарантийного срока.

Согласно заключению эксперта, проводившего судебную строительно-техническую экспертизу, в спорной квартире имеются недостатки, а именно — отделочные работы, выполненные в ней, не соответствуют действующим нормативным требованиям, в частности пп. 3.12,

3.67, 4.24, 4.39, 4.43 СНИП 3.04.01-87 “Изоляционные и отделочные покрытия”.

Доводам М., а также указанному заключению, положенному в основу решения суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции в нарушение требований гражданско-процессуального законодательства оценки не дал.

Определение № 18-КГ17-222

14. Обязанность представить доказательства, подтверждающие, что замена строительных материалов на эквивалентные по качеству соответствует условиям договора и не привела к ухудшению качества объекта долевого строительства, возлагается на застройщика.

В. обратилась в суд с иском к застройщику об уменьшении цены объекта долевого строительства, о взыскании убытков, понесенных ею в связи с необходимостью получения заключения специалиста, неустойки за неудовлетворение требований потребителя об устранении недостатков работ, компенсации морального вреда, штрафа за неисполнение в добровольном порядке требований потребителя в размере 50% от присужденной суммы, судебных расходов на оплату услуг представителя.

Судом установлено, что между застройщиком и В. заключен договор участия в долевом строительстве.

Стоимость объекта долевого строительства (квартиры) оплачена истицом в полном объеме.

В соответствии с техническим описанием жилого помещения, являющимся неотъемлемой частью договора, в разделе “Конструктивные элементы” в графе “Межкомнатные перегородки” указан материал “кирпич”. Фактически в построенной ответчиком квартире межкомнатные перегородки сделаны из пазогребневых плит.

Претензию В. об устранении недостатков, связанных с межкомнатными перегородками и ненадлежащим прикреплением электрических розеток, застройщик частично удовлетворил, отказав в замене материала межкомнатных перегородок со ссылкой на то, что проектной декларацией, составленной на основе документов, получивших положительное заключение государственной экспертизы, возведение указанных перегородок предусматривалось из пазогребневых плит.

Разрешая спор и удовлетворяя иск В. в части уменьшения цены договора и взыскания стоимости работ, необходимых для приведения квартиры в соответствие с условиями договора, суд первой инстанции, положив в основу заключение эксперта, пришел к выводу о несоответствии материала, из которого возведены в квартире истца межкомнатные перегородки, условиям заключенного между сторонами договора.

Поскольку между сторонами согласован материал, из которого должны быть изготовлены межкомнатные перегородки, судом отклонены возражения ответчика о праве застройщика в соответствии с условиями договора вносить без дополнительного уведомления участника незначительные архитектурные, структурные изменения, а также заменять строительные материалы или оборудование, указанные в проектной документации, на эквивалентные по качеству строительные материалы или оборудование при условии, что по завершении строительства объект долевого строительства будет отвечать требованиям проектной документации.

Суд, установив нарушения прав В. как потребителя, с учетом принципа разумности и справедливости взыскал компенсацию морального

вреда, а также штраф в размере 50% от сумм, присужденных истцу.

Отказывая в удовлетворении требований о взыскании убытков, связанных с обращением к специалисту, суд указал на то, что данные расходы являются судебными, но поскольку по делу была проведена судебная экспертиза, данные расходы истца не являлись необходимыми.

Не установив фактического состава, необходимого для привлечения ответчика к ответственности, предусмотренной п. 3 ст. 30 Закона о защите прав потребителей, суд отказал в иске в части взыскания неустойки.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в иске в полном объеме, суд апелляционной инстанции исходил из того, что, применив пазогребневые плиты для возведения межкомнатных перегородок, ответчик допустил отступление от условий договора. Вместе с тем доказательств, с достаточностью и достоверностью подтверждающих ухудшение в связи с этим качества объекта долевого строительства, материалы дела не содержат, а потому оснований для уменьшения цены квартиры не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 7 Закона № 214-ФЗ застройщик обязан передать участнику долевого строительства объект долевого строительства, качество которого соответствует условиям договора, требованиям технических регламентов, проектной документации и градостроительных регламентов, а также иным обязательным требованиям.

В случае, если объект долевого строительства построен (создан) застройщиком с отступлениями от условий договора (или) указанных выше обязательных требований, приведшими к ухудшению качества такого объекта, или с иными недостатками, которые делают его непригодным для предусмотренного договором использования, участник долевого строительства, если иное не установлено договором, по своему выбору вправе потребовать от застройщика: безвозмездного устранения недостатков в разумный срок; соразмерного уменьшения цены договора; возмещения своих расходов на устранение недостатков (ч. 2 ст. 7 указанного Закона).

По смыслу приведенных правовых норм при установлении факта отступления застройщика от условий договора, предусматривающих возведение межкомнатных перегородок из кирпича, именно на ответчика возлагается обязанность доказывания того обстоятельства, что замена строительных материалов произведена на эквивалентные по качеству, а также что возведение межкомнатных перегородок из пазогребневых плит не привело к ухудшению качества объекта долевого строительства.

Однако суд в нарушение положений ст. 56 ГПК РФ возложил обязанность по доказыванию факта некачественного строительства объекта на истца-потребителя, тогда как бремя доказывания надлежащего исполнения обязательства возлагается на застройщика.

Суд апелляционной инстанции не указал в своем определении, на каких доказательствах основан вывод о том, что изменение используемого застройщиком материала не привело к ухудшению качества перегородки и, соответственно, квартиры, в связи с чем данное утверждение при-

знано Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ необоснованным, а апелляционное определение — не соответствующим положениям ст.ст. 198 и 329 ГПК РФ.

Определение № 31-КГ17-11

Разрешение споров, связанных с осуществлением трудовой (служебной) деятельности

15. Если отношения сторон фактически складываются как трудовые, то независимо от их юридического оформления к таким отношениям применяются положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права.

Н. и Е. обратились в суд с иском к обществу о признании заключенными с ними трудовых договоров, об обязанности оформить трудовые договоры с указанием места работы, трудовой функции, оплаты труда, условия о том, что работа выполняется в опасных условиях труда с обязательным социальным страхованием работника, о возложении обязанности рассчитать и внести страховые взносы на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, на обязательное пенсионное и обязательное медицинское страхование, возложении обязанности внести в трудовую книжку записи о приеме на работу и об увольнении по п. 2 ст. 77 ТК РФ (истечение срока трудового договора), возложении обязанности составить и выдать Н. акт о несчастном случае на производстве по форме Н-1.

В обоснование заявленных требований Н. и его сын Е. указали, что в апреле 2015 г. они были приглашены на работу в общество. На собеседовании им было сообщено о месте исполнения ими трудовых обязанностей в период с 6 мая по 30 июня 2015 г. включительно. После прохождения обучения и проверки на знание правил безопасности эксплуатации электроустановок потребителя им были присвоены группы по электробезопасности, дающие право на работу с электрооборудованием.

Н. прошел аттестацию в аттестационной комиссии на должность бригадира электромонтажников. Стороны согласовали размер заработной платы, круг должностных обязанностей. Истцы сдали трудовые книжки ответчику для оформления трудовых отношений, получили по 10 тыс. рублей каждый в качестве суточных. Перед выездом к месту работы им вручили проездные билеты и договоры подряда.

Н. работал бригадиром электромонтажников. В круг его обязанностей входило проведение инструктажа и стажировки работников ответчика, распределение работы между электромонтажниками, контроль за выполненной работой, что подтверждается записями в журнале.

Е. работал электромонтажником, выполнял работу по монтажу электрооборудования под непосредственным руководством Н. и инженера контрольно-измерительных приборов и автоматики. 27 июня 2015 г. Н., находясь на рабочем месте и выполняя свои трудовые обязанности, получил травму на производстве.

В связи с обращением Н. в государственную инспекцию труда было проведено расследование, по результатам которого составлен акт расследования несчастного случая, в котором указано на наличие признаков трудового договора, заключенного сторонами. В рамках названного расследования руководитель общества С. дал письменные пояснения, согласно которым ист-

цы с обществом в трудовых отношениях не состояли, между сторонами имели место гражданско-правовые отношения. С этим истцы не согласны со ссылкой на акт расследования несчастного случая, в соответствии с которым договор подряда, заключенный с Н., носит признаки трудового договора. Истцы считали, что доказательством заключения между сторонами именно трудового договора является то, что с Н. был проведен инструктаж на рабочем месте, стажировка, аттестация, проверка знаний, истцы не являются самостоятельными хозяйствующими субъектами, работали в составе коллектива, подчинялись установленному трудовому распорядку, их деятельность контролировал работодатель. Отказ от ответчика в оформлении трудового договора нарушает права истцов на получение бесплатной медицинской помощи за счет страховых взносов, на учет стажа работы по специальности, а следовательно, права на получение пенсии, на социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, на компенсацию морального вреда.

Решением суда искивые требования Н. и Е. удовлетворены.

Апелляционным определением решение суда по данному делу отменено. Принято новое решение об отказе в удовлетворении искивых требований.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 4 ст. 11 ТК РФ, если отношения, связанные с использованием личного труда, возникли на основании гражданско-правового договора, но впоследствии в порядке, установленном данным Кодексом, другими федеральными законами, были признаны трудовыми отношениями, к таким отношениям применяются положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права.

Трудовые отношения — отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы) в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором. Заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения между работником и работодателем, не допускается (ст. 15 ТК РФ).

В силу ст. 56 ТК РФ трудовой договор — соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением, своевременно и в полном размере выплачивать

работнику заработную плату, а работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию в интересах, под управлением и контролем работодателя, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя.

В ст. 57 ТК РФ приведены требования к содержанию трудового договора, в частности, указываются: фамилия, имя, отчество работника и наименование работодателя (фамилия, имя, отчество работодателя — физического лица), заключивших трудовой договор, место и дата заключения трудового договора. Обязательными для включения в трудовой договор являются следующие условия: место работы; трудовая функция (работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы); дата начала работы, а в случае, когда заключается срочный трудовой договор, — также срок его действия и обстоятельства (причины), послужившие основанием для заключения срочного трудового договора в соответствии с данным Кодексом или иным федеральным законом; условия оплаты труда (в том числе размер тарифной ставки или оклада (должностного оклада) работника, доплаты, надбавки и поощрительные выплаты); режим рабочего времени и времени отдыха (если для данного работника он отличается от общих правил, действующих у данного работодателя); гарантии и компенсации за работу с вредными и (или) опасными условиями труда, если работник принимается на работу в соответствующих условиях, с указанием характеристик условий труда на рабочем месте, условия, определяющие в необходимых случаях характер работы (подвижной, разъездной, в пути, другой характер работы); условия труда на рабочем месте; условие об обязательном социальном страховании работника в соответствии с Кодексом и иными федеральными законами.

Трудовой договор вступает в силу со дня его подписания работником и работодателем, если иное не установлено названным Кодексом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации или трудовым договором, либо со дня фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя (ч. 1 ст. 61 ТК РФ).

Трудовой договор заключается в письменной форме, составляется в двух экземплярах, каждый из которых подписывается сторонами (ч. 1 ст. 67 ТК РФ).

Трудовой договор, не оформленный в письменной форме, считается заключенным, если работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя. При фактическом допущении работника к работе работодатель обязан оформить с ним трудовой договор в письменной форме не позднее трех рабочих дней со дня фактического допущения работника к работе, а если отношения, связанные с использованием личного труда, возникли на основании гражданско-правового договора, но впоследствии были признаны трудовыми отношениями, — не позднее трех рабочих дней со дня признания этих отношений трудовыми отношениями, если иное не установлено судом (ч. 2 ст. 67 ТК РФ).

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в п. 2.2 Опре-

деления от 19 мая 2009 г. № 597-О-О, в целях предотвращения злоупотреблений со стороны работодателей и фактов заключения гражданско-правовых договоров вопреки намерению работника заключить трудовой договор, а также достижения соответствия между фактически складывающимися отношениями и их юридическим оформлением федеральный законодатель предусмотрел в ч. 4 ст. 11 ТК РФ возможность признания в судебном порядке наличия трудовых отношений между сторонами, формально связанными договором гражданско-правового характера, и установил, что к таким случаям применяются положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права. Суды общей юрисдикции, разрешая подобного рода споры и признавая сложившиеся отношения между работодателем и работником либо трудовыми, либо гражданско-правовыми, должны не только исходить из наличия (или отсутствия) тех или иных формализованных актов (гражданско-правовых договоров, штатного расписания и т.п.), но и устанавливать, имелись ли в действительности признаки трудовых отношений и трудового договора, указанные в ст.ст. 15, 56 ТК РФ.

Из приведенных в этих статьях определений понятий “трудовые отношения” и “трудовой договор” не вытекает, что единственным критерием для квалификации сложившихся отношений в качестве трудовых является осуществление лицом работы по должности в соответствии со штатным расписанием, утвержденным работодателем, — наличие именно трудовых отношений может быть подтверждено ссылками на тарифно-квалификационные характеристики работы, должностные инструкции и любым документальным или иным указанием на конкретную профессию, специальность, вид поручаемой работы. Таким образом, по смыслу ст.ст. 11, 15 и 56 ТК РФ во взаимосвязи с положением ч. 2 ст. 67 Кодекса, согласно которому трудовой договор, не оформленный в письменной форме, считается заключенным, если работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его представителя, отсутствие в штатном расписании должности само по себе не исключает возможности признания в каждом конкретном случае отношений между работником, заключившим договор и исполняющим трудовые обязанности с ведома или по поручению работодателя или его представителя, трудовыми — при наличии в этих отношениях признаков трудового договора.

Согласно разъяснениям, содержащимся в абз. 3 п. 8 и в абз. 2 п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 “О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации”, если между сторонами заключен договор гражданско-правового характера, однако в ходе судебного разбирательства будет установлено, что этим договором фактически регулируются трудовые отношения между работником и работодателем, к таким отношениям в силу ч. 4 ст. 11 ТК РФ должны применяться положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права. Если трудовой договор не был оформлен надлежащим образом, однако работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного представителя, то трудовой договор считается заключенным и работодатель или его уполномоченный представитель обязан не позднее трех рабочих дней со дня фактического допущения к ра-

боте оформить трудовой договор в письменной форме (ч. 2 ст. 67 ТК РФ).

Приведенные нормы трудового законодательства, определяющие понятие трудовых отношений, их отличительные признаки и особенности, форму трудового договора и его содержание, механизмы осуществления прав работника при разрешении споров с работодателем по квалификации сложившихся отношений в качестве трудовых, судом апелляционной инстанции применены неправильно, без учета правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в п. 2.2 Определения от 19 мая 2009 г. № 597-О-О, и разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2.

Вследствие неправильного применения норм трудового законодательства суд апелляционной инстанции отдал приоритет юридическому оформлению отношений между истцами и ответчиком, не выясняя при этом, имелись ли в действительности между сторонами признаки трудовых отношений и трудового договора, указанные в ст.ст. 15 и 56 ТК РФ, и не было ли со стороны ответчика злоупотребления при заключении договора подряда вопреки намерению работников как экономически более слабой стороны заключить трудовой договор.

При этом вывод о наличии между сторонами гражданско-правовых отношений по договору подряда сделан судом апелляционной инстанции без применения норм Гражданского кодекса РФ о договоре подряда (глава 37), без установления его содержания и признаков в сравнении с трудовым договором и трудовыми отношениями.

Так, в соответствии со ст. 702 ГК РФ по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его.

Договор подряда заключается на изготовление или переработку (обработку) вещи либо на выполнение другой работы с передачей ее результата заказчику (п. 1 ст. 703 ГК РФ).

Заказчик обязан в сроки и в порядке, которые предусмотрены договором подряда, с участием подрядчика осмотреть и принять выполненную работу (ее результат), а при обнаружении отступлений от договора, ухудшающих результат работы, или иных недостатков в работе немедленно заявить об этом подрядчику (п. 1 ст. 720 ГК РФ).

Из содержания данных норм Гражданского кодекса РФ следует, что договор подряда заключается для выполнения определенного вида работы, результат которой подрядчик обязан сдать, а заказчик принять и оплатить. Следовательно, целью договора подряда является не выполнение работы как таковой, а получение результата, который может быть передан заказчику. Получение подрядчиком определенного передаваемого (т.е. материализованного, отделяемого от самой работы) результата позволяет отличить договор подряда от других договоров.

От трудового договора договор подряда отличается предметом договора, а также тем, что подрядчик сохраняет положение самостоятельного хозяйствующего субъекта, в то время как по трудовому договору работник принимает на себя обязанность выполнять работу по определенной трудовой функции (специальности, квалификации, должности), включается в состав персонала работодателя, подчиняется установленному режиму труда и работает под контролем и руководством работодателя;

подрядчик работает на свой риск, а лицо, работающее по трудовому договору, не несет риска, связанного с осуществлением своего труда.

В обоснование исковых требований Н. и Е. ссылались на то, что они работали как члены коллектива общества, в договорах и выданных им удостоверениях были определены место их работы и должности, порядок оплаты труда, они подчинялись установленному трудовому распорядку и их деятельность контролировал работодатель, с ними проведен инструктаж, они прошли стажировку, аттестацию по проверке знаний правил безопасности эксплуатации электроустановок потребителя. В подтверждение своих доводов истцы представили суду соответствующие доказательства.

Однако суд апелляционной инстанции, перечислив доводы сторон спора и доказательства, не отразил в судебном постановлении мотивы, по которым одни доказательства приняты им в качестве средств обоснования выводов суда, а другие доказательства отвергнуты, и основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими.

При таких обстоятельствах выводы суда апелляционной инстанции о возникновении между истцами и ответчиком гражданско-правовых отношений и в связи с этим об отсутствии обязанности у общества по уплате страховых взносов на обязательное социальное страхование Н. и Е. от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, на обязательное пенсионное и обязательное медицинское страхование и выдаче Н. акта о несчастном случае на производстве по форме Н-1 и об отказе в удовлетворении исковых требований признаны Судебной коллегией по гражданским делам РФ неправомерными.

Определение № 66-КГ17-10

16. Заключение срочного служебного контракта с сотрудником, достигшим предельного возраста пребывания на службе, исключает возможность увольнения такого сотрудника до истечения срока продления службы по инициативе его руководителя по основанию достижения им предельного возраста пребывания на службе.

М., 1969 года рождения, обратился в суд с иском к федеральному государственному казенному учреждению “1 отряд федеральной противопожарной службы по Кемеровской области” (далее — ФПС) о признании незаконным приказа об увольнении, восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований М. указал, что был принят на службу в ФПС водителем I класса. По достижении им предельного возраста пребывания на службе (45 лет) с ним 1 марта 2014 г. был заключен срочный контракт о службе на срок до 19 марта 2020 г.

19 декабря 2015 г. М. было вручено уведомление об увольнении на основании ст. 59 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного постановлением Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 (в связи с достижением предельного возраста пребывания на службе). Однако приказ о его увольнении издан не был, и он продолжил службу.

27 июля 2016 г. М. вновь было вручено уведомление об увольнении в связи с достижением предельного возраста пребывания на службе, которым он был поставлен в известность о предстоящем увольнении по указанному основанию 3 октября 2016 г.

Приказом ФПС от 24 октября 2016 г. М. уволен со службы по п. 2 ч. 1 ст. 83 Федерального за-

кона “О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (по достижении сотрудником предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе) с 24 октября 2016 г.

М. полагал увольнение по указанному основанию неправомерным, поскольку после достижения им предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе (45 лет) с ним был заключен срочный контракт о прохождении службы до 19 марта 2020 г., срок которого на момент его увольнения не истек, военном-врачебной комиссией он признан годным к прохождению государственной службы.

Представитель ответчика в суде иск не признал.

Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Отношения, связанные с поступлением на службу в федеральную противопожарную службу Государственной противопожарной службы, ее прохождением и прекращением, а также с определением правового положения сотрудника противопожарной службы, урегулированы Федеральным законом от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ “О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Федеральный закон № 141-ФЗ, Закон), вступившим в силу с 23 мая 2016 г., за исключением ч. 1 ст. 90 этого Закона, которая вступает в силу с 1 января 2022 г.

Согласно ч. 1 ст. 20 Закона правоотношения на службе в федеральной противопожарной службе между Российской Федерацией и гражданином возникают и осуществляются на основании контракта о прохождении службы в федеральной противопожарной службе, который заключается в соответствии с этим федеральным законом и вступает в силу со дня, определенного приказом руководителя федерального органа исполнительной власти в области пожарной безопасности или уполномоченного руководителя о назначении гражданина на должность либо о переводе сотрудника федеральной противопожарной службы на иную должность в федеральной противопожарной службе.

Контракт может заключаться на неопределенный срок или на определенный срок (ч. 2 ст. 22 Закона).

Контракт, заключенный на неопределенный срок, действует до достижения сотрудником предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе, кроме случаев, установленных Федеральным законом № 141-ФЗ (ч. 3 ст. 22 Закона).

Статьей 90 Федерального закона № 141-ФЗ в зависимости от специального звания установлен различный предельный возраст пребывания на службе в федеральной противопожарной службе.

Так, согласно названной норме Закона такой возраст для сотрудника, имеющего специальное звание генерал-полковника внутренней службы, составляет 65 лет, для сотрудника, имеющего специальное звание генерал-лейтенанта внут-

ренной службы или генерал-майора внутренней службы, — 60 лет, для сотрудника, имеющего специальное звание полковника внутренней службы, — 55 лет, для сотрудника, имеющего иное специальное звание, — 50 лет.

При этом ч. 6 ст. 95 Федерального закона № 141-ФЗ определено, что со дня официального опубликования указанного Федерального закона и до 1 января 2022 г. устанавливается следующий предельный возраст пребывания на службе в федеральной противопожарной службе: для сотрудника, имеющего специальное звание генерал-полковника внутренней службы, — 60 лет (п. 1 ч. 6 ст. 95 Закона); для сотрудника, имеющего специальное звание генерал-лейтенанта внутренней службы или генерал-майора внутренней службы, — 55 лет (п. 2 ч. 6 ст. 95 Закона); для сотрудника, имеющего специальное звание полковника внутренней службы, — 50 лет (п. 3 ч. 6 ст. 95 Закона); для сотрудника, имеющего иное специальное звание, — 45 лет (п. 4 ч. 6 ст. 95 Закона).

Достижение сотрудником федеральной противопожарной службы предельного возраста пребывания на службе является основанием для расторжения контракта и увольнения сотрудника со службы в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы (п. 2 ч. 1 ст. 83 Федерального закона № 141-ФЗ).

Вместе с тем Закон предоставляет возможность продления такому сотруднику времени пребывания на службе путем заключения контракта на определенный срок.

Так, согласно ч. 3 ст. 90 Федерального закона № 141-ФЗ с сотрудником федеральной противопожарной службы, достигшим предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе, имеющим положительную последнюю аттестацию и соответствующим требованиям к состоянию здоровья сотрудников в соответствии с заключением военно-врачебной комиссии, с его согласия и по его рапорту может заключаться новый контракт, но не более чем на пять лет после достижения предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе.

В п. 10 ч. 5 ст. 22 Федерального закона № 141-ФЗ установлено, что контракт на определенный срок заключается с сотрудником федеральной противопожарной службы, достигшим предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе, на период, определяемый в соответствии со ст. 90 этого Закона.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 83 Федерального закона № 141-ФЗ контракт прекращается и сотрудник федеральной противопожарной службы может быть уволен со службы после истечения срока действия контракта.

Аналогичные положения о порядке прохождения службы в федеральной противопожарной службе при достижении сотрудником предельного возраста пребывания на службе были предусмотрены Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденным постановлением Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 (далее — Положение о службе в органах внутренних дел), которое распространялось на сотрудников федеральной противопожарной службы в силу ст. 2 Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2001 г. № 1309 “О совершенствовании государственного управления в области пожарной безопасности” и

действовало до вступления в силу Федерального закона № 141-ФЗ. Указанное положение действовало в том числе на момент принятия решения о продлении М. срока службы сверх достижения им предельного возраста пребывания на службе и заключения с ним 1 марта 2014 г. контракта о прохождении им службы до 19 марта 2020 г.

Так, согласно п. “б” ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел сотрудники органов внутренних дел могут быть уволены со службы по достижении предельного возраста, установленного ст. 59 Положения.

В соответствии с ч. 1 ст. 59 Положения о службе в органах внутренних дел сотрудники органов внутренних дел, имеющие специальные звания рядового и младшего начальствующего состава, могут состоять на службе в органах внутренних дел до достижения ими 45-летнего возраста.

Частью 3 ст. 59 Положения о службе в органах внутренних дел также предусмотрено, что сотрудники органов внутренних дел, достигшие предельного возраста, установленного данной статьей для службы в органах внутренних дел, подлежат увольнению, за исключением случаев, предусмотренных законом и данным Положением.

В интересах службы при положительной аттестации и отсутствии медицинских противопоказаний сотрудники органов внутренних дел в персональном порядке и с их согласия могут быть оставлены на службе сверх установленного предельного возраста на срок до пяти лет начальниками, которым предоставлено право назначения на должности этих сотрудников (ч. 4 ст. 59 Положения о службе в органах внутренних дел).

Решение о продлении срока оставления на службе не исключает возможности увольнения сотрудника органов внутренних дел по основаниям, предусмотренным Положением (ч. 6 ст. 59 Положения о службе в органах внутренних дел).

С целью определения порядка прохождения службы сотрудниками федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы приказом Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий от 3 ноября 2011 г. № 668 была утверждена Инструкция о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в системе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

В п. 160 названной Инструкции было определено, что решения об оставлении сотрудника на службе сверх установленного для него предельного возраста принимаются руководителями, имеющими право назначения этих сотрудников на должность, путем утверждения персональных списков. Списки сотрудников, оставляемых на службе сверх установленного возраста, составляются кадровыми подразделениями ежегодно к первому марта. Они составляются отдельно для сотрудников, которым срок службы продлевается впервые и повторно, на основании их рапортов и ходатайств непосредственных начальников. В ходатайствах излагаются выводы последней аттестации, краткая характеристика деловых и нравственных качеств сотрудника, иные сведения и обстоятельства, которые могут иметь значение для принятия решения, а также указывается, до

какой даты (месяц, год) предлагается оставить сотрудника на службе в МЧС России. Сотрудники до продления сроков службы проходят военно-врачебную комиссию по направлению кадрового подразделения в медицинском подразделении по месту их прикрепления. Военно-врачебной комиссией в установленном порядке дается оценка состояния здоровья сотрудника, свидетельствующая об отсутствии у него противопоказаний для службы. Принятые решения об оставлении сотрудников на службе сверх установленного для них предельного возраста или отказе (с указанием причин) в этом объявляются сотрудникам лично непосредственными руководителями. Утвержденные персональные списки направляются в кадровое подразделение по месту службы сотрудников и хранятся в прошитом и пронумерованном виде. На основании поступивших документов в личных делах сотрудников, оставленных на службе, в раздел 10 послужного списка вносится соответствующая запись. Материалы по продлению срока службы приобщаются к личным делам сотрудников.

Из приведенных норм материального права в их системной взаимосвязи следует, что по общему правилу сотрудник федеральной противопожарной службы, достигший предельного возраста пребывания на службе, подлежит увольнению. Вместе с тем в интересах службы по решению уполномоченного руководителя органа федеральной противопожарной службы, которому предоставлено право назначения на соответствующие должности, срок службы сотрудника с его согласия при положительной аттестации и отсутствии медицинских противопоказаний может быть продлен на срок до пяти лет. В случае продления сотруднику, достигшему предельного возраста, срока пребывания на службе он продолжает службу в федеральной противопожарной службе с учетом срока продления, что исключает возможность увольнения такого сотрудника до истечения срока продления службы по инициативе руководителя соответствующего учреждения или органа федеральной противопожарной службы по п. 2 ч. 1 ст. 83 Федерального закона № 141-ФЗ (в связи с достижением предельного возраста пребывания на службе в федеральной противопожарной службе).

Между тем судебные инстанции вследствие ошибочного толкования норм материального права, регулирующих основания и порядок увольнения сотрудника федеральной противопожарной службы, достигшего предельного возраста пребывания на службе, в случае заключения с ним срочного контракта после достижения таким сотрудником предельного возраста пребывания на службе, пришли к неправильному выводу о том, что руководитель органа федеральной противопожарной службы при достижении сотрудником предельного возраста пребывания на службе имеет право расторгнуть с таким сотрудником контракт по п. 2 ч. 1 ст. 83 Федерального закона № 141-ФЗ независимо от того, что с данным сотрудником уже после достижения им предельного возраста пребывания на службе был заключен контракт на определенный срок о прохождении службы в федеральной противопожарной службе.

Кроме того, судами при разрешении спора не учтены положения ст. 95 Федерального закона № 141-ФЗ, которыми регламентирован порядок применения этого Закона к правоотношениям, возникшим до дня вступления его в силу.

Так, согласно ч. 4 ст. 95 Федерального закона № 141-ФЗ сотрудники федеральной противопожарной службы, проходившие службу на должностях в федеральной противопожарной службе до дня вступления в силу данного Федерального закона без заключения контракта или на основании контракта, проходят с их согласия службу на замещаемых должностях с оформлением контракта в соответствии со ст.ст. 21—23 этого Закона. Сотрудники, проходившие службу в федеральной противопожарной службе до дня вступления в силу названного Федерального закона на основании срочного контракта, проходят с их согласия службу до окончания его действия с оформлением срочного контракта в соответствии со ст.ст. 21—23 Закона. Сотрудники, отказавшиеся оформлять контракт в соответствии с поименованной выше статьей, увольняются со службы в федеральной противопожарной службе по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 2 ст. 83 этого Закона.

Из изложенной нормы Закона следует, что, если сотрудник проходил службу в федеральной противопожарной службе на основании срочного контракта до дня вступления в силу Федерального закона № 141-ФЗ, т.е. до 23 мая 2016 г., такой сотрудник с его согласия проходит службу до окончания действия срочного контракта, заключенного до дня вступления в силу Федерального закона № 141-ФЗ. При этом срочный контракт, заключенный до дня вступления в силу Федерального закона № 141-ФЗ, подлежит переоформлению в соответствии с требованиями ст.ст. 21—23 названного Закона. Сотрудники, отказавшиеся переоформлять срочный контракт, подлежат увольнению по п. 3 ч. 2 ст. 82 Федерального закона № 141-ФЗ (в связи с изменением условий контракта и отказом сотрудника от продолжения службы в федеральной противопожарной службе).

Как установлено судом и следует из материалов дела, на момент вступления в силу Федерального закона № 141-ФЗ М. уже проходил службу в федеральной противопожарной службе на основании срочного контракта, заключенного с ним 1 марта 2014 г. на срок до 19 марта 2020 г.

Данных о том, что в связи со вступлением в силу Федерального закона № 141-ФЗ М. отказался переоформить срочный контракт, в деле не имеется.

Ссылка суда апелляционной инстанции в обоснование вывода о законности увольнения М. со службы в федеральной противопожарной службе на отсутствие положительного решения Центральной аттестационной комиссии о продлении М. срока службы сверх установленного предельного возраста пребывания на службе также признана незаконной.

Согласно п. 7 приложения № 2 к приказу МЧС России от 24 июля 2014 г. № 385 «Полномочия должностных лиц Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по назначению на должности, освобождению от должностей, присвоению специальных званий и прекращению службы в отношении сотрудников федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы» (данный приказ действовал на момент принятия решения об увольнении М. со службы и до издания приказа МЧС России от 10 мая 2017 г. № 209 «Об утверждении полномочий должностных лиц в системе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации

последствий стихийных бедствий по назначению на должности, переводу по службе и прекращению службы сотрудниками федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы”) вопросы, связанные с присвоением специальных званий высшего начальствующего состава, очередных специальных званий досрочно или на ступень выше специального звания, предусмотренного по занимаемой штатной должности, с оставлением на службе сверх установленного предельного возраста пребывания на службе, с поступлением на службу и (или) назначением на должности в центральном аппарате МЧС России, начальников (первых заместителей, заместителей начальников) региональных центров, начальников (первых заместителей начальников) главных управлений, начальников учреждений (организаций) МЧС России центрального подчинения, первых заместителей (заместителей) начальников образовательных организаций высшего образования МЧС России, заместителей начальников научных организаций МЧС России, рассматриваются на заседаниях Центральной аттестационной комиссии МЧС России.

Иные вопросы, связанные с прохождением службы сотрудниками, рассматриваются на заседаниях аттестационных комиссий структурного подразделения центрального аппарата МЧС России, осуществляющего руководство деятельностью специальных подразделений, региональных центров, главных управлений, подразделений ФПС ГПС, иных учреждений (организаций) МЧС России и их филиалов, где проходят службу сотрудники.

Приказом МЧС России от 23 мая 2012 г. № 280 утверждены Правила аттестации руководящего состава Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по вопросам гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах.

К полномочиям Центральной аттестационной комиссии МЧС России согласно п. 7 названных Правил отнесены в числе других вопросы, связанные с рассмотрением материалов о продлении срока службы сверх установленного предельного возраста пребывания на службе должностным лицам специальных подразделений федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, аварийно-спасательных служб, аварийно-спасательных формирований.

В отношении иных сотрудников материалы о продлении срока службы сверх установленного предельного возраста пребывания на службе рассматриваются аттестационными комиссиями территориальных органов МЧС России и организаций МЧС России (п. 16 указанных выше Правил).

Таким образом, к компетенции Центральной аттестационной комиссии МЧС России относятся в том числе вопросы, связанные с оставлением на службе сверх установленного предельного возраста пребывания на службе руководящего состава МЧС России.

Между тем М., занимавший должность водителя I класса пожарно-спасательной части и имеющий специальное звание “старший сержант внутренней службы”, к руководящему составу МЧС России не относится.

Определение № 81-КГ17-19

Разрешение споров, связанных с пенсионным обеспечением

17. Право на выплату пенсии по случаю потери кормильца имеют дети умершего кормильца, обучающиеся по очной форме обучения по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе в иностранных организациях, расположенных за пределами территории Российской Федерации, независимо от способа поступления таких лиц в иностранные образовательные организации (самостоятельно либо по направлению в соответствии с международным договором Российской Федерации) до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет.

М. обратилась в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконным решения комиссии по рассмотрению вопросов реализации пенсионных прав граждан об отказе в назначении страховой пенсии по случаю потери кормильца и об обязанности пенсионного органа назначить ей страховую пенсию по случаю потери кормильца.

В обоснование заявленных требований М. указала, что ранее пенсионным органом ей выплачивалась страховая пенсия по случаю потери кормильца, однако в связи с достижением ею возраста 18 лет выплата данной пенсии была прекращена с 1 сентября 2016 г.

М. обратилась в пенсионный орган с заявлением о назначении ей страховой пенсии по случаю потери кормильца до окончания обучения по очной форме обучения в организации, осуществляющей образовательную деятельность, представив справку об обучении с 1 сентября 2016 г. в государственном медицинском колледже, расположенном на территории Республики Казахстан.

Решением пенсионного органа отказано в назначении страховой пенсии по случаю потери кормильца, так как она самостоятельно обучается в иностранном образовательном учреждении, т.е. без направления на обучение в соответствии с международным договором Российской Федерации.

По мнению М., решение пенсионного органа об отказе в назначении ей страховой пенсии по случаю потери кормильца нарушает ее право как нетрудоспособного члена семьи умершего кормильца на пенсионное обеспечение.

Решением суда искивые требования М. удовлетворены. Суд признал незаконным решение пенсионного органа об отказе в назначении страховой пенсии по случаю потери кормильца и возложил на пенсионный орган обязанность назначить М. страховую пенсию по случаю потери кормильца (возобновить выплату пенсии) до окончания обучения, но не дольше чем до достижения ею возраста 23 лет.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение, которым в удовлетворении исковых требований М. отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменяя апелляционное определение и оставляя в силе решение суда первой инстанции, указала следующее.

Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавлива-

ются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (ст. 7 Конституции Российской Федерации).

Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации).

Каждый имеет право на образование (ч. 1 ст. 43 Конституции Российской Федерации).

Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию (ч. 2 ст. 27 Конституции Российской Федерации).

Согласно ст. 18 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Пунктом 1 ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, принятого 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, установлено, что участвующие в Пакте государства признают право каждого человека на образование. Они соглашаются, что образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и сознания ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным свободам (документ вступил в силу для СССР с 3 января 1976 г.).

В Российской Федерации основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования закреплены в ст. 3 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ “Об образовании в Российской Федерации”, к числу которых отнесено обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования; свобода выбора получения образования согласно склонностям и потребностям человека, создание условий для самореализации каждого человека, свободное развитие его способностей, включая предоставление права выбора форм получения образования, форм обучения, организации, осуществляющей образовательную деятельность, направленности образования в пределах, предоставленных системой образования, а также предоставление педагогическим работникам свободы в выборе форм обучения, методов обучения и воспитания (пп. 2 и 7 ч. 1 ст. 3).

Кроме того, каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (ч. 1 ст. 39 Конституции Российской Федерации).

В ст. 9 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”, действовавшего до 1 января 2015 г., было предусмотрено, что право на трудовую пенсию по случаю потери кормильца имеют нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, состоявшие на его иждивении (за исклю-

чением лиц, совершивших умышленное уголовное наказание деяние, повлекшее за собой смерть кормильца и установленное в судебном порядке).

Нетрудоспособными членами семьи умершего кормильца признавались в том числе дети умершего кормильца, не достигшие возраста 18 лет, а также дети умершего кормильца, обучающиеся по очной форме по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе в иностранных организациях, расположенных за пределами территории Российской Федерации, если направление на обучение произведено в соответствии с международными договорами Российской Федерации, до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет (подп. 1 п. 2 ст. 9 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ).

С 1 января 2015 г. вступил в силу Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ “О страховых пенсиях”, согласно ч. 1 ст. 10 которого право на страховую пенсию по случаю потери кормильца имеют нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, состоявшие на его иждивении (за исключением лиц, совершивших уголовное наказание деяние, повлекшее за собой смерть кормильца и установленное в судебном порядке).

В ч. 2 ст. 10 указанного Федерального закона определен круг лиц, которые признаются нетрудоспособными членами семьи умершего кормильца, в их числе названы дети умершего кормильца, не достигшие возраста 18 лет, а также дети умершего кормильца, обучающиеся по очной форме обучения по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе в иностранных организациях, расположенных за пределами территории Российской Федерации, если направление на обучение произведено в соответствии с международными договорами Российской Федерации, до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет (п. 1 ч. 2 ст. 10 Федерального закона “О страховых пенсиях”).

В Законе РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей” (далее — Закон от 12 февраля 1993 г. № 4468-1) также содержится норма, устанавливающая право на пенсию по случаю потери кормильца нетрудоспособных членов семьи умерших (погибших) военнослужащих и приравненных к ним лиц, в частности детей умершего (погибшего) кормильца, не достигших возраста 18 лет или старше этого возраста, если они стали инвалидами до достижения 18 лет, а также проходящих обучение в образовательных организациях по очной форме (за исключением образовательных организаций, обучение в которых связано с поступлением на военную службу или службу в органах внутренних дел), — до окончания обучения, но не более чем до достижения ими 23-летнего возраста (п. “а” ч. 3 ст. 29).

Конституционным Судом РФ 27 ноября 2009 г. принято Постановление № 18-П по делу о проверке конституционности п. “а” ч. 3 ст. 29 Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-1, п. 3 ст. 57 Закона РФ “Об образовании” и подп. 1 п. 2 ст. 9 Федерального закона “О трудовых пенсиях в

Российской Федерации” в связи с жалобой гражданки Лаппы Н.С.

Пунктом 3 ст. 57 Закона РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 “Об образовании”, действовавшего на момент рассмотрения Конституционным Судом РФ жалобы гражданки Лаппы Н.С., было предусмотрено, что обучение, подготовка и повышение квалификации иностранных граждан в образовательных учреждениях Российской Федерации, равно как и граждан Российской Федерации в иностранных образовательных учреждениях, осуществляются по прямым договорам, заключаемым образовательными учреждениями, ассоциациями, органами, осуществляющими управление в сфере образования, иными юридическими лицами, а также физическими лицами в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 27 ноября 2009 г. № 18-П признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации оспариваемые положения п. “а” ч. 3 ст. 29 Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 и п. 3 ст. 57 Закона РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 “Об образовании”, поскольку эти положения по своему конституционно-правовому смыслу не препятствуют предоставлению самостоятельно (без направления на учебу в соответствии с международным договором Российской Федерации) поступившим в иностранные образовательные учреждения и обучающимся по очной форме обучения совершеннолетним детям умерших (погибших) военнослужащих, проходивших военную службу по контракту, права на получение пенсии по случаю потери кормильца до окончания обучения, но не дольше чем до достижения ими 23 лет, на равных условиях с гражданами, относящимися к той же категории, но обучающимися в иностранных образовательных учреждениях по направлению на учебу в соответствии с международным договором Российской Федерации.

В п. 3.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 27 ноября 2009 г. № 18-П указано, что лишение достигших 18 лет и обучающихся в иностранных образовательных учреждениях тех детей умерших (погибших) военнослужащих, кто самостоятельно (без направления на учебу) поступил в иностранное образовательное учреждение и получает в нем образование по очной форме, в отличие от лиц, направленных на учебу в иностранные образовательные учреждения в соответствии с международным договором Российской Федерации, права на получение пенсии по случаю потери кормильца до окончания обучения, но не дольше чем до достижения возраста 23 лет, означало бы установление необоснованных различий в условиях приобретения права на получение пенсии по случаю потери кормильца лицами, относящимися к одной и той же категории (обучающиеся в иностранных образовательных учреждениях совершеннолетние дети умерших (погибших) военнослужащих, проходивших военную службу по контракту), исключительно в зависимости от способа поступления в иностранное образовательное учреждение.

Приведенная правовая позиция Конституционного Суда РФ, касающаяся толкования положений п. “а” ч. 3 ст. 29 Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-1, применима и к правоотношениям, возникающим при назначении и выплате страховой пенсии по случаю потери кормильца детям умершего кормильца на основании ст. 10 Федерального закона “О страховых пенсиях”, поскольку названные нормы федерального законодательства регулируют схожие правоотношения.

В дальнейшем такое толкование ст. 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” было подтверждено Конституционным Судом РФ в Постановлении от 5 декабря 2017 г. № 36-П по делу о проверке конституционности п. 1 ч. 2 ст. 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” в связи с запросом Кузнецкого районного суда Пензенской области.

Названным Постановлением признан не соответствующим чч. 1 и 2 ст. 19 и ч. 1 ст. 39 Конституции Российской Федерации п. 1 ч. 2 ст. 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” в той мере, в какой он служит основанием для отказа в назначении страховой пенсии по случаю потери кормильца его детям, самостоятельно (без направления на учебу в соответствии с международным договором Российской Федерации) поступившим в иностранные образовательные организации и обучающимся в них по очной форме обучения по образовательным программам, которые могут быть отнесены к категории основных, на период до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет.

По смыслу приведенных правовых позиций Конституционного Суда РФ право на выплату пенсии по случаю потери кормильца имеют дети умершего кормильца, обучающиеся по очной форме обучения по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе в иностранных организациях, расположенных за пределами территории Российской Федерации, независимо от способа поступления таких лиц в иностранные образовательные организации (самостоятельно либо по направлению в соответствии с международным договором Российской Федерации) до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет.

Определение № 16-КГ18-1

Процессуальные вопросы

18. Требование о присуждении судебной неустойки может содержаться в отдельном заявлении и подлежит разрешению судом, который принял решение по существу спора, в том же гражданском деле.

При подаче заявления о присуждении судебной неустойки государственная пошлина не уплачивается.

Л. обратился в суд с заявлением о присуждении судебной неустойки ввиду неисполнения К. определения суда от 17 июня 2016 г. об утверждении мирового соглашения, в соответствии с которым К. обязан уплатить Л. денежные средства и совершить действия, необходимые для государственной регистрации недвижимого имущества.

Определением суда от 20 апреля 2017 г., оставленным без изменения апелляционным определением от 18 мая 2017 г., заявление возвращено Л. на основании ч. 2 ст. 136 ГПК РФ ввиду непредставления квитанции об оплате государственной пошлины в соответствующем размере в установленный судом срок.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с вынесенными судебными постановлениями по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 308³ ГК РФ в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено названным Кодексом, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства. Суд по требованию кредитора вправе при-

судить в его пользу денежную сумму (п. 1 ст. 330) на случай неисполнения указанного судебного акта в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1).

Как указано в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”, на основании п. 1 ст. 308³ ГК РФ в целях побуждения должника к своевременному исполнению обязательства в натуре, в том числе предполагающего воздержание должника от совершения определенных действий, а также к исполнению судебного акта, предусматривающего устранение нарушения права собственности, не связанного с лишением владения (ст. 304 ГК РФ), судом могут быть присуждены денежные средства на случай неисполнения соответствующего судебного акта в пользу кредитора-зыскателя (далее — судебная неустойка).

Уплата судебной неустойки не влечет прекращения основного обязательства, не освобождает должника от исполнения его в натуре, а также от применения мер ответственности за его неисполнение или ненадлежащее исполнение (п. 2 ст. 308³ ГК РФ).

В силу п. 31 указанного постановления Пленума суд не вправе отказать в присуждении судебной неустойки в случае удовлетворения иска о понуждении к исполнению обязательства в натуре.

Судебная неустойка может быть присуждена только по заявлению истца (зыскателя) как одновременно с вынесением судом решения о понуждении к исполнению обязательства в натуре, так и в дальнейшем при его исполнении в рамках исполнительного производства (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, чч. 1 и 2 ст. 324 АПК РФ).

Таким образом, требование о присуждении судебной неустойки может содержаться в отдельном заявлении и подлежит разрешению судом, который принял решение по существу спора, в том же гражданском деле.

Определением суда от 17 июня 2016 г. утверждено мировое соглашение, по условиям которого К. обязался передать часть офисно-коммерческого нежилого здания в собственность Л.

Впоследствии Л. обратился в суд не с иском заявлением, а с заявлением о присуждении судебной неустойки с ответчика за неисполнение определения суда от 17 июня 2016 г., вынесенного в рамках ранее рассмотренного гражданского дела.

Ссылка суда апелляционной инстанции на необходимость уплаты государственной пошлины при подаче заявления о присуждении судебной неустойки на основании ст. 308³ ГПК РФ является неправомерной, поскольку обязанность уплаты государственной пошлины лежит на истце при подаче искового заявления (ст. 132 ГПК РФ), каковым заявление о присуждении судебной неустойки не является.

На основании ч. 4 ст. 1 ГПК РФ в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права).

Учитывая изложенное, заявление Л. о присуждении судебной неустойки подлежало рассмотрению применительно к правилам, установленным ч. 1 ст. 203 ГПК РФ, не предполагающей уплаты государственной пошлины.

Определение № 70-КГ17-20

19. Суд апелляционной инстанции принимает дополнительные (новые) доказательства, представленные непосредственно в судебном заседании, если признает причины невозможности представления таких доказательств в суд первой инстанции уважительными.

С., Е., А. обратились в суд с иском к муниципальному предприятию о возмещении ущерба, причиненного заливом квартиры, взыскании неустойки, судебных расходов по оценке ущерба и стоимости проезда.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что муниципальное предприятие (ответчик) с декабря 2015 г. осуществляет управление многоквартирным жилым домом, в котором находится квартира истцов, а затопление квартиры атмосферными осадками через кровлю дома произошло 23 марта 2016 г., сославшись на положения ст.ст. 15 и 1064 ГК РФ, ст.ст. 13 и 14 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 “О защите прав потребителей”, ст. 161 ЖК РФ, на Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденные постановлением Правительства РФ от 13 августа 2006 г. № 491, пришел к выводу, что обязанность по возмещению ущерба, причиненного имуществу истцов, должна быть возложена на ответчика, поскольку ответственность перед жильцами за причинение ущерба вследствие ненадлежащего содержания дома и оказания ненадлежащих услуг по договору управления многоквартирным домом должна нести именно управляющая организация.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции исходил из отсутствия совокупности указанных в ст. 1064 ГК РФ условий для возложения гражданско-правовой ответственности за причиненный истцам вред на муниципальное предприятие, поскольку, фактически приняв дом на обслуживание 19 декабря 2015 г., ответчик по состоянию на 23 марта 2016 г. не мог предотвратить затопление квартиры истцов. При этом суд апелляционной инстанции в судебном заседании 1 марта 2017 г. принял дополнительные (новые) доказательства, представленные ответчиком, мотивируя это тем, что в суде первой инстанции неправильно определены обстоятельства, имеющие значение для дела, в том числе по причине неправомерного распределения обязанности доказывания. Сославшись на акт экспертного исследования конструкции кровли жилого дома от 15 ноября 2016 г., суд второй инстанции указал, что работы по ремонту кровли жилого дома, конструктивные элементы которого имеют 70% износа, относятся к капитальному ремонту здания, а собственники указанного жилого дома такое решение не принимали.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение, указав в том числе следующее.

Вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии оснований для возложения на муниципальное предприятие гражданско-правовой ответственности за ущерб, причиненный истцам в результате затопления квартиры, основан на представленных ответчиком в суд апелляционной инстанции дополнительных (новых) доказательствах (в том числе акте экспертного исследо-

вания конструкции кровли многоквартирного дома, произведенного 15 ноября 2016 г.).

Согласно абз. 2 ч. 1 ст. 327¹ ГПК РФ суд апелляционной инстанции оценивает имеющиеся в деле, а также дополнительно представленные доказательства. Дополнительные доказательства принимаются судом апелляционной инстанции, если лицо, участвующее в деле, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными. О принятии новых доказательств суд апелляционной инстанции выносит определение.

В п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции” разъяснено, что, если в апелляционных жалобе, представлении имеется ссылка на дополнительные (новые) доказательства, судья-докладчик, исходя из требований абз. 2 ч. 1 ст. 327¹ ГПК РФ, излагает их содержание и ставит на обсуждение вопрос о принятии дополнительных (новых) доказательств с учетом мнения лиц, участвующих в деле. В соответствии с абз. 2 ч. 2 ст. 327 указанного Кодекса суд апелляционной инстанции принимает дополнительные (новые) доказательства, если признает причины невозможности представления таких доказательств в суд первой инстанции уважительными.

В случае, когда непосредственно в судебном заседании суда апелляционной инстанции лицо заявило ходатайство о принятии и исследовании дополнительных (новых) доказательств, независимо от того, что в апелляционных жалобе, представлении оно на них не ссылалось, суд апелляционной инстанции рассматривает данное ходатайство с учетом мнения лиц, участвующих в деле и присутствующих в судебном заседании, и дает оценку характеру причин (уважительный или неуважительный)

невозможности представления дополнительных (новых) доказательств в суд первой инстанции.

При этом с учетом предусмотренного ст. 12 ГПК РФ принципа состязательности сторон и положений ч. 1 ст. 56 указанного Кодекса обязанность доказать наличие обстоятельств, препятствовавших лицу, ссылающемуся на дополнительные (новые) доказательства, представить их в суд первой инстанции, возлагается на это лицо.

В судебном заседании суда апелляционной инстанции 1 марта 2017 г. ответчик заявил ходатайство о принятии нового доказательства в виде акта экспертного исследования конструкции кровли многоквартирного дома от 15 ноября 2016 г., который в суд первой инстанции не представлялся и судом первой инстанции не исследовался, поскольку на момент рассмотрения дела в суде первой инстанции его не существовало.

В связи с тем, что в апелляционной жалобе ответчик не ссылался на новые доказательства, истцы не были готовы к рассмотрению новых доказательств, с актом экспертного исследования ознакомлены не были, не выразили своего мнения о возможности принятия его в качестве нового доказательства, так как не присутствовали в судебном заседании.

Таким образом, в нарушение приведенных выше положений закона, а также разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, суд апелляционной инстанции принял от ответчика новое доказательство без выяснения вопроса о возможности представления ответчиком этого доказательства в суд первой инстанции. Ответчик не обосновал невозможность представления данного доказательства в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него.

Определение № 31-КГ17-9

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
14 ноября 2018 г.)*

(Окончание в следующем номере)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е.**, **Горшков В.В.**, **Давыдов В.А.**,
Журавлева Е.М., **Момотов В.В.**, **Нечаев В.И.**, **Петрова Т.А.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**,
Свириденко О.М., **Хаменков В.Б.**, **Хомчик В.В.**, **Шилохвост О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации**

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 29.04.2019.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 10,09. Тираж 8586 экз. Заказ 106-2019.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
109316, г. Москва, Волгоградский просп., д. 43, корп. 3, эт. 11, пом. XXVI, комн. 13К.
Телефон: 495-636-27-08.
E-mail: e.moiseeva@sinteria.ru
